

ла разрешение на открытие народной библиотеки при с. Долгорукове, в училище. Туда придется пожертвовать еще шкапы, которые у меня имеются" (*РГБ*, ф. 196, 18.27, л. 14об. – 15).

¹⁰⁸ *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77, п. 10.

¹⁰⁹ Там же, п. 18. Упоминаемую девочку Олю, незаконнорожденную дочь Н.Н. Сатиной, Нат. Ал. впоследствии усыновила (см. ниже в этом разделе).

¹¹⁰ Там же, ед.хр. 78, п. 6.

¹¹¹ Там же, ед.хр. 80, п. 1.

¹¹² Этот длиннейший "рассказ" Н.А. Таль (Утиной) был опубликован в "Вестнике Европы" (1885, № 4–5). Нат. Ал. получила его от Пассек в июне 1886 г. (см. ее письмо к Т.А. Астраковой от 4 июня – *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77, п. 15); см. также ниже в обзоре Л.Р. Ланского "Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой" (прим. 123).

¹¹³ Н.А. Герцен (Захарьина).

¹¹⁴ *Мы* – Нат. Ал. и Огарев.

¹¹⁵ *ГЛМ*, ф. 248, оп. 1, ед.хр. 77, п. 12. – Письма Н.А. Герцен, переписанные рукой Нат. Ал., хранятся в *РГБ*.

¹¹⁶ Там же, п. 13. См. цитированное выше письмо Нат. Ал. от января 1886 г.

¹¹⁷ *РГБ*; ф. 69.9.23, л. 9.

¹¹⁸ *РГБ*, ф. 196.18.18, л. 3–3об.

ГЕРЦЕНУ

Статья и публикация С.Д. Лишине

Публикуемый комплекс писем Н.А. Тучковой-Огаревой к Герцену дает возможность глубже и непосредственнее, чем прежде, ощутить каждодневное давление той удушливо тяжелой психологической атмосферы (XXX, 108), которая окружала Герцена в последние годы его жизни. Эти письма вместе с тем позволяют осознать, какая нестигаемая сила духа была ему необходима, чтобы изо дня в день преодолевать этот душевный мрак, "глухую боль в груди", эту "трагедию à l'antique" (XXX, 111; XXVIII, 93), сохраняя гармоничное мировосприятие, веру в разум и человечность, претворяя их в свое жизнеутверждающее творчество.

Эти письма в своей совокупности помогают проследить перипетии многолетнего драматического диалога полярных мироотношений. И хотя голос Герцена в нем продолжает звучать отрывочно (многие письма его утрачены и уничтожены), мы углубляемся в существо этого диалога изнутри сознания его второго участника, личности, также, безусловно, незаурядной по силе страстей, по напряженности чувств. Однако характер и направленность ее чувств разительно контрастируют с герценовскими, с его способностью "быть светлым и освещать" (XXIX, 3), с его широкой и цельной активной натурой; он всегда открыт миру, живет его общечеловеческими стремлениями и болями. Она же сосредоточена на себе, "вся обращена на личное", как определяет Герцен (XXVII, 248; ср. XXX, 94). "А только общие интересы могут человечески наполнить грудь", – подытоживает он свою жизненную позицию. – И только "общие интересы, взошедшие в плоть и кровь", способны "гуманизировать отчаяние" в момент обрушившихся на человека личных горестей (XXVII, 127; XXVIII, 62). Иначе это отчаяние обращается против близких, набрасывает черную тень на жизнь всего дома.

В них содержится богатый материал как для обвинений, так и для понимания, а, отчасти, и для оправдания их автора, причинившего – вольно или невольно – много горя и Герцену, и Огареву, и детям Герцена. Перед нами совокупность документальных свидетельств, впрямую раскрывающих резкие, "патологические" противоречия личности, характера и поведения Натальи Алексеевны. Усвоенные ею передовые взгляды¹, "мысль о серьезном освобождении женщины", ее "праве на жизнь и труд"² – уживаются с барскими капризами, привычками безделья, "необузданностью" (XXIX, 115), "помещичьими взрывами" и предрассудками³...

Герцен и Огарев подчас склонялись к мысли, что перед ними "психиатрический случай" (XXVIII, 93)⁴. Однако они неизменно возвращались к социально-идеологическим истокам этой "патологии".

В осмыслении душевной жизни Натальи Алексеевны проявляется очень выпукло своеобразие концепции человека, свойственной Герцену-художнику. Доминанта натуры, двигатель поступков и чувств для него всегда в особенностях мировоззрения, "понятия о жизни", в свою очередь, определяемого историческими обстоятельствами.

Теперь, более чем на столетней дистанции, расширяющей поле обзора, еще четче проступают конкретно-исторические и типологические очертания этого духовного феномена.

Именно письма Натальи Алексеевны к Герцену (вместе с публикуемыми выше письмами ее к Огареву), обнажая непрерывную муку “сломанного, исковерканного сердца” (XXIX, 197), расчищают путь к постижению объективной логики, ее противоречивых эмоций, мыслей, поступков, к пониманию своеобразной закономерности, появления столь дисгармоничного, неуравновешенного, вечно раздвоенного характера. В конечном счете он может быть осознан как одно из порождений пограничной исторической, духовной ситуации в жизни страны, вступившей в эпоху “колоссальных потрясений”⁵.

Уже было отмечено, что по сосредоточенности страстей, по неистовству ревливой, подчас злобной непримиримости, душевный мир Тучковой-Огаревой заставляет вспомнить шекспировских inferнальных героинь⁶. И для такого сближения есть известные основания. В общечеловеческой типологии характеров, в их возможной близости на разных пространственно-временных отрезках развития человечества спрессованы, к тому же, определенные черты сходства самих исторических моментов (и там и здесь человек на грани двух формаций, двух типов сознания). Однако значительно более прямые и множественные нити ассоциаций тянутся от смятенных проявлений душевной жизни автора писем к миру героев Достоевского, а в определенной мере и к поздней лирике Тютчева. Тот же гиперболизм чувств, напряженность которых доходит до предела в любви и ненависти, — подчас нераздельных. Те же стремления к “свету, счастью, миру” (АО, 144) — и убивающий их в собственной душе мрак ревности, эгоцентризма, самолюбивой властности и мстительности, которая не останавливается перед перспективой самоистребления, лишь бы причинить боль любимому. Несчастье неотвратимое, — пишет Герцен 29 мая 1867 г., — “твой характер, способный на любовь, но не способный, в вечном беспокойстве, дать вздохнуть всему, что ты любишь” (XXIX, 108).

Можно ли не вспомнить здесь Тютчева:

О как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

В основе внутренних соответствий мы находим единую духовную почву русской жизни середины XIX в. Тогда в условиях начинавшейся всеобщей ломки патриархальных устоев, моральных скреп формировались различные психологические комплексы — в частности, революционно-демократический тип раскрепощенного сознания, устремленного к беззаветному подвигу во имя народа. И наряду с ним — противоречивые формы “расколотой” психологии, тип человека с душевным “подпольем”, с пробужденным, обостренным чувством личности — и отсутствием сверхличных опор, ориентиров в стремлении к “лучшему”, а потому с тягой к “самоказни” и “мучительству”, к мнительной самообороне от всего мира.

Этот новый склад мироотношения был чутко нащупан в действительности Достоевским и впервые художественно (эпически) исследован в “Записках из подполья”, а затем в различных видовых оттенках воспроизводился в его романах. Впрочем, жизненный вариант подобного разорванного характера еще ранее стал предметом социально-исторического осмысления в “Былом и думах” Герцена, в главе “Энгельсоны”, где он анализируется в контрастном соотношении с целостным авторским сознанием⁷. В рассматриваемых письмах встает перед нами еще одна яркая и глубоко своеобразная по реальным истокам жизненная разновидность того же духовно-психологического типа.

Наталья Алексеевна росла в атмосфере передовых идей западнического круга русской интеллигенции 1840-х годов. Стремление к свободе личности, к равенству женщины, отталкивание от пут николаевского деспотизма составляло общий фон ее ранней романтической настроенности. При характерном для воспитания девушки в помещичьей среде отсутствии серьезной жизненной подготовки, систематического образования, а следовательно — и какого-либо деятельного призвания — этот “героический романтизм” устремлений (АО, 262) целиком сосредоточился в сфере чувства. Идеальным объектом его — с детства, как вспоминает она в одном из писем 1865 г. (РП IV, 292–293), — стал автор “Кто виноват?”

Встречи в революционной Европе 1848 г., общие переживания энтузиазма и горечи — расцветили новыми, несмываемыми красками романтический ореол вокруг его личности в душе юной Натали. Неосуществимость чувства лишь добавила экзальтации к его проявлениям. Обращенные к Герцену строки в письмах к Н.А. Герцен 1848–1849 гг. (см. выше) дышат безоглядным поклонением.

Отблеск этого ореола лег и на отношение Наташи Тучковой к самой Н.А. Герцен, и на давнюю дружескую привязанность к Огареву. Но именно поэтому в любви к нему, во многом нафантазированной (еще и в связи с внешними препятствиями), не могла она найти удовлетворения. Как невозможным оказалось для Натальи Алексеевны и исполнить в действительно-

сти столь привлекательную в воображении миссию матери для детей умершей любимой подружки. В ноябре 1852 г. она писала Саше Герцену из Москвы: “Я только для того хочу жить теперь, чтоб вместе с папой и Огаревым сберечь ее возлюбленных детей и отстранить от них сколько можно печали и горести” (XXIV, 526). Писала со всей искренностью романтического порыва. Когда же его пришлось воплощать в каждодневной жизни, камнем преткновения стали иные, темные стороны натуры – ревность и мнительность, неуравновешенность и нетерпимость. И они проявляются почти сразу же по приезде в Лондон. “Исполнение завещания покойницы – было фантазия, любовь ко мне – фантазия”, – с горечью резюмировал Огарев (ЛХ, 347).

Строя свои личные отношения в возникшем семейном сообществе на основах, как думал Герцен, новой, свободной нравственности, скрепленной любовью их двоих, дружбой, уважением и полной откровенностью троих, освященной делом борьбы за освобождение народа, он не считал нужным открывать всем подлинный характер этих отношений – сложных и, по существу, – что он понял уже вскоре, – не оправдавших себя. Его “многое внутри останавливало”, – писала сама Тучкова-Огарева после смерти Герцена (АО, 259). И в частности, – думается нам, – здесь сыграл свою роль предшествующий трагический опыт.

В конфликте с Герцегом Герцен стремился к публичному утверждению перед лицом демократической общественности Европы норм свободной, гуманистической морали. Он потерпел обескураживающую неудачу, натолкнувшись и в этой среде на господство предрассудков лицемерной буржуазной нравственности. Поэтому в разрешении вновь возникшей этической коллизии он предпочел иной путь. В согласии с Огаревым он попытался на этот раз молчанием стать вне и выше нравственного суда окружающей среды – в том числе и демократической, широте взгляда которой имел уже основания не доверять. Однако и здесь его подстерегало тяжелое поражение. Отгораживаясь завесой тайны от внутренне отринутых этических норм отжившего, но продолжавшего существовать общественного уклада, новая семья как бы молчаливо делала уступку внешнему декоруму. Свобода выбора женщины в любви оборачивалась на деле вынужденной ее скованностью в проявлениях чувства – при посторонних, при детях. Выгнанное в дверь лицемерие господствующих нравов входило в окно неизбежной лжи в общении с окружающими. “Неужели ты думаешь, что мне легко носить этот капкан лжи”, – писал Герцен Огареву 29 апреля 1868 г., заключая горько: “Мы не умели устроить нашу жизнь добротно, с тем дигнитетом^{74*}, на который имели право *и ты, и я*. Я страдаю от этого” (XXIX, 327). Нестерпимость самого положения усугублялась несчастной натурой Тучковой-Огаревой. Она склонна была видеть во все большем усложнении ситуации нарочитое унижение...

Герцен тяжело переживал новое жизненное крушение, развал семьи, в которой при всей трудности отношений “Лиза стояла (...) великой связью” (XXIX, 116). Осознавая общесторические корни несчастья – в катастрофически переломном характере эпохи, но и не снимая ни с себя, ни с Натальи Алексеевны внутренней ответственности за ошибки и просчеты, он призывает ее к “терпению”: “Наша нитка попала в канат исторического корабля... да еще и в частной жизни закрутилась” (XXVIII, 194). Герцен стремится нащупать иные, реальные пути разрешения нравственных коллизий. В частности, этой потребностью и объясняется тот жадный интерес, с каким он возвращается летом 1867 г. к чтению романа Чернышевского “Что делать?” Поэтому же столь притягательной оказывается для него трезвая, лишенная уже всяких признаков романтического идеализма манера автора “ставить житейские вопросы”. В предлагаемых лидером следующего революционного поколения решениях он находит “бездну хорошего”, “здорового, воспитательного” (XXIX, 160, 159).

Однако и поставленный в романе Чернышевского нравственный эксперимент, – приходит к заключению Герцен, – “ничего не разрешает” в запутанной сети реальных жизненных противоречий (XXIX, 170). Недаром, чтоб сохранить его чистоту, автору романа пришлось обрубить в сюжете многие связи, неизбежные в реальной действительности. Чтобы показать возможности торжества свободных человеческих отношений в среде “новых людей” уже сегодня, в несвободном мире старой моральной догмы, потребовалось прибегнуть к искусственному, условно-детективному фабульному ходу – инсценировке самоубийства Попухова – и тем упростить задачу.

16 августа 1863 г. Герцен записал в своем дневнике (который, по его словам, “можно бы назвать, – если б это не было *zu deutsch*^{75*} – Книгой Стона”): “Жизнь вырабатывает себе *au fur et à mesure*^{76*} – форму, обряд (...) частное и личное отрицание их ведет к столкновениям, в которых лицо гибнет, – потому что материальная сила большинства против него. Вот отчего отрицать легко в теории – и ужасно трудно на практике. Частной жизнью не много сделаешь,

^{74*} достоинством (франц. *dignité*).

^{75*} слишком по-немецки (нем.).

^{76*} постепенно (франц.).

ее нельзя выдать за норму. Теорию с практикой в деле отрицания примиряет революция. В ней отрицание — не личное, не исключительное, не на выбор, не уклонение — а открытое противодействие старому и водворение нового. Старая добродетель объявляется пороком, нелепостью и пр. Все это невозможно для отдельного лица — и для домашнего употребления, и все-го невозможнее, когда оно идет от эстетических целей” (ХХ, 602, 603).

В этом конечном теоретическом выводе революционного философа и социолога, прозревающего объективные законы общественного бытия, истинную диалектику движения этических норм, спрессованы и итоги собственного тяжкого опыта, и глубинные обобщения художника-реалиста, и наблюдения литературного критика.

Так мысль Герцена вновь и вновь, как стрелка компаса к магниту, устремляется к революции — только она, с социальным освобождением масс, способна принести во всемирно-историческом масштабе победу новой, свободной морали. Однако житейская практика требовала безотлагательных личных решений. Летом 1869 г. Герцен делает очень трудный в создавшихся обстоятельствах, но единственно достойный человека свободного гуманистического сознания шаг — легализует свой многолетний союз с Натальей Алексеевной. Этими днями и завершается цикл известных ныне ее писем.

Тучкова-Огарева не раз повторяла, что “худшее” в их жизни — “было не столько от столкновения характеров, сколько от невыносимого положения” (АО, 68, ср. 66, 144, 258–259). Но вот “натянутое положение” было снято, драма же продолжалась. Она продолжалась за гранью предлагаемой переписки и за гранью вскоре оборвавшейся жизни Герцена, ибо это была неизбывная драма характера, несущего в себе самом узел острейших жизненных, духовных противоречий. Развязкой этой драмы стала спустя пять лет смерть Лизы Герцен.

* * *

Коллекция писем Тучковой-Огаревой дает многообразные новые данные для герценоведческих изысканий. В частности, мы можем пополнить сведения о круге чтения в семье Герцена.

Один из существенных аспектов содержания писем — сведения о французских переводах произведений Герцена, которыми начинает систематически заниматься Наталья Алексеевна. Упоминания об этих трудах, делавшихся старательно и с любовью, мы встречаем в ряде ее писем. Как явствует из них, эти переводы нередко осуществлялись под наблюдением автора и при его частичном участии. Так, около 3 февраля 1866 г. Наталья Алексеевна сообщала Герцену (по-видимому, насчет статьи “По разным поводам”): “Перевод мой продвигается (...) есть пробелы для тебя”. А в другом письме (от 22 января) она осведомляется, как перевести слово *рефлексирование*. Заметим, что Герцен в последние годы жизни то и дело возвращался к мысли об издании во Франции этих переводов.

Все эти обстоятельства требуют внимательного изучения французских изданий, переведенных Тучковой-Огаревой.

Сосредоточенность Натальи Алексеевны на “частном”, за которую порой упрекал ее Герцен, отнюдь не означала отсутствия общественных интересов. Публикуемые письма подтверждают это в полной мере. Они же наглядно демонстрируют, как эти интересы оттеснились у Натальи Алексеевны на периферию внутренней жизни; доминирующим же ее элементом по-прежнему оставались мнимые обиды, страдания уязвленного самолюбия, порывы мстительной самообороны от окружающих. Дисгармоничность психики этой бесконечно много страдавшей женщины, неуравновешенность ее характера и явный эгоцентризм помешали ей стать надежной соратницей великого публициста и революционера.

* * *

Подавляющее большинство писем Натальи Алексеевны к Герцену не датировано. Время и место написания каждого отдельного письма с трудом поддается определению, потому что они главным образом посвящены чисто личным, интимным сюжетам; это, чаще всего, вариации одних и тех же переживаний. Поэтому при прежних, выборочных публикациях датировка их чаще всего была весьма неопределенной и охватывала подчас период в несколько лет.

Лишь исследуемые в своей совокупности документы могут теперь быть расположены в строго хронологическом порядке и датированы с достаточной степенью определенности — подчас по мельчайшим оттенкам настроений, палеографическому соотношению, малоприметному движению реалий, которое обнаруживается лишь при включении в круг наблюдения каждого письма как впервые публикуемого, так и напечатанного ранее.

Результаты наблюдений над письмами Натальи Алексеевны к Герцену фиксировались в выходявших параллельно с настоящей работой томах “Летописи жизни и творчества А.И. Герцена”, где проведен детальный анализ предлагаемых датировок.

Публикуемые письма печатаются впервые по автографам РГАЛИ, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 97. Л. 1–219. В этой же коллекции хранится 58 полностью напечатанных прежде писем (см. РП IV, АО и XXX, 381).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Живя в своем имении Яхонтово (Долгоруково), Нат.Ал. удавалось в какой-то мере претворять в жизнь эти порывы к общественной деятельности (см. в настоящем разделе ее письма к Н.А. Герцен и Герцену конца 1840-х годов, письма к Е.С. Некрасовой 1890–1900-х, а также письма к Толстому 1892 г. в Юбилейном сборнике “Письма Толстого и к Толстому”. М.–Л., 1928., с. 190–209).

² См. письмо Тучковой-Огаревой к А.П. Суслову (“Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы”, сб. II. М.–Л., 1924, с. 280–281, с датой публикатора “конец июня – начало июля 1865 г.”). Нами оно датируется около 15 июня 1865 г. (см. ЛЖГ IV, 135).

³ Письмо Огарева, относящееся, по нашему мнению, к лету 1865 г., см. в “Лит. наследстве”, т. 63, с. 509–510; опубликовано с датой *вторая половина 1860-х гг.*

⁴ Ср. также письмо Огарева к Герцену от 14–19 августа 1865 г. (“Лит. наследство”, т. 39–40, с. 410; опубликовано с датой 5 июня 1865 г., передатировано: XXVIII, 318).

⁵ Ф.М. Достоевский и й. Наброски предисловия к роману “Подросток” (“Лит. наследство”, т. 77, с. 342. (Полное собрание сочинений в 30 томах, т. XVI, Л., 1976, с. 329).

⁶ См. АО, 8, 9.

⁷ См. об этом в нашей статье “Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий” (“Русская литература”, 1972, № 2, с. 48–51). Кстати, в пору завершения главы Герцену приходили в голову мысли о близости душевного склада Энгельсона и Нат.Ал. (см. его письмо к ней от 14 января 1866 г. – XXVIII, 141).

1

(31 декабря 1864 г.) Hôtel Nevet. Montpellier.¹

Дай мне твою руку, Герцен, выслушай меня терпеливо. Будь уверен, что я прежде всего желаю, чтоб ты окреп. Совесть, однако, заставляет меня говорить – я боюсь за Лизу, я боюсь слечь.

За Лизу боюсь, потому что на нее дурно действуют совершенное одиночество и вечная печаль. Она не хочет играть с детьми, даже отказывается идти вниз с Мари² – и все это из страха за меня: “Как можно тебя оставить одну, мама, ты пропадешь”. Я улынулась: “Ну, полно, Лиза, ты не думаешь такого вздора, возьми, пожалуй, ключ”. Она сделала очень серьезное личико: “Тогда дядя Гер(цен) был с тобой, а так одну нельзя тебя оставить, ты будешь плакать, лучше буду одна”. И ни за что не пошла.

Вечером влезла на мои колена и стала просить, чтоб я была повеселей. “Не могу, душа моя, больно жить без детей”. – Она вся покраснела: “Я это чувствую, мама, мне самой хочется плакать – так ты не плачь – я каждый день вижу их во сне и поутру ищу их, не понимаю, где они” (я тебе пишу ее слова). «Помню я, что у m-me S(alias)³ я раз сказала дяде что-то Леле сказать, и тогда все покраснели, и я подумала: “Что-то от меня скрывают”. Я их любила равно, мама, я всегда думала, что они близнецы, так нужно их равно любить, ну, выросли бы они, и один бы понял, что его меньше любили, ну, это нехорошо – ведь Бой был бы умный после, ну, а все-таки я любила больше Лелю, потому что она была такая...»

Об себе скажу только, что трудно принуждать себя есть, я бы хотела, чтоб стороной как-нибудь ты спросил у Фогта⁴, может ли человек жить кофеем и супом в сутки – мясо мне ужасно противно, и с каждым днем меньшее количество пищи наполняет меня так, что дышать не могу. Я хочу быть на ногах, пока я одна с Лизой. Если б одна случайность нанесла мне такой удар, может, упорное желание Лизы заставить меня жить победило бы меня, но тут совесть и память – с каждым днем менее они мне дают спать – я только сплю час или два, когда укладываю Лизу. Потом проснусь и начну перебирать все прошлое, и страшно, и жутко, и не выйдешь никуда, нет дороги, а мозг работает, доказывает мне так неумолимо, что я двадцать раз во всем виновата – и ночь тянется медленно – думать об них в эту тишину было бы облегчение, но совесть не может уступить. Сегодня, вставая с кресла, – да ты не думай, что крес-

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА

Фотография Осбера. Париж, 1860-е годы. На паспорту штамп фотографа: "Osbert. 67, Rue de Rivoli"
Музей Герцена, Москва

ло дает спать, я все пробовала – сегодня ноги мои так дрожали и что-то мутилось в голове, так что я подумала: "Что же будет с Лизой, если я занемогу?"

Ты не можешь приехать⁵, да когда ты и приедешь, я бы хотела, чтоб ты взял комнату подальше, работал у себя по утрам, а там бы мы видались, – но ты мне нужен, а для Лизы нужнее была бы женская помощь и обстановка семьи.

Ах, бедный, бедный, за что это горе тебе – а я, мне кажется, что я засну только около нее – это мое место.

Прощай, крепко тебя обнимаю, – да ведь ты понимаешь, что и Лизу без боли я не оставляю, что-то ее ждет.

Твоя Н а т а л и

Кланяйся всем. – У Лизы и у меня беспокойное чувство, куда-нибудь ехать, как бывает у умирающих. Лиза говорит: "Зачем дядя не взял нас в Женеву, скучно в нашей клетке".

Лиза иногда нас просит шуметь – говорить громко: "I go made, *Marie*, if You dont make a noise"^{77*}.

^{77*} Я сойду с ума, *Marie*, если ты не будешь шуметь (англ.).

Сейчас принесли твое письмо⁶. Лиза собиралась сама к тебе писать – она сильно скучает... бедная, если б ты знал, как мне ее жаль. – Сегодня ночью в полночь четыре субботы как Леля спит⁷ – когда же мне можно будет лечь возле нее? – прежде не заснешь.

Рукой Лизы:

Милый дядя, ты очень милый.

Л и з а

Рукой Тучковой-Огаревой:

Что деньги – поедешь в Англию или только в Париж?⁸

¹ Письмо адресовано в Женеву, куда Герцен уехал из Монпелье 27 декабря 1864 г. для участия в съезде русских революционных эмигрантов.

² Мари – горничная и няня Лизы.

³ Чтобы спасти Лизу от заражения дифтерией, Герцен 3 или 4 декабря отправил ее на несколько дней к гр. Е.В. Салиас, а затем, около 6 декабря, перевез Тучкову-Огареву с Лизой в гостиницу на улице Castiglione.

⁴ С.К. Фогтом Герцен виделся в эти дни в Женеве (см. XXVII, 555–557).

⁵ Герцен намерен был из Женевы поехать в Париж и Лондон для завершения подготовки к переезду семьи на континент. Но, получив наст. письмо, он 2 января 1865 г. писал Огареву: “От Nat(alie) вчера получил письмо, до того мрачное и грустное, что, может, я сам с Сашей еще съезжу на неделю в Montp(ellier). Ее одну надолго оставлять нельзя” (XXVIII, 8). Герцен вернулся в Монпелье 7 января (XXVIII, 10).

⁶ Письмо от 30 декабря (XXVII, 556–557). Тучкова-Огарева ответила на него 1 января 1865 г. (см. РП IV, 282–283).

⁷ Трехлетняя дочь Герцена и Тучковой-Огаревой Елена умерла от дифтерии в ночь с 3 на 4 декабря 1864 г.

⁸ Ответ Герцена от 1 или 2 января неизвестен. См. о нем XXVIII, 393 (№ 1).

2

4 j(анvier) 1865. Hôtel Nevet. Montpellier¹

От Ог(арева) письмо, наконец, и от Тхор(жевского) трогательное². – Я стараюсь беречь Лизу, минутами она очень весела – но иногда головка ее работает слишком много, тогда она садится на мои колени:

“Мама, зачем в мире так много дурного, горе, болезни, смерть”, – и все в этом роде. – “Зачем ты не хочешь отравиться со мной, это лучше, чем меня оставить, я все-таки не буду жить без тебя”.

Будь осторожен насчет гувернанты, я мало надеюсь на Берн – там совсем не те люди, что нам надо³.

Слажу или нет с жизнью, все-таки я бы Тате отдала Лизу – не лучше ли с ней посоветоваться – я жду с нетерпением ее ответа.

Насчет Флор(енции) ничего не знаю⁴ – надо же детей увезти из Парижа – мне больно ехать так далеко от них. Что бы я хотела, – это в самом скором сроке соединиться всем в одну семью – не бойся меня, Герцен, я с каждым днем менее понимаю земные радости и печали, я уже чужая – а любви ко всем бездна, и перед смертью хотелось бы ею окружить все, что я должна была любить всю жизнь, – и так мне хотелось бы посмотреть на всех, и на Лизу, я думаю, ее нервная любовь ко мне успокоится, и тогда я буду свободна. Если бы была малейшая опасность для нее в моем освобождении, я бы стала ждать – но кто меня хоть каплю любит, должен работать для моего освобождения. Я не преувеличиваю, эта попытка сверх сил – меня поддерживает только мысль, что она не может долго продолжиться, вот почему не хотелось бы терять слишком много времени. Кто знает, кто из нас уже в дороге, – подумай об этом, бедный, жаль мне тебя, но ведь лучше предвидеть и действовать разумом – если б я знала, что такое разум, – они были бы живы.

Если бы ты знал, какой страшный круг: думаешь, думаешь, все перебираешь, и иногда до того дойдешь, что кажется, что их спасаешь, – я бегу из Парижа, и ноги дрожат, и дух занимается – это почти действительность – и вдруг факт, беспощадный, неизменяемый, горечью и слезами не возвратимый – и тогда начинаются воспо-

минанья – вся болезнь, все ошибки, все слова – последние минуты – прощанье, всё, всё перед глазами. – И шепчет кто-то: “Ты их убила – зачем?”⁵ В ночной темноте мне чудится что-то белое, и я надеюсь (а знаю, что этого не может быть), но я зову их: “Подите ко мне, простите меня за мою страшную муку, дайте мне ваши холодные головки обнять, но не тяните меня так сильно в могилу, Лиза одна – подождите – и я чувствую, что иду к вам, я уж тут чужая”.

Прости меня, что я тебе все это написала, – это только капля из моей муки. Прощай – крепко жму твою руку.

Твоя N.

Помни, что если гувернанта будет у Лизы, она должна быть очень умна и добра – иначе ни она не выдержит, ни Лиза ее не полюбит.

С письмом Мейз(енбуг) к тебе⁶ была записка Ольги к Лизе⁷, я нахожу в ней переверот – сердце ее грустно проснулось на могиле – но это не шутя – я не могу перечитывать записку ее без слёз.

Мари хотела бы двойной медальон с обоими портретами.

¹ Ответ (начало его опубликовано в РП IV, 283–284) на письмо Герцена от 1 или 2 января 1865 г. (ср. предыд. письмо).

² Эти письма неизвестны.

³ Герцен пытался найти в Женеве гувернантку для Лизы и вел переговоры с К. Фогтом о приглашении его знакомой “женевки” Боссон; он намерен был предложить это место также приехавшей из России А.С. Симонович.

⁴ А.А. Герцен пригласил Нат. Ал. с Лизой пожить во Флоренции (см. XXVIII, 8).

⁵ Нат. Ал. мучилась мыслью, что причиной смерти близнецов явился ее поспешный отъезд с детьми из Лондона в Париж 11 ноября 1864 г. – вопреки воле Герцена и Огарева.

⁶ Это письмо М. Мейзенбуг из Рима неизвестно. Нат. Ал. получила его в Монпелье и переслала в Женеву со своим письмом от 1 января (см.: РП IV, 282).

⁷ Записка эта остается неизвестной.

3

(Женева. Около 13 августа 1865 г.)

Много писем писала к тебе, но всё не то, всё не вся моя мысль в них. На душе так больно – выслушай меня. У нас все тихо, но этого мало, наболевшая душа просит больше. Как бы я виновата ни была, неужели наказание тебе не кажется выше сил человеческих – наказание это настолько вечное, насколько жизнь моя. Дети не могут измерить всего ужаса моего мученья, ты, может, и сам не всегда помнишь его – дети будут хороши со мной, когда наше отношение оправдается нашей любовью – до этого это немыслимо, и это ничья вина.

Мы стоим близко и в совершенной дали, из этой жизни, в этом запутанном положении выхода нет.

Нам надо говорить с тобой – устрой это, пожалуйста, не бойся, ничего жесткого не коснется твоего уха – мы обдумаем терпеливо то, что возможно сделать для Лизы.

Я не воскресну и не буду счастлива, нет, нет, Герцен, это невозможно, но я могу стать на ноги, сделать многое для Лизы и, может, для тебя, во всю твою жизнь тебя никто так не любил, дай мне возможность тебе это доказать – дай мне услышать через два, три года: “Дети, протяните руку женщине, которой я отпускаю многое за ее любовь” – да – да, ты это скажешь – я чувствую – я верю¹.

¹ Письмо получено Герценом 14 августа. Отклик на него см. в общем письме к Огареву, детям и Нат. Ал. от 15 августа (см. XXVIII, 94).

(Монтрё. Около 28 сентября 1865 г.)¹

Теперь об Лизе, кажется из пансиона ничего не выйдет, он из рук вон плох – детей почти нет, их тиранят, гувернанта страшно вспыльчивая и нетерпеливая, и Лизе пришлось бы учиться одной, потому что она мала – вот впечатление, сделанное со слов Лили, однако я попробую [я, может, устрою другое: буду водить ее только на уроки гимнастики, танцев и рисования] – дама не соглашается на уроки только гимнастики, рисования и танцев. Потом они хотели брать ее на прогулки – сегодня она с ними ходила. Русская девочка была у нас полдня воскресенье. Она добрая девочка – мне ее было смертельно жаль. Когда мы ее привели домой, она стала расспрашивать кухарку, не приехали ли родственники ее подруги. “Да, – отвечала кухарка, – все приехали, и братья, и сестры, и мать! Она ушла с ними”. – “Ah! Comme c’est charmant”^{78*}, – воскликнула Лили с таким сияющим лицом, что я загляделась на ее просветлевшее лицо. И вдруг оно изменилось, она опустила глаза, и невыразимое выражение горя пробежало по детскому лицу – к ней никто не придет – бедная, бедная сирота.

Лили не жалуется на хозяйку, она, как Милютин, у нее тоже столонячий.

Бедный Михай(лов), больно думать об нем – ни в личном, ни в общем не было отрады в последнюю минуту, а шел на каторгу без унынья и вышел из нее, наконец. Один-одинешенек, может, умирал, может, знал, что умирает.

Хотела хоть что-нибудь сказать тебе не печальное, да нет, даже что и смешно, то до слез грустно.

Сию я нынче всегда около русской больной² – она все назидательно говорит об жизни, все у нее страшные, все она хулит, осуждает и тотчас крестится, чтоб омыться от греха. Бедная умирающая, все занята своим желудком, кушаньем, говорит едва слышно – иногда жаль ее переспрашивать, сижу да думаю, прошедшее стоит перед глазами, а слышу все тихий шопот.

“Вот вы возьмите квартиру, ну и прикажите, чтоб делали хороший суп, ну да – сабальон³ у вас делают сабальон, чай?” Я видела по тону, что много потеряю, если скажу, что не знаю, что такое сабальон. Я минуту молчала, улыбнулась, чтоб смягчить неприятное впечатление, и призналась, что не знаю, что такое сабальон. Она строго посмотрела на меня: “Ну как же, мать моя, пустое, знаете, всякая овощ, всякая зелень с ним хороша, сама вам запишу – вон еще знаю один варенец, прелесть, мороженое просто, я вам запишу, только по моим запискам и умеют делать – а я-то – вот положенье, только смотри, как другие кушают. – И опять она (гов)орит и опять слышу: сабальон, сабальон. – Неужели и я со временем об еде одной думать буду – да лучше с голоду умру. Если тебе неприятно мое письмо – прости меня – мне, право, этого не хотелось. Ну прощай – Лиза немного простудилась.

Узнай хорошенько об докторе. – Сагг – дрянь, он с русской дурно поступает и страшно груб и небрежен – старик по вечерам не ездит – разве в Веве?

Луг(инина) письма нигде нет, не нашел ли ты дома?”⁴ (...) я одно письмо Ог(арева)⁵ и одно Шнауера⁶ нашла, а Луг(инина) нет⁷.

¹ Начало письма, очевидно, не сохранилось. Это ответ на неизвестное письмо Герцена, в котором сообщалось о гибели М.Л. Михайлова (15/3 августа 1865 г. на Кадаинском руднике). Герцен узнал о его смерти около 26 сентября (см. XXVIII, 106). Вероятно, тогда же он известил о ней Нат. Ал.

² Очевидно, Комарова (см. п. 11).

³ Сабальон (франц. sabayon – от итал. zabaione) – смесь яичных желтков, сахара, вина и ароматизирующих веществ, которую взбивают при варке.

⁴ Это письмо В.Ф. Лугинина из Женевы к Герцену в Веве или Монтрё неизвестно (Герцен приехал в Веве 15 сентября, чтобы отыскать квартиру для Нат. Ал., которая, покидая его женеvский дом, собиралась там поселиться с дочерью. Они прибыли в Веве 17 или 18 сентября. Не найдя удобной квартиры и пансиона для Лизы, 20 сентября переехали в Монтрё, где остановились в Hôtel du Pont. 21 сентября Герцен нашел квартиру в пансионе Пиле и, очевидно, условился о переселении туда Нат. Ал. с Лизой с 1 октября. 23 сентября он вернулся в Женеву (см. XXVIII, 102–106).

^{78*} “Ах! Как это мило” (франц.).

⁵ Герцен получил письма от Огарева из Женевы 17 и 20 сентября (см. XXVIII, 102, 104 – оба неизвестны).

⁶ Возможно, речь идет о неизвестном письме к Герцену или Огареву от Я. Шнеура, их лондонского знакомого. Как явствует из служебной записки составленной в III Отделении 30/18 сентября 1867 г., Шнеур “неоднократно предлагал” ему свои услуги в качестве агента-осведомителя, “но они постоянно были отклоняемы по его неблагонадежности” (ГАРФ, ф. 109, с.а., оп. 2, ед. хр. 563, л. 8).

⁷ Ответ Герцена, написанный около 30 сентября, неизвестен. См. о нем в след. письме.

5

Montreux. (Около 2 октября 1865 г.)
Chez m-me Pilet¹

Вот мы и на квартире, – мала, но ничего – жить можно. Вид, даже из w(ater) - c(loset) – вот как я исполнила твоё желанье.

Я бы сегодня не писала к тебе, не хочется писать, несмотря на то, что я всю ночь не спала и в уме своем писала к тебе длинное письмо, это так, ненужная потребность передавать, что чувствуешь, – что же нам говорить, мы не понимаем др(уг) др(уга), что же за семья у ребенка, когда мать и отец, как чужие?

Непризнание собственное важности, серьезности наших отношений было одна из самых непоправимых ошибок – теперь, когда мы оба поняли, что даль лучше этой страшной жизни, зачем же все поминать об семье – ты должен был нас оставить, исполняя свои другие обязанности, я истинно желаю, чтоб ты нашел в них утешенье. Я понимаю, что тебе жаль нас, т.е. Лизу, потому что, помяная об ее отсутствии, ты наивно молчишь об моем, да это ничего. Я лучше люблю правду.

Я сказала, что не написала бы тебе, если б не встретила случайно даму, которая знала меня и Ог(арева). Предупреди Ог(арева). Он ее не узнает. Она называется Вейсберг Елизавет(а) Ник(олаевна). Ог(арев) крестил ее дочь, с которой она, вероятно, приедет. Она ничего, в Женеве только проездом – они были всегда очень милы с нами, я думаю, надо с ними быть учтивыми.

Благодарю тебя за газеты. В пансионе у меня был горячий спор за М(аццини) с австрийским генералом – после мы не говорили.

Больная и горничная нас бесконечно любят, я им сделалась необходима. “Матушка, – говорит горничная, – так это у вас праздник был за освобождение², уж какую благодарность должны вам оказать – и не знаю. Ах, какие это вы добрые”.

Я не понимаю, зачем ты прислал эту грам(матику). Это для иностранцев, объясни – я не думаю, чтоб стали пускать Лили учиться у меня. Я не знаю, что переводить по-французски. Пока оставлю оглавление и буду продолжать half-half^{79*}.

Прощай, всем желаю веселиться. В отеле с меня взяли 164 ф. Вот как!³

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 30 сентября (вместе с газетами и русской грамматикой для Лизы).

² Горничная говорит о празднике по случаю освобождения крестьян, который был устроен в лондонском доме Герцена 10 апреля 1861 г.

³ Ответ Герцена, написанный около 6 октября, неизвестен. См. о нем в след. письме.

6

(Монтрё. 7 или 8 октября 1865 г.)

Я получила книги и твоё письмо¹, позволь не отвечать на него сегодня, я что-то устала. У Лизы глаз болит и чирей, все не важно, но оно мучительно, – голова идет кругом.

Напиши мне, которую книгу ты советуешь переводить сперва.

С(ерно)-С(оловьевича) все-таки жаль, я к нему отсюда ни разу не писала, в моих письмах ничего нет неблагородного, я отклонила его исповедь, потому что ждала от

^{79*} поровну (англ.).

этого для всех неприятностей, я говорила, что слухи дошли до нас, в этом ничего нет особенного², зачем нигилизм и на это не годится, чтоб одну женщину убедить, что неблагородно чужие письма пересылать *вопреки* воле писавшего, а другую, что сошествие Гавриила так давно, что все в нем сомневаются³.

Вот Лизина записка к От(ареву) под диктант⁴ – она жалуется, что я не даю ей читать, но ей больно читать.

Она здесь вставала аккуратно в 7. В 8 мы уже отзавтракали, после она училась со мной по-русски, она гораздо лучше читает, в десять шла в пансион, в 12 – за ней ходили, тут мы гуляли с работой, в 2 мы обедали, в три она ходила опять в школу, в 4 возвращалась, тогда мы делали долгую прогулку или ходили навестить больную в Hôtel Montreux, в 6 1/2 мы уже были дома, в 7 пили чай, потом занимались разными работами, в 8 1/2 Л(иза) шла спать – тогда я давала урок miss Turner – потом занималась одна или писала письма.

Возле нас Hôtel du Pont, из которого сначала нам носили обед удивительно хороший. Я тебе советую в нем остановиться, когда приедешь. Вот письмо от Пог(одинна)⁵. Видели его только раз, жена приходила прощаться. Они едут в суб(боту) в Париж⁶ – он будет у вас⁷.

¹ Письмо Герцена, отправленное около 6 октября, вместе с книгами для перевода, неизвестно.

² См. письма А.А. Серно-Соловьевича и Тучковой-Огаревой из лечебницы Брестенберг для нервно-больных от конца июля и 28 августа 1865 г. ("Лит. наследство", т. 67, с. 734–737). В последнем он, в частности, писал: "Я (...) обязан вашему семейству и свободой, которую теперь пользуюсь, и тем, что сталправляться..." В сентябре Серно-Соловьевич (в письме к Нат. Ал.) обратился с просьбой к Герцену и В.И. Касаткину "подарить ему год жизни", для чего оплачивать ежемесячно его лечение и все счета (там же, с. 739, с датой "сентябрь – октябрь"). Его просьба была, по-видимому, исполнена (ср. "Лит. наследство", т. 61, с. 843; т. 62, с. 129, 391–392, 744). Письма Нат. Ал. к Серно-Соловьевичу неизвестны.

³ Речь идет, очевидно, о конфликте Серно-Соловьевича с Л.П. Шелгуновой и участии в нем В.А. Голицыной.

⁴ Эта записка неизвестна.

⁵ Письмо М.П. Погодина к Герцену от 4–7 октября (опубликовано в его "Дорожных записках 1865 года" – "Русский", № 9–10, 10 апреля 1867 г., с. 143–146, с датой "7 октября"; исправлена в ЛЖГ IV, 183).

⁶ Погодины уехали из Монтре не в субботу 14-го, а 10 октября и изменили маршрут – не без влияния информации Тучковой-Огаревой. 9 октября Погодин записал в дневнике: "Огарева о Сер(но-Соловьевиче). Решился не ехать в Женеву. Могут случиться неприятные встречи, столкновения" (РГБ, ф. 231.1.35, л. л. 160об.; об отъезде см. л. 161об.).

⁷ Ответ Герцена (от 8 или 9 октября) неизвестен.

7

(Монтрё. 10 или 11 октября 1865 г.)

"Моск(овские) вед(омости), № 204. (В) Туле сосланы крестьяне деревни Песочной. Не знаю, заметил ли ты это дело¹.

Погодин поехал обратно в Р(оссию), у вас не будет – просит тебя передать это письмо Долгорукому². Несчастье, о котором он говорит в письме, – потопление Коли и Лу(изы) Ив(ановны)³. Жена его была очень недовольна, что он написал это, думает, что ты рассердишься.

Лиза в школе; кажется, она здорова, но ее очень надо беречь, она нервная и слишком растет; часто она наводит на меня ужас безделицей; что делать, при ничтожных опасениях переживаешь недавнее мученье, от этого страха меня вылечит только могила.

Благодарю тебя искренно за обещание помощи в школе – где же, ты думаешь, я могла бы поселиться, мне хотелось в апреле начать свивать Лизино гнездо, мое готово, и оно меня ждет и тянет, и я жду его, но пока Лизе нужна, буду терпеливо нести свой крест – ничего от жизни не хочу, не желаю и не жду. Посылаю тебе записку о доме в Ницце, присланную m-me Росс⁴, ты лучше поймешь, где это, – мне кажется, что это для меня велико.

Но что ты думаешь о месте? Пожалуйста, напиши.

Насчет моих ошибок, я знаю русский язык самоучкой, кроме 4 или 5 месяцев –

раз у Головачева в Москве, когда мне было всего 12 лет, с тех пор ни одного урока во всю жизнь. Пожалуйста, отсылай мои письма с поправками, я буду очень рада, хотя вовсе не готовлюсь в учителя русского языка. Дама сказала, что рус(ская) девочка не может начать теперь, и Бог знает, позволит ли она ей когда-нибудь. Школа эта очень плоха, но нечего делать пока, вот почему далее апреля я не могу откладывать.

Насчет Ольги, я думаю, что она не едет теперь так скоро из Ж(енева)⁵, как предполагалось, — не можешь ли ты приехать с ней в ноябре или в конце окт(ября)? Мы все еще не совсем свыклись с своей жизнью — хочется больше обжиться прежде.

Ну, прощай, мой искренний поклон всем тебе близким.

Н а т а л ь я

Ты говоришь, что Ог(арев) печален, ты сам называл это “хроническое трагическое расположение”, таким я его знала в Тед(дингтоне) в год отдыха моего и покоя⁶. Огарев несправедливый, пристрастный обвинитель, слепой — я чувствую, что мы никогда более не поймем друг друга, а так как ты ставишь это в условие нашего понимания вместе с близостью с твоими детьми (в которую я ничуть не верю), то и мы да- леки навсегда.

Сколько времени могу держать газеты?

Газеты отсылаю с благодарностью. “Дня” не присылай, разве что-нибудь особенного. — Лиза дарит голубей m-me Besson, с тем чтоб она продала их на голубятню, где их не будут убивать⁷. Можно ли в этом удостовериться?⁸

¹ Герцен послал Тучковой-Огаревой — вероятно, вместе с неизвестным письмом от 8 или 9 октября — русские газеты. Речь здесь идет о статье без подписи “Отрывок из Тульской губернской хроники” в “Московских ведомостях”, № 204 от 1 октября/19 сентября, где сообщалось о военном суде над крестьянами деревни Песочной Белевского уезда Ф. и С. Ивановыми, оказавшими сопротивление местным властям при требовании с них оброка помещику. Оба были “приговорены к каторжным работам в рудниках, первый на 20, а второй на 17 лет”. В л. 207 “Колокола” от 1 ноября 1865 г. была перепечатана корреспонденция “С.-Петербургских ведомостей” об этом суде; во вступлении к публикации редакция “Колокола” характеризовала его как “страшную драму” (“Колокол”, с. 1700 — “К характеристике военных судов”; см. XVIII, 489; ср. 694).

² В дневнике М.П. Погодина (запись от 9 октября) упоминается его письмо к кн. П.В. Долгорукову, врученное Нат. Ал. и отосланное ею Герцену для передачи адресату (РГБ, ф. 231/1.35.1, л. 160 об.). 14 октября Долгоруков уже ответил Погодину (см. *Звенья* 1, 80–81).

³ Письмо М.П. Погодина к Герцену от 4–7 октября. Получив его через Нат. Ал. с п. 11, Герцен, очевидно, спрашивал ее в письме от 8 или 9 октября, о каких его “несчастьях” писал Погодин (см. “Русский”, 1867, № 9–10, с. 146).

⁴ Эта записка неизвестна.

⁵ Ольга Герцен уехала с Мейзенбуг во Флоренцию 1 ноября, так и не получив возможности повидаться с Лизой.

⁶ Семья Герцена и Огарев жили в Теддингтоне с конца июня 1863 г. до середины июля 1864 г.

⁷ О помощи цветочнице Бессон, жившей неподалеку от Château Boissière, и ее маленьким дочерям Жозефине и Розали рассказано в журнальной публикации воспоминаний Нат. Ал. (см. *Тучкова-Огарева*, 341–342). 27 октября Герцен писал Лизе, что “голубей продали и детям купили — ботинки” (XXVIII, 110).

⁸ Ответ Герцена от 13 октября неизвестен (см. о нем XXVIII, 399, № 59, с датой 13 или 14 октября). Нат. Ал. на него откликнулась в письме от 14 октября (АО, 31–32, с датой 15 окт. 65, суббота).

Большое несчастье, что мы не понимаем друг друга, — я никогда не хотела, чтоб ты оставил детей, я говорила, что не могу и не хочу с ними жить, — тебя видать изредка и ненадолго, как чужого, мне гораздо тяжелее, чем вовсе не видать.

Montreux, конечно, ссылка, они совершенно правы, что и мне, и Лизе было бы лучше жить в своей семье², чем здесь, зачем ты с какой-то ревностью желаешь, чтоб Лиза росла одинока.

Над Малушей я плакала и плачу, писала тебе об них³, но письмо вышло неразборчиво, я бросила его.

– Как ты любишь обвинять.

Саф<фи> ничего не нужно говорить – я этого не желаю, а письмо прислать к N<ini> надо ко мне, я его перешлю⁴.

Если ты желаешь, чтоб Лиза виделась с Ольгой, не лучше ли вам встретиться в Веве, только надо выбрать не дождливый день, я бы послала Лизу с miss Turner, они будут вас ждать у парохода. Огар<ев> мог бы тоже с вами приехать, а вечером вы бы разъехались, а я не могу участвовать в этом, я слишком нездоров⁵.

Ну, прощай, жалею, что ты меня не понимаешь; где моя месть?

Я встретила семью в том же положении – вторая жена и дети не любят друг друга, отец любит и детей и жену, никем не жертвует⁶.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 23 октября.

² “Своей семьей” Нат. Ал. называет здесь семью сестры, которая, как и ее муж Н.М. Сатин, в своих письмах звала ее и Лизу к себе в Россию.

³ Речь идет о смерти пятилетней дочери В.И. и В.Т. Кельсиевых Маруси (см. письмо Герцена к Кельсиевым от 17 октября – XXVIII, 108; очевидно, тогда же, около 17 октября, он в неизвестном письме сообщил Нат. Ал. об этом. В письме же, посланном около 23 октября, Герцен – выразил удивление отсутствию отклика на печальное известие).

⁴ 14 октября Нат. Ал. писала Герцену, что желала бы, чтобы в случае ее смерти Лиза воспитывалась в семье А. Саффи. Она просила Герцена написать об этом его жене Джорджине (Nini) Саффи, подтвердив свое и Огарева согласие на это (см. АО, 32). Очевидно, в письме от 23 октября Герцен спрашивал, хочет ли она, чтобы такое письмо было передано через А. Саффи, находящегося в Женеве.

⁵ Огарев писал Нат. Ал. 2 ноября по этому поводу: Ольгу “удивляло, что она не может проститься с Лизой, – ты не можешь признать за возможность проститься такое гадкое предположение, как встречу в Веве, так, чтоб ты была в стороне” (“Лит. наследство”. т. 63, с. 508).

⁶ Ответ Герцена от 27 октября неизвестен.

9

(Монтрё. 28 или 29 октября 1865 г.)¹

Все-таки надо отвечать насчет Саф<фи>. Ты меня не понимаешь, я никаких откритий от вас не требую², я хочу чтоб Огар<ев> написал, что согласен с моим желанием, поручает ей Лизу в случае моей смерти. Ты как самый близкий человек Огареву тоже подтверждаешь, что согласен на мою волю, вот и всё.. С Саффи говорить не следует, тем более, что и близка не с ним, а с его женой, а и она ничего не знает. Надеюсь, теперь получит письмо, если вы хотите сколько-нибудь мне покоя.

Что ты все говоришь об холере? Есть ли счастье в Лизиной жизни, чтоб так бояться случайностей? Вы отвыкнете от нее, она отвыкнет от вас, ни семьи, ни отчества, ни друзей. Я осторожна, но я покорна, с 4 декабря наша жизнь разрушена³ – у Лизы близких не будет больше.

Ну, прощай, желаю, чтоб твои зубы не болели, как это досадно.

Насчет Огар<ева> не бойся, всегда вина на жене, вдобавок я его не обвинительница, а защитница, спроси Мещ<ерскую>, хотя я и знаю, что разрыв был подготовлен им⁴ так, как тобой было подготовлено твое несчастье⁵: вы оба не должны были жениться. Но ты, если ты хочешь, выступиай моим обвинителем в защиту Огар<ева>, я не буду оспаривать твоих слов.

Мне больно тебя видеть, я слишком сознаю, что могла бы, должна бы не расставаться с тобой, особенно когда вся жизнь моя разрушена, но обстоятельства и люди разделяют нас навсегда. Улыбнемся печально и пойдем каждый по своей дороге. Я искренно любила, но разумом буду стараться победить бесполезное, ненужное тебе чувство. Не будем говорить о нем.

У нас тоже погода переменилась, дождь льет, все простужены. Miss Turner была очень больна горлом, неделю я ее не выпускала, все сама ходила с Лизой гулять.

Ну, прощай, от души желаю, чтоб все тебя удовлетворяло и успокаивало кругом. Прощай, у Лизы опять чирей, а на вид она становится здоровее. Русская дама очень плоха⁶. Если я долго не прихожу, она присылает ко мне свою горничную.

Завтра иду к докт<ору> насчет пальца, – добрые люди боятся за меня⁷.

ГЕРЦЕН

Фотография. Конца 1860-х годов
Институт русской литературы РАН. С.-Петербург

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена от 27 октября.

² Очевидно, Герцен в письме от 27 октября выражал несогласие открыть А. или Дж. Саффи действительное положение Лизы в семье.

³ В ночь на 4 декабря 1864 г. умерла от дифтерии в Париже младшая дочь Герцена и Тучковой-Огаревой Елена (Леся-гёрл). Спустя неделю, 11 декабря, умер ее близнец – трехлетний Алексей (Леся-бой).

⁴ В связи с этими рассуждениями Огарев 2 ноября писал Нат. Ал.: "Неужто ты думаешь, что я сколько-нибудь забочусь о том – обвинит ли меня публика в духе кн. Мещерской или не обвинит? Мне это совершенно равнодушно. Что мне неравнодушно, это то – станешь ли ты сама как нравственное существо или станешь как злое, падшее существо (...) Мой разрыв с тобой потому, что ты преследуешь детей моей сестры, которых я – умру – не дам в обиду" ("Лит. наследство", т. 63, с. 508).

⁵ Т.е. семейная драма 1849–1852 годов и смерть Н.А. Герцена.

⁶ Комарова.

⁷ Ответ Герцена, посланный, вероятно, с письмом к Лизе от 1 ноября (XVIII, 112–113), неизвестен.

Хотелось давно писать, да не могла. Ог(арев) здоров², неприятного разговора не было, мы оба останавливаемся.

Вчера я думала об этом, три раза так светло встреченном мной дне, а четвертый

раз такой темный и страшный³. Во мне борьба, когда ты со мной, я ближе к земле, оттого, может, какой-то упрек; когда ты далек, я мысленно приближаюсь к страшному, неизвестному, которое меня тянет, потому что оно им родное.

Одна работа могла бы увлечь меня и заменить невозможные требования сердца – твои посещения от время до время не имеют, не могут иметь того характера тихой жизни, работы под твоим руководством, обоюдной помощи, силы на терпеливое ожидание смерти. О квартире я хлопочу, но и квартира мало переменит ложное, натянутое положенье. Стало, ты против Ниццы теперь⁴. Montreux, конечно, не лучше, тут для Лизы тоже нет нечего, жители плохи, буржуа, а путешественники) меняются. – Уж лучше взять квартиру на два или на три месяца, кое-как провести, а я напишу к Нине⁵, может, они теперь свободны и решатся где-нибудь поселиться. Подумай, что же делать годы в Montreux с Лизой? Да и оставленные могилы мне очень тяжело, почему же я должна жить далеко от сестры, от тебя и от могил, это уж слишком тяжело. Не так ли, друг мой?

Устала рука, палец все болит, не понимаю доктора; он больше болит, когда я его двигаю.

Прощай.

¹ Ответ на письмо Герцена от 20 ноября (XXVIII, 116–117).

² Огарев находился в Монтре, в гостях у Нат. Ал. и Лизы, с 21 по 27 ноября.

³ День рождения умерших детей – близнецов Елены и Алексея – 23 ноября.

⁴ 20 ноября Герцен писал: “Если б можно, хоть к концу декаб(ря), отделаться от твоей квартиры, поговори с содержат(елем) Pension Anglaise” (XXVIII, 117).

⁵ Джорджина Саффи.

11

(Монтрé. 26 или 27 ноября 1865 г.)¹

О(гарев) привезет тебе письмо (к) М(ейзенбуг) – вот тебе мой ответ, иного я не могу написать². Если он тебе не нравится, не посылай. Напиши, что палец болит – что я благодарю.

Ог(арев) хочет писать Сатину с Худяк(овым)³. Пожалуйста, останови его, ну если Худ(якова) арестуют. Ведь уже были уроки, которые не надо забывать⁴.

К Тате постараюсь написать, но трудно, палец устает, а голова слишком исключительно занята недавним прошедшим. Даже газеты твои лежат нечитанные.

Комар(ова) мне дорогá, потому что смерть к ней приближается – что я чувствую, ты можешь только отгадать.

Ну, прощай, дай твою руку.

Лиза все читает, и с Эрмини, и без Эрмини.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена от 23 или 24 ноября, присланное вместе с газетами и неизвестной примирительной “запиской” Мейзенбуг от 20 ноября, обращенной к Тучковой-Огаревой (см. Vinant, 203–204).

² Получив письмо Мейзенбуг, Нат. Ал. первоначально, в неизвестном письме к Герцену от 25 или 26 ноября, выразила недоумение, что делать с ним, т.е. отказалась отвечать (см. XXVIII, 118), но затем написала все же холодный ответ (неизвестен), передав его с возвращающимся в Женеву Огаревым.

³ Участник революционно-демократического движения 1860-х годов, член Ишутинской организации И.А. Худяков приехал в конце августа 1865 г. из Петербурга в Швейцарию для установления связей с русской политической эмиграцией. В Женеве он встречался с Герценом и Огаревым и подарил Герцену свою книгу “Самоучитель для начинающих обучаться грамоте” (СПб., 1865). Худяков выехал из Женевы в Петербург 29 ноября, так что письмо Огарев с ним передать не успел, будучи задержан вевейской полицией.

⁴ Намек на письмо Герцена и Огарева к Н.А. Серно-Соловьевичу от 6 июля 1862 г. (XXVII, 243–244), переданное в Россию с П.А. Ветошниковым и найденное при обыске на таможене. Оно послужило поводом к аресту адресата и Н.Г. Чернышевского.

12

(Монтрё. 27 ноября 1865 г.) Понедельник

Пишу карандашом, чтоб не утомлять палец. Ог(арев) ушел сегодня, мы его провожали, Лиза на осле, дождь заставил вернуться, а мы хотели идти до Веве. Мне было очень плохо. Не ждите Ог(арева) скоро, он собирается идти часть дороги.

Устала, прощай, Лиза спит, я послала тебе письмо <к> Мей(зенбуг) с Ог(аревым). Прочти и отошли. Из России вести, С(атина) здоровье очень плохо – он говорит, что чувствует, что ему недолго жить. Он в Петерб(урге)¹.

Прощай.

Мои письма не доходят более до них².

Получила ли Тата Гарибальди?³

¹ Такое письмо Н.М. Сатина к Нат. Ал. неизвестно. Возможно, эти вести переданы со знакомыми.

² Одно из писем Нат. Ал. этих дней к сестре сохранилось. В начале декабря она писала: "Отец Лизы не отпускает нас к вам, потому что боится, что разлука будет вечная, ведь ему 53 года (...) если бы ты здесь была, я бы поручила ее (Лизу) тебе с полным спокойствием. – Мне выхода нет, кроме в смерти. – Я люблю Лизиного отца, но многое тяжелое лежит между нами, мы не можем вместе жить" (АО, 34, с датой "декабрь").

³ Речь идет, по-видимому, о вышитой рубашке, воспроизводившей фасон гарибальдийских "красных рубашек".

13

(Монтрё. Между 2 и 4 декабря 1865 г.)¹

Стало, Ог(арев) пришел² – досадно на его ненаходчивость в этих случаях; мне кажется, он был должен сказать в суде: "Вы рабы, зачем вы называетесь республикой, зачем вы держите таких нервных полицейских, вам бы надо их послать в Англию для укрепления нервов. Они бы увидели, как должно полицейскому незаметно следить за подозрительным человеком, а не лишать его свободы. Может, я потерял огромные суммы от этого арестованья, может, не поспел в частном очень важном случае, может, я доктор. Ваш полицейский должен был следить за мной до места моего жительства, и тогда он бы увидел, что я не вор, вот уже два раза меня арестуют за то, что я брожу по ночам, в Англии этого ни разу не случалось – что вы за республика, возьмите себе какого-нибудь гнилого принца немецкого, он и заведет полицию, а республикой стыдно называться с такими учреждениями".

Квартиру сдать нельзя, теперь четыре маленькие квартиры сдаются, охотников нет³. Хороших квартир тоже уже нет, мы были даже в Véteau, остаются только отдаленные пансионы. Туда меня не тянет. Нельзя ли здесь устроиться? Miss Turner часто уходит вечером, теперь она будет уроки брать и давать в 8 часов вечера; вместо апреля я очень готова ехать в Ниццу в марте, за один месяц можно с ними столковаться.

Стало, всего еще три месяца – ты не любишь ходить рано к нам, ты мог бы остановиться внизу у англичанина. Не я иду против твоих желаний, а обстоятельства – ты знаешь, мне все равно, – мне хочется, чтоб тебе не было слишком плохо в твои наезды⁴. Я даже хочу брать обед из Hôtel du Pont, и чтоб все шло лучше, может, так и буду продолжать без тебя.

Лиза ездила на осле, но Ог(арев) был прав, ей это не годится, пока она совсем не выздоровеет. Я могу сходить в Sevins насчет молодой девушки, здешние привыкли к таким квартирам. Во всяком случае, беру всякую с отвращением, потому что в голове другой идеал, – но я чувствую, что я неспособна, в особенности без школы; может, в Ницце ты сможешь устроить почти школу для Лизы.

Были письма и от папа⁵, но меня огорчает, что она не отвечает на мое предложение Ап. Жем(чужникову) приехать и жить со мной, вместо Америки⁶. Ты не знаешь, сколько мне было бы легче, если б это устроилось – я боюсь жить одна с Лизой; мне кажется, я никогда к этому не привыкну.

Ну, прощай – об девочках Сат(иных) нечего и думать, одна уже 1/2 года старше

Ольги, она правая рука матери, она, в сущности, уже глава семьи и своей кротостью, заботливостью о всех⁷. Ей и старшему брату⁸ уже дети поручены, им известны все дела, даже денежные, Елена трогательно говорит о том, что им уже поверили долг Ог(ареву), потому что офиц(иально) опека, вероятно, не признает этого долга. Их это очень мучит, и, если могут, то продадут и заплотят Ог(ареву). С детьми она не расстанется, но как она серьезно говорит, что С(атин) теперь им нужнее ее для направления их воспитания.

За обращения очень, очень благодарю, тотчас послала больной, которая в восторге, сидит да разбирает⁹.

Крепко жму твою руку.

N a t a l i e

Ог(ареву) скажи, что все, что он говорит, я знаю давно за его мнение, дорого бы дала, чтоб так же думать, но веру принудить нельзя.

Хорошо бы иметь собаку, но куда ее поместить?

Наниши, где взять для тебя комнату. Прости, что пишу à bâtons rompus^{80*}. Лиза все зевает.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена с сообщением об освобождении Огарева.

² Огарев был задержан вевейской полицией 28 ноября – после эпилептического припадка, случившегося с ним на пути из Монтрё в Женеву. Его продержали под арестом несколько дней и освободили лишь после энергичного вмешательства Герцена.

³ Очевидно, Герцен вновь советовал “отделаться” от квартиры, которая была снята Тучковой-Огаревой на всю зиму, но оказалась неудобной.

⁴ Герцен в ноябре дважды приезжал из Женевы в Монтрё и провел здесь дни с 4 по 12 и с 17 по 19. 3 или 4 декабря он вновь приехал в Монтрё, чтобы провести с Нат. Ал. и Лизой годовщину смерти близнецов. Вернулся в Женеву 8 декабря.

⁵ Эти письма Н. Ап. Тучковой неизвестны.

⁶ Нат. Ал. узнала о постигшем ее двоюродного брата А.Н. Жемчужникова несчастье (смерти жены и ребенка), после которого он хотел уехать в Америку. 9 декабря Нат. Ал. в письме к Герцену рассказывала подробности этих событий: по доносу матери, Н.Д. Жемчужниковой, сообщившей, что Аполлон женился на двоюродной сестре, “их развели, ребенка не признали законным, жена умерла, потому что объявление пришло два дня после родов, ребенок тоже умер (...) Бедный Аполлон, я жду его с нетерпением, вот несчастный” (АО, 38, с датой “конец января 1866 г.”). Герцен отрицательно отнесся к намерению вызвать Жемчужникова (см. его письмо к Нат. Ал. от 14 января 1866 г. – XXVIII, 141). Жемчужников приехал в Швейцарию в начале марта 1866 г., виделся с Огаревым и Герценом, а затем около двух месяцев провел в Монтрё. В мае он уехал во Флоренцию (см. XXVIII, 166, 174, 178, 191, 199. Все эти упоминания ошибочно трактованы как относящиеся не к Ап. Н. Жемчужникову, а к его отцу – Н.А., дяде Нат. Ал.).

⁷ Речь идет о дочерях Н.М. и Е.А. Сатиных Наталье и Марии. Вероятно, в письме Герцена высказывалось предположение о возможном приезде девочек в Швейцарию для воспитания вместе с Лизой.

⁸ Алексей Сатин.

⁹ Очевидно, присланы Герценом по просьбе Комаровой с наст. письмом или с Татой, которая 2 декабря поехала в Монтрё, чтобы провести с Тучковой-Огаревой дни годовщины смерти близнецов (XXVIII, 121).

С искренней и глубокой болью думаю об Ог(ареве). Мне не хотелось бы более наводить тень на его последние годы – мне радость его дорога, мне печальное и тихое посещение его дорого¹. Если можешь, скрой от него – скрой мое безверие к себе, к Тате и к тебе – да, к тебе тоже. Два человека, один, который меня любит слишком много, так, что я стою робкая, немая, смущенная, смиренно смотрю, как богородица смотрела на Иисуса, который и бог, и ее сын – а другой, который вечно казнит с иронией, оскорбляет и без того самолюбивую женщину – о, не делай этого, не разбивай мелочами рождающуюся веру – приучи меня верить в твою любовь, как я верю в любовь Елены.

^{80*} бессвязно (франц.).

Если я зарежу кого-нибудь, дверь тюрьмы откроется, и она упадет на мою шею вся в слезах, без упреков – вот любовь, – тогда, когда будет в тебе такая любовь, совет моя будет говорить с тобой, как она в ночи говорит со мной, и тебе будет страшно и больно за меня, и ты зажмешь рот мне сам. Слезу утрешь, пока сквозь них не просветит улыбка смирения перед страшным прошлым и надежды на тебя. Но если в нас нет этого помазания любви, о котором я говорю, даль лучше. Вдали я окрепну иначе. Работа, работа – и все чтоб было чужое, новое – не напоминающее нас.

Ну, прощай, я все та же внутри, но вера слаба во мне – не вижу гавани – и Лизин будущее только пугает меня.

¹ О посещении Огарева см. п. 12. Письмо написано, по-видимому, во время пребывания Герцена в Та-той в Монтрё и могло быть связано с днем рождения Огарева 6 декабря.

15

(Монтрё. Около 12 декабря 1865 г.)¹

Мне трудно отвечать на твое письмо. Я не пансионерски сказала слово, которое поразило вас, – это было сказано серьезно; но оставим это – против кого вы боретесь? Где мое озлобление, о котором Ог(арев) говорит в каждом письме, где мои требования, где мои надежды?

Передо мной долг, я выполняю его. Мое желание – учредить приют для бедных детей и приходящую школу для Лиз(ино)го возраста. Бакст² серьезно думал об этом, он рад встретить ту же мысль; может, мы заполним меньшую Суслову³, но это трудно – главное, поговорите с Бакстом о выборе места, во Франции это будет труднее. Баксту хочется пользоваться для детей удобствами, которые дает университет – где же? Подумайте с ним серьезно. Он хочет вас навестить на днях⁴. Весной надо будет осмотреть разные школы в Германии, Гильдебрант⁵ и Kindergarten^{81*} несколько, не для того, чтобы слепо подражать, а для того, чтоб научиться и многое понять.

Надо Саффи спросить, не поселится ли он со мной – или около, если будет свободен; впрочем, я ей напишу⁶. Надо обдумать и летом начать. Сначала, пока силы собираются, открыть приют.

Взгляд Бакста очень верен – план его широк – он много думал об детских книгах, обо всем – приучать работать, готовить умных тружеников; когда он мне говорил, что дети могут рано знать химию, естественные науки, физику и пользоваться всем этим знанием в семнадцать лет, я внутренне улыбалась, но после двух уроков об воздухе, о горении тел, о тяготении я изумилась, как Лиза все помнила, присвоила себе и даже название газов ни разу не смешала. – Мне кажется, он бы должен более ей рассказывать, мне жаль, что он себя употребляет на черную работу, которую я сама могу делать.

Но вот пока о наших намерениях. С вашего отъезда покой сошел на меня – да и о чем мне волноваться? Теперь я могу, наконец, за себя ручаться – в тихой атмосфере, где нет предубеждения и разных других дурных чувств, я вся отдаюсь внутри скорби безмерной, а она меня ведет к равнодушию в мелочах и кротости. Жаль, что вы должны мне верить, – я бы хотела, чтоб вы невидимо присутствовали в нашей жизни. – Где же наши планы вместе, все – врозь.

Но чего Ог(арев) хочет, я не понимаю, что ж я делаю против вас всех, чем я мешаю? В чем теперь моя вина?

Насчет денег, ты меня не понял; мне казалось, что ты хотел более комиссий, по этому я поняла, что у тебя есть деньги, – мне их не нужно, у меня слишком достаточно, и я прошу тебя не присылать теперь и ста ф(ранков).

Прощай, жму твою руку, кланяюсь всем. Лучше, чтоб Ог(арев) не приезжал скоро, надо делать эти жертвы для Лизы, через 2 месяца, можно пропустить несколько

^{81*} детские сады (нем.).

дней, да и лучше реже видаться, дай мне окрепнуть в суровой, безличной жизни, дай мне привыкнуть тоже, что жизнь моя – дело, а что вне дела ее нет.

Мне больно, что выходит, что нельзя принимать деятельного участия в жизни и воспитанье Лизы издали, но надо подчиниться, вся жизнь наша – подчиненье.

¹ Наст. письму предшествовало письмо к Герцену, написанное на следующий день после отъезда его и Таты из Монтрё, т.е. 9 декабря (см. АО, 37–38), а также его ответ (неизвестный) от 10 или 11 декабря, в котором выражались сомнения в серьезности планов Нат. Ал. относительно устройства школы. Публикуемое письмо служит на него откликом.

² С декабря 1865 до начала февраля 1866 г. В.И. Бакст давал уроки Лизе Герцен, знакомя ее с основами естественных наук.

³ Нат. Ал. хотела привлечь к преподаванию Н.П. Суслову, которая в 1865–1867 гг. училась в Цюрихском университете (окончила его со степенью доктора медицины). Познакомилась с Тучковой-Огаревой 15 или 16 июля 1865 г., когда вместе со старшей сестрой приехала в Женеву, чтоб увидеть Герцена. Суслова произвела на него впечатление “девушки очень умной” (см. XXVIII, 80).

⁴ Бакст приехал к Герцену в Женеву 14 декабря (см. XXVIII, 121, 124, п. 21). Вернулся в Монтрё 17 декабря.

⁵ Известный учебный пансион во Франкфурте-на-Майне.

⁶ Это письмо к Дж. Саффи неизвестно.

16

(Монтрё. Между 17 и 19 декабря 1865 г.)

Наконец Бакст воротился и привез ваше письмо¹ – что мне тебе отвечать? Я решительно и серьезно иду на эту работу, но ты чего-то не понимаешь – приют особо, это правда, но он должен в том же духе, в том же направлении быть, как и школа, воспитанники школы будут иногда заниматься приютом, во время отдыха будут все вместе.

Мы во всем, даже в мелочах, очень согласны с Бакстом, но вот что я считаю важным и без чего мне нечего соединиться с ним, это воспитание девочек в школе, то есть совершенно равные занятия с мальчиками – тогда с помощью Сусловой и, может, еще одной можно меняться и вести разом школу и приют.

Выбор Флоренции, конечно, мне не нравится по-многому, мне бы хотелось, чтобы все окружающее было чуждо моему прошедшему, но если это неизбежно, я должна покориться и этому, потом я боюсь мильери^{82*}, мне кажется, что я везу Лизу, как их², в Париж.

Ты спрашиваешь, где буду летом. Я думаю, мне нужно учиться, ездить по Германии, осматривать детские сады и школу Гильдебрант.

Я почти думаю, что должна прежде, чем открыть школу, уже набрать по крайней мере шесть девочек, а то Лизино воспитанье будет искажено одиночеством и жизнью исключительно мужской. Бакст умоляет, чтоб ты не писал во Флоренцию – я думаю, он прав.

Об Тате я ничего не могу сказать, неужели она из Жен(евы) будет приезжать для того, чтоб учить? Она так мало имеет доверия и любви ко мне, что я не могу вообразить, чтоб мы вместе когда-нибудь работали. Я не могу забыть эти жесткие слова: “Если (для) папиного счастья нужно вам жить вместе, наше дело оставить его”. Ну вот, теперь они все должны успокоиться, Лизина семья будет приют, и моя тоже – приют, приют, потом – кладбище, кладбище.

Ну, прочай – “Кол(окол)” прочла весь – странно, его принесли даже без обертки, только 8 л(истов), а надо было 93.

¹ Это письмо Герцена и Огарева, написанное 15 или 16 декабря, неизвестно. В нем, по-видимому, высказывались сомнения в возможности организовать одновременно “школу и приют”.

² То есть на гибель – как своих детей-близнецов в Париж.

³ Ответ Герцена, написанный около 20 декабря, неизвестен. См. о нем в след. письме.

(Монтрё. Около 22 декабря 1865 г.)¹

Если б ты знал, как мне не хочется писать к тебе, тебя тревожить, и как мне мешают мысль, что ты хранишь мои письма. Зачем это? Чтоб со временем равнодушные или враждебные глаза смеялись над жгучими страданиями, зачем нам письма? Я ничего более не хочу от тебя, не жду и упрекать тебя ни в чем не буду. Я с смирением и с мужеством приняла и этот удар. Твоя совесть покойна, об чем же нам переписываться?

Ждать до весны мне нечего – обстоятельства наши не могут перемениться, если такой удар, который разгромил мою жизнь навсегда, прошел незамеченно, если открытие это не привело к пониманию, человеческой близости между нами, чего же ждать?

Я просила тебя об одном: не приезжать пока, мне хочется, чтоб темное чувство воспоминаний, невольных ошибок, невольных обманов улеглось, наконец, чтоб я тебя, правого, внутренне простила, тогда настанет тишина в моей душе и ты можешь приехать к Лизе.

Не будем более писать, кроме об Лизе.

Теперь вздор. Я забыла отвечать: Чернецкая невозможна от английского языка². Лиза лучше стала с miss Turner и со всеми. Фуфайки Баксту не покупай, мы ему оплатили. Он уезжает 15 янв(аря) – нам лучше при нем не видаться, он вообще прощательный человек.

Об Новом годе не хлопочи, для меня все годы, все минуты, все часы дня и ночи, когда я не сплю, все отравленные, оставь мертвых с мертвыми. А для Лизы я создам живую семью, из кого и где – не знаю.

Что буду делать, если школа не удастся? Сама не знаю, да и зачем так много знать, не все ли равно? Скажи Ог(ареву), что Астр(аков) занимает важное место в Москве по новым учреждениям – *его заметили*.

Пожалуйста, напиши мне аккуратно, на сколько я могу тратить в месяц, я этого хорошо не понимаю, но что бы ты ни назначил, можно устроиться легко, лишь бы знать. Напиши, сколько истрачено на комиссии³.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, посланное около 20 декабря.

² Очевидно, в предыдущем (не дошедшем до нас) письме Герцена от 15 или 16 декабря, обсуждался вопрос о привлечении жены Чернецкого – М. Чернецкой – к воспитанию Лизы.

³ Ответ Герцена на наст. письмо, написанный около 23 декабря, неизвестен. Возможно, часть его составляет фрагмент, напечатанный в 30-томном Собрании сочинений Герцена с датой “(1865–1867)” и начинающийся словами: “Ты хочешь быть вместе с Г(ерценом) без Таты... Как же это сделать, думала ли ты?...” (XXIX, 252). См. отклик на него в след. письме Нат. Ал., отправленном, как мы полагаем, в последние дни декабря (после 24): “Ты вынужден семьей нас оставить, ты мне доказываешь, что не можешь разорваться (...) Я покоряюсь твоей необходимости” (АО, 39-40, с датой “(1866)”).

(Монтрё.) 6 янв(аря) 66 года

Бакст думает ехать через две недели – денег не хочет, говорит, что не нужно. Если можно, то объясни мне, зачем тебе его видеть¹. Ты, верно, помнишь, что я тебе писала о нем² – впрочем, делай, как хочешь. Нам видется, конечно, рано, надо, чтоб наши решения окрепли, чтоб мы привыкли к ним³. Надо, чтоб спокойствие осветило наше прошедшее, так чтоб не было ничего натянутого и тяжелого, что даже и для Лизы очень дурно – какое-то скрытое неудовольствие, какие-то невысказанные упреки. Сознание собственной вины должно, наконец, мирить нас с прошедшим и дать силы совершить твердо остальной путь, все же он не долгие будет!

Пусть меня судьба ведет вперед на благо Лизы и других – мое счастье лежит со скрепленными ручонками, оно вызывает к неведомым мукам, пусть оно вызывает порою и твой образ, пусть я привыкну с кротостью и внутренней скорбью и на него смотреть, как на прошедшее.

Будет, будет, друг мой.

Жаль, что ты не читал письма М(ейзенбуг) – одна немка могла его написать,

В.И. БАКСТ

Фотография Л. Хаазе. 1866. С дарственной надписью Бакста Лизе Герцен: "В воспоминание наших бесед в Монтрэ – умной Лизке 30 (1) 866"
Музей Герцена, Москва

впрочем, она может быть покойна, отвечать ей я никогда не буду и говорить, конечно, тоже не стану.

Здоровье Ог(арева) стало опять хуже, жаль мне его, бедного, но для него я ничего не могу сделать, остается желать, чтоб вы и М(ери) успокоили его, насколько это возможно – но я знаю, что это нелегко, было время, когда я одна на свете могла много для него; ах, Герцен, какие кошки скребут по сердцу – долго ли?⁴

Лучше будем говорить об Лизе – бедная, только смутно сознавая, что ее детство многого лишено, она растет, цветет, как цветок на кладбище.

Она умна, может даже умнее, чем была. В уроках с Бакстом она иногда шалит, но всего смиреннее сидит и внимательнее слушает, когда он рассказывает ей из физики. Тут она все помнит, отвечает с такой догадливостью, что Б(акст) изумлен. Наконец она выучилась читать изрядно, но все читает охотнее по-франц(узски). Б(акст) виделся с Полощ⁵, он ему нравится – обещался заниматься Лизой, но он не дает уроков, и я боюсь, что это опять будет бесплатно – а с посторонним это еще тяжелее.

Мы прочли "Соврем(енник)" вместе с начала до конца. Если бы

свобода так упрочилась, то, конечно, "Колок(ол)" скоро не будет нужен⁶. Ты ведь и прежде говорил. Тогда настанет время твоего отдыха и серьезного труда, как М(ейзенбург) давно мечтала.

Одно тяжко, но это неизбежно, Лиза, отрываясь от вас семи лет, забудет вас, несмотря на письма и подарки, для ребенка этого мало, ему нужно живое слово, улыбка, в которой светится любовь, ему нужна обоюдная привычка.

Ну, прощай или до свиданья.

Какое лечение Ог(арев) начинает?

Теперь все спит, одна вода наша никогда не отдыхает⁷.

300 ф(ранков) получила. Что же шелк для miss T(upper)?⁸

¹ Очевидно, о сроках приезда Бакста в Женеву Герцен спрашивал в неизвестном письме, посланном в Монтрэ около 1 января (вместе с полученным им около 30 декабря 1865 г. неизвестным письмом Мейзенбург на имя Нат. Ал.). Бакст уехал из Монтрэ около 10 февраля.

² По-видимому, намек на проницательность Бакста.

³ В письме, написанном в последние дни 1865 г., Нат. Ал. ввиду отказа Герцена поселиться с ней "без Таты" потребовала полного разрыва: "Видеть тебя как постороннего не хочу" (АО, 39).

⁴ На эти строки откликнулся Огарев в письме от 3 января, имея в виду отношения Нат. Ал. с Герценом: "У тебя скребут кошки по сердцу там, где этот скреб неуместен, а там, где он должен быть – его нет. Почему у тебя скребут кошки? Слыхала ты, что ли, упрек от меня? (...) На твою любовь к нему я взглянул с уважением и надеждой на твое спасение. Не в этом чувстве ты имеешь право на покаяние (...) Успо-

коить меня можешь ты, когда снимешь с моей совести мысль, что я внес элемент мачехи в дом брата моего" ("Лит. наследство", т. 63, с. 510–512).

⁵ Сокращение фамилии одного из русских эмигрантов (лицо не установлено): о нем же Герцен писал Огареву 22 января (см. XXVIII, 143).

⁶ Имеется в виду № 10 "Современника" 1865 г. (вышел 6 декабря н.ст.). В нем напечатаны "Деревенские встречи" Г.И. Успенского, комедия А.А. Потехина "Отрезанный ломоть", стихотворение Н.А. Некрасова "Железная дорога", "Очерки истории русской литературы по современным исследованиям. I" Г.З. Елисеева, статья М.А. Антоновича «Сумудрие "Дня"» и пр. Особый интерес к номеру и оптимистический прогноз Нат.Ал. связан с введением с сентября в действие цензурной реформы от 6 апреля 1865 г., освобождавшей журнал от предварительной цензуры. Но в том же № 10 напечатано – очевидно, не замеченное ею – распоряжение министра внутренних дел П.А. Валуева о "первом предостережении" "Современнику" (за №№ 8, 9). Герцен откликнулся на него в статье "Первое запрещение, первое предостережение, первый суд" ("Колокол" от 15 декабря 1865 г.), по достоинству оценив новую "свободу книгопечатания" и высказав предвидение, что скоро журнал "порешат" (см. XVIII, 273–275). Действительно, № 10 вызвал тут же "второе предостережение". В апреле 1866 г. "Современник" был закрыт.

⁷ Пансион Пиле, где жила Нат. Ал. с Лизой, был расположен на берегу Женевского озера.

⁸ Ответ Герцена от 7 или 8 января неизвестен.

19

(Монтрё.) 9 января (1866 г.)

Хотелось бы мне в тиши и спокойно отвечать тебе¹: ни лица, ни положение не может измениться, вместе мы не можем жить, да и особо с нами ты не можешь, для чего нам не смотреть правде в глаза, зачем нам проводить месяц или два вместе, когда нам должно жить вдали друг от друга, вдобавок, ты сам говорил последний раз², что не видишь, зачем жить вместе, я с каждым днем убеждаюсь в противоположном, – я бы хотела прижаться и прижать все, что есть еще близкое на земле, к сердцу, я чувствую, что оно стынет, я бы хотела, чтоб Лиза действительно любила своего отца, чтоб она видела, как я его люблю, чтоб ей было отраднo жить хоть в эти годы между нами, но я сознаю, что все это мечты, я мирюсь, ничего не хочу более. Разве школа была бы возможна иначе? Свиданье ничего более не объяснит. Зачем ты мне пишешь, что Тата будет делать летом, отношение, которое так зависимо от тысячи обстоятельств, мало имеет содержания.

Я под разными предлогами, между прочим milliaire, отстранила Флоренцию³, но признаюсь тебе, если б пришлось жить там, я бы все-таки не виделась с Мейз(енбург).

Мы думаем о Милане. Летом мне будет нужно, чтоб осмотреть пансион в Франк(фурте) (оставаться там нельзя будет, потому что она принимает детей только одних). Потом я осмотрю несколько Kindergärten^{83*} – если могу, съезжу в Ниццу, но памятника ставить не буду⁴. Может, летом приедут ко мне на свидание татап, Жемчужников, может, даже сестра⁵. Осенью я буду в Милане – все будет устроено на год, если пойдет хорошо и школа, и приют, я там навеки поселюсь со всем, что мне дорого. Приедут ли Сат(ины) или нет, этого я не знаю.

Если через год школа окажется невозможна, чему Бакст не верит, я думаю, что ты сам поймешь тогда необходимость нашего возвращения в Р(оссию). Но я это предлагаю только в случае, когда все рушится кругом нас. Во всех этих планах Лиза на первом плане, эгоистически мне нужен и полезен только хлороформ в бесконечном количестве.

Бакст уговорил меня принимать железо – я долго откладывала; если б ты мог понять чувство, с которым я проглотила первую пилюлю, – этот первый шаг, чтоб укрепить дряблoе тело, медленно разлагающееся, – мне многого это стоило. Это была жертва Лизе – может, много лет горя я себе прибавила, но, говорят, это нужно, – а я втайне, почти против своей воли радовалась, когда чувствовала боль в сердце, или боль в спине, или когда замечала, что платья все шире становятся.

Вспоминала умирающую Комарову, как она говорила дня два до смерти, устремляя пристально свои больные глаза на меня: "Нат(алья) Алек(сеевна), вас бог не забудет за ваши страдания, за вашу жалость к другим". Ах, да, да, если б он был, он бы

^{83*} детских садов (нем.).

все мне простил за эту безотрадную жизнь, за эту боль сердца, которую и рассказать я не умею. С ней я ложусь, с ней я встаю. Обреченный на каторгу, хоть на 20 лет, ждет и отсчитывает, как же мне невольно не ждать конца моей ссылки?

Ах, прощай, все вздор пишу – но ведь между вздором есть и дело. Бакст просит, чтоб прислали ему корректурные листы двух неоконченных книг, – они <...>^{84*} <тип>-ографии^{84*}. Когда он едет и по какой дороге, расспрошу, но он истинно русский, скоро не соберется, прежде говорил: “15-го поеду”.

Семья и дело, как ты их понимаешь, мешают нам быть вместе, они важны для меня, конечно, и я не хочу им мешать. Ты сам пойми, что нельзя иначе, и не называй это моим безумием, ты знаешь сам, что мне и Лизе лучше было бы возле тебя, но жить в такой неопределенности, зависеть от всех, самых ничтожных случайностей, это не дело наших поседевших волос. Я, право, хочу покоя и, может, найду его в школе, он бы здесь был, но здесь все-таки мало дела. Я тебя не звала, потому что боялась тебя, не было довольно уверенности в себе, но, впрочем, это малодушие, – когда я тебя вижу, мне многое больно, многое, кажется, должно бы быть иначе, все время, что ты тут как посторонний, мне не по себе и тяжело, а когда ты уезжаешь, опять что-то отрывается – вот от эт<их чу>вств надо освободиться в мои 42 года⁶ – считать невозможным, что невозможно, смотреть реально на жизнь.

Ну, прощай, дай руку, не сердись – у меня каждый день с утра голова болит.

Встреча с моими – только мое предположение. Насчет собаки жаль, что всех раздали, я не смогла бы взять прежде осени, впрочем⁷.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, посланное из Женевы 7 или 8 января.

² Во время пребывания Герцена в Монтрё 4–8 декабря 1865 г.

³ См. п. 16.

⁴ Речь идет о памятнике близнецам.

⁵ В связи со взбалмошным, крайне нервным характером Н.А. Тучковой Герцен не одобрил ее намерения выписать к себе мать: “Для Лизы ее приезд гибель, а для тебя что? – Разве развлечение” (ср. XXVIII, 14). Он призывал “подчиниться необходимости жить близко в двух домах, чем впутывать всяких Жемч<ужниковых> и резюмировал: “Мне это нож острый” (XXVIII, 141).

⁶ Нат.Ал. ошиблась в исчислении своего возраста: ей в 1866 г. должно было исполниться 37 лет.

⁷ Ответ Герцена от 14 января – XXVIII, 140–142.

20

(Монтрё. 15 или 16 января 1866 г.)

Опять перечитываю твое письмо и не понимаю, зачем ты предлагаешь отложить школу до 1868 году, или я дурно поняла тебя?¹ Мои физические силы только поддерживаются этим ожиданием, мне нехорошо, тело начинает уступать, но я хочу жить, т.е. должна жить.

Объясни же спокойно и прямо твои возражения, надо нам положительно знать перед отъездом Б<акста>. Надо переговорить с Сусл<овой>², все это нельзя делать без положительного решения. Я решила, хочу жить для пользы общего, когда-то ты мне <!> упрекал, что я слишком строю все на частном, теперь во мне нет этого порока, но ты, как можешь ты отсоветывать какое-нибудь общее дело, как можешь ты желать, чтоб я осталась в частной жизни, когда самое дорогое отнято навсегда? Да, я вам мешаю, тогда так дело покроет частную жизнь, я как будто умерла и явилась вдали новым, другим существом, работником – а полтора года в бездействии приведут что-нибудь – подумай и пиши толковое письмо, чтоб я знала, что говорить Б<аксту>. Если тебе кажется, что нужно переговорить втроем, приезжай хоть на два дня³ – если нет, то Б<акст> поедет в Ж<еневу> по получению твоего ответа. – Я ему сказала, чтоб он остался два дня, чтоб указать мне занятия с Л<изой>.

Ну, прощай, жду от тебя пространныго и доброго письма.

Ты знаешь, что если б все было иначе и ничего бы не стесняло моей воли, я бы все-таки не могла жить с тобой без дела, приют я бы все-таки завела. Пустота, оста-

^{84*} Автограф поврежден. – Ред.

вленная в моем сердце ею⁴, может только делом, службой замениться, а не другим чувством, надо время обмануть.

Жму руку Ог(ареву) и тебе, поцелуй Тату, посылаю ей Дед... (?) с благодарностью, Лизе многое понравилось – и посылаю чулки для Розали⁵ – может, гуляя, ей отнесет⁶.

¹ Ответ на письмо Герцена от 14 января (XXVIII, 140–142).

² См. п. 15 и 16.

³ Герцен приехал из Женевы в Монтрё 20 января. Вернулся в Женеву 28 января.

⁴ Т.е. дочерью Лелей.

⁵ Дочь цветочницы Бессон.

⁶ Ответ Герцена от 16 или 17 января неизвестен. См. о нем в след. письме.

21

(Монтрё. Около 18 января 1866 г.)

Ты, как всегда, жесток в своих письмах¹ – я буду осторожнее даже в своем горе с тобой. Об чтении не упрекай, не все тяжелое молчание было причиной, что мы не читали, – ты знаешь, как случайности врываются – один вечер мы должны были посвятить Жук(овскому)² – но, впрочем, это не стоит говорить.

Я бы хотела еще раз видеть тебя одного до посещения Таты – так чтоб при ней не было никаких недоразумений. Твое письмо мне объяснило, что, собственно, у тебя никаких не было планов – об жизни вместе я тебе сказала, что считаю это вещь решенной, пока дети твои не будут нас звать, я с Лизой будем исключены из твоего дома.

Об Тате ты меня дурно понимаешь; нет, я не верю в близость с ней, я думаю или знаю, как хочешь, что они все меня ненавидят, но мне хотелось видеть ее и вместе сделать тебе этим удовольствие. Я отказывалась от ее визита, пока я у Пили, потому что мне самой здесь часто мешают, а в Hôtel des Alpes я не боюсь – и зову ее.

Не можешь ли вместо 20(-го), приехать 28(-го), тогда мой срок и я могу переехать, ты бы остался дней пять, уехал бы, тогда Тата приедет дней на пять, и ты можешь за ней приехать и прожить, как тебе вздумается.

С Ог(аревым) трудно переписываться, внутренне мы далеки, он живет, по мне, не в реальном, а в фантастическом мире, он упрекает себя во всем, что находит во мне дурного, как будто такая ответственность логична³; я знаю, что случайно он был причиной твоего сближенья с Г(ервегом)⁴ и со мной, но ведь это случайность, как же человек развития Ог(арева) может на себя за это кару класть – ведь это сумасшествие, мне его жаль, но я не думаю, чтоб он когда-нибудь мог смотреть просто на вещи.

Посылка пришла, мерси тысячу раз за все.

Бак(ст) собирается ехать, но не решительно, мы все еще читаем с ним статью “Фур(ье)” Биб(икова) – не верится, что все это печатается в Р(оссии)⁵. Бак(сту) хочется тебя видеть насчет “Кол(окола)”, я ему посоветовала ехать в Ж(еневу) – если ты не приедешь.

Прости меня за комнату, я думала, что удобство жить под одной крышей стоило многого, комната неплоха, – не дивись после этого, что я не взяла комнаты для тебя в Hôtel de la Réunion – видишь, как я права, что когда ты приезжаешь на 5 дней повидаться, то и тогда мы на 5-м плане – что же нелепее, как твоя жизнь в Hôtel des Alpes? Много ли можно было видиться и говорить?⁶

Ну, прощай.

Я перевожу из “Б(ылого)” и д(ум)”⁷.

Рукой Лизы:

Милый дядя! Мерси за Кашу. Прощай.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное, очевидно, 16 или 17 января и сообщающее, в частности, о его намерении приехать к ней с Татой 20 января (по просьбе Нат.Ал. в наст. письме он приехал один).

² Речь идет о посещении Н.А. Жуковского (участника революционного движения, эмигрировавшего в 1862 г. в Лондон, а затем жившего в Швейцарии) в Веве.

³ Имеется в виду оставшееся, очевидно, без ответа письмо Огарева от 3 января ("Лит. наследство", т. 63, с. 510–512).

⁴ Огарев в письме к Герцену из Старого Акшена от 3 января 1847 г. рекомендовал по приезде "в Европу" "отыскать" Г. Гервега и познакомиться с ним ("Лит. наследство", т. 61, с. 748). В "Былом и думах" Герцен сообщает: "Когда я ехал из России, Огарев дал мне письмо к Г(ервергу)" (X, 240; это письмо Огарева к Гервергу неизвестно).

⁵ Книгу П.А. Библикова "Критические этюды. 1859–1865" (вышла уже без предварительной цензуры в Петербурге в конце сентября ст. ст. 1865 г.) Герцен послал Нат.Ал. 13 января (см. XXVIII, 140). Она открывалась этюдом "Современные утописты. Изъяснение и критический разбор теории Фурье". Второму этапу "Сентиментальная философия. По поводу чтений г-жи Ройе о теории Дарвина..." был предпослан эпиграф из "Дилетантизма в науке" Герцена (с. 101, ср. III, 66, со ссылкой: «Из "Отеч. зап." 1843 года»). Автор книги, отстаивавший в целом идеи социализма и материализма, был подвергнут суду по обвинению в нарушении законов о печати. Герцен откликнулся на этот суд в статье: "Первое запрещение, первое предостережение, первый суд" в "Колоколе", л. 210 от 15 декабря 1865 г.

⁶ Очевидно, речь идет о пребывании Герцена в Монтрё 4–8 декабря 1865 г.

⁷ Вероятно, Герцен послал Нат.Ал. для перевода на французский язык рукопись отдельных глав ч. V "Былого и дум", которые он с начала 1866 г. просматривал, готовя для печати. Вскоре, параллельно с печатанием т. IV отдельного русского издания мемуаров, он предпринял шаги для выяснения возможностей нового, расширенного французского издания. Оно не было осуществлено.

22

(Монтрё. Около 30 января 1866 г.)

Ну, Герцен, луна светит на горы, вид такой, что мне жаль, что тебя нет, а я увидала его случайно.

Я осталась здесь на месяц – хозяйка была так тиха и печальна, что мне стало совсемно не сдержатъ слова. Б(акст) смеялся надо мной. Зато я сделала много перемен, в Лизину комнату поставила кровать для меня. М-me Caroline уступает свою комнату хоть на две недели, если ты или Ог(арев) приедете, и притом даром. Я подумала, что на этих условиях ты бы мог приехать, мы бы ходили обедать, куда хочешь, ты не был бы связан пансионом, или нам приносили бы обед; могли бы сидеть у тебя иногда, там есть камин.

Татин визит придется отложить на месяц, здесь и места нет, да и обстановка не та, зачем ей встречаться с лицами, с которыми случайно свела меня судьба.

Сегодня я много играла с Воден(япиной)¹ симфонии Бет(ховена). Шло хорошо, она не удивится, как моя игра неровна; день ничего не могу сыграть, в другой – как будто знаю наизусть.

Обед нам будут носить, это спасет много времени – если Жюль может, попроси его купить мне 3 ф(унта) кофею – даже в Веве нет хорошего.

Я продолжаю читать географию с Лизой, она ее очень интересуется. П². болен воспалением, едва ли уроки пойдут – музыка идет хорошо. Недавно Лиза расспрашивала Б(акста), из чего состоит кровь, и услышала с большим любопытством, что в крови тоже клеточки. С микроскопом мы возились; я думаю, надо бы его переменить на более простой, но немного большего размера – этот портит глаза; я от боли не могла ничего рассмотреть; в Лонд(оне) у Таты был не отличный, но очень возможный. Б(акст) едет послезавтра; стало, Милан наша девиза³.

Я жду твоего письма. От N(ini)⁴ ни строки, не случилось ли у них еще чего дурного?

Я все время ленилась писать в Р(оссии), однако теперь надо, но поверишь, что палец и глаз много мешают, мне трудно в один день играть на фортепиано, переводить и писать письма.

Merci за газеты, они интересны – а что, "Весть" пропала или нет?⁵ Мне нужно бы итальянскую грамматику и итал(ьянскую) книгу: *разговоры*, может, слажу без учителя. Я бы могла часть ночи учиться, зачем глаз болит? А я не на шутку просту-

дилась при тебе – через месяц увижу, пройдет ли это бесследно, думаю, что мою деревянную натуру ничто не одолеет, да ведь так ты и сам думаешь и дивишься.

Ну, прощай, всем кланяйся, жаль, что мы не простились⁶.

А я все себя спрашиваю: скоробей мой скоробей⁷, ты зачем ко мне летишь?⁸

¹ О “бумагах” *Веденяпиной* (Воденяпиной), русской знакомой Нат. Ал. по Монтре (возможно, родственницы декабристов братьев Алексея и Аполлона Васильевичей Веденяпиных), Герцен хлопотал в начале марта (см. XXVIII, 163, 167, 173).

² См. прим. 5 к п. 18.

³ Ср. письмо Герцена от 14 января (XXVIII, 141).

⁴ Джорджина Саффи.

⁵ № 31 “Вести” от 1 января н.ст. с передовой статьей В.Д. Скарятин “Русские социалисты и Положение 19 февраля” нужен был Герцену для ответа (см. XXVIII, 145); замысел осуществлен в статье “Ужас во вражьем стану” для “Колокола”, л. 214 от 15 февраля (см. XIX, 28–30).

⁶ Об отъезде Герцена 28 января без прощания см. также в письме Нат. Ал. от 29 января (АО, 34–35).

⁷ Вероятно, перефразируются первые строки романа А.А. Алябьева “Соловей” (слова А.А. Дельвига). *Скарабей* – навозный жук.

⁸ Ответ Герцена, написанный около 1 февраля, неизвестен. См. о нем в след. письме.

23

(Монтрё. Около 3 февраля 1866 г.)¹

Когда ты так говоришь, конечно, мы переедем к твоему приезду, зачем только ты так торопишь – этого я не понимаю. В письмах Бакста, вероятно, я одна виновата², твой поспешный отъезд оставил меня ужасно беспомощною – мне было больно твое отсутствие; если бы ты знал, чем ты бываешь для меня и как мне больно оторваться от тебя, не видеть тебя, вот где разгадка моего обыкновенного молчания, даже моего желанья не видеть тебя – ведь ясно, как день, что нам больше вместе не жить, и вот, под влиянием разума, я креплюсь и начинаю быть твердой и думать тоже, что логично, чтоб все несчастья разом добивали меня, а ты приедешь – и опять борьба.

Я безвыходно несчастна – ты не любишь таких положений – а я – разве я могу их любить?

Часто мне приходит в голову, что всего лучше, если б я могла не видеть тебя долго, долго и потом чтоб, успокоенная, нравственно смиренная делом, разумом, непобедимой случайностью, я бы увидала тебя, как монахиня видит того, кого любила в другом мире. – Не сердись, выслушай меня, мне так тяжело, так больно жить, а ты и эту боль упрекаешь.

Я забыла, что хотела сказать: Б(акст), видя, что мне неприятен твой быстрый отъезд, и думая, что ты уговоришь меня, – написал тебе, я думала, что он шутит, мне очень досадно. Нет, не спеши насчет моего здоровья, оно еще цветущее – не проси меня насчет постели, говоря об ней желчным языком, касаясь неосторожно до свежих, незаживимых ран, ты потерял право просить у меня эту жертву, я исполню ее ради разума, ради необходимости влачить эту жизнь для Лизы, потому что мы в конце концов ничего не сделали для нее в случае моей смерти.

Ну, прощай, не сердись, так хотелось бы, чтоб все было иначе, чтоб можно было долбестно, спокойно сложить свои кости – но сколько еще надо выстрадать до этой минуты, сколько страданий помнить – а разве можно хотеть их забыть?

Перевод мой подвигается, несмотря на палец, я диктую Б(аксту), miss Turner и Лизе, только не знаю, слажу ли я переписать его – есть пробелы для тебя³.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 1 февраля.

² Это письмо Бакста от 29 или 30 января неизвестно; возможно, частью было обращено и к Огареву.

³ О переводах Нат. Ал. из “Былого и дум” см. в п. 21. Возможно, Герцен, уезжая 28 января, оставил ей для перевода рукопись главы “Энгельсоны” ч. V мемуаров: именно в первой половине января 1866 г. он возвращался к работе над главой (основная ее часть была написана в 1858–1859 гг.) и продолжил ее в Монтрё, о чем свидетельствует первоначальная авторская дата на автографе постскриптума: “Montreux. 1866. Janvier 25” (в X, 439 ошибочное прочтение: “Menton”). Однако речь здесь могла идти и о статье “По разным поводам”.

(Монтрё. Около 5 февраля 1866 г.)

Мне пишут, что сестра едет в Москву, она надеется видетсья со мной и просит назначить Берлин местом свиданья, потому что дальше ехать денег нет¹. Прежде чем ей отвечать, пишу к тебе и жду твоего слова. Другой вопрос, что делать с miss Turner, отпустить немного совестно, но держать ее бесполезно и не по карману, а забросить англ(ийский) язык очень не хочется. Она сама не хотела ехать в Герм(анию), но, узнавши, что сестра приезжает, все это, пожалуй, иначе будет. Я могла бы на худой конец предложить ей остаться на пансионе в англ(ийской) лавочке, но не лучше ли уж совсем расстаться, или подождать?

Вероятно, сестра не пробудет более двух, трех месяцев за границей. Б(акст) очень обрадовался этим известием за меня. Какой он, право, добрый. Боюсь, что опять серебро будет забыто, их уж не будет в деревне, напишу в Москву. Перевод подвигается мало-помалу, общими силами, потому что память не позволяет долгой работы.

В Hôtel des Alpes осталась только квартира над кухней, которую ты видел, или на 4-м этаже – которую брать? Мне все равно, и цена та же – салона не будет, да и, право, не нужно – а жить придется там, пожалуй, до мая.

Ну, прощай – может, будет письмо от тебя – “Отеч(ественных) записок” не могу найти, должно быть, ты захватил. “Враг горами качает” только наружной формой напоминает “Кор(олевское) завещание”.

Отвечай мне поскорей. Микр(оскоп) пришлю с Б(акстом). Кажется, он опять к вам собирается.

Я только нахожу, что во всех планах невольно мы после мая отдалимся – будем ли встречаться, или нет, но друг для друга мы ничего не можем. Ты будешь в Ж(ене-ве) для Ог(арева), во Фл(оренцию) поедешь для детей – не эгоизм кричит во мне, а невозможность какой-нибудь общей жизни с тобой².

¹ Это первое известие о предстоящем приезде Е.А. Сатиной; письмо из России неизвестно.

² Ответ Герцена, написанный, очевидно, 6 или 7 февраля, неизвестен. В “Списке несохранившихся и найденных писем Герцена” – XXVIII, 400 (№ 72) – он отнесен к середине февраля. Но о нем Герцен писал Огареву 7 февраля (письмо, помеченное “середой”, – датировано в изд. АН СССР 14 или 21 февраля, т.к. редакции осталось неизвестным публикуемое письмо Нат.Ал. к Герцену – см. XXVIII, 154, 347).

(Монтрё. 8 или 9 февраля 1866 г.)

Надо практически отвечать на твое письмо¹. Я не слыхала, что С(атин) едет; если он приедет, конечно, он вас увидит – а им не думаю, чтоб можно так далеко забираться, и отели, и места для нескольких обойдутся дорого – я не могу с ними списываться; когда они будут в Берлине, это слишком большая потеря времени, – они, вероятно, ненадолго.

Мне бы хотелось иметь деньги на дорогу и отправиться по первому известию с Лизой, пожалуй и с miss T(urner). Если нужно будет Е(лене) видетсья с тобой и с Ог(аревым), может она оставить мне детей и съездить одна в Базель. Лучше не придумашь. По всей обстановке не знаю, хорошо ли иначе устроить.

Ну прощай.

Вот комнаты наверху, разница только одна лестница, цена та же, только пошире комнаты².

	Miss T(urner)
	Моя
Лиза	Салон

А внизу 2 большие, салону нет; стало, у Лизы в комнате надо сидеть целый день – а miss T(urner) наверху.

Я не знаю, зачем ты хочешь взять книги у англичанки, ведь ни ты и ни она не

уезжают, может, со временем она их продаст, дождусь твоего ответа и сделаю, как ты хочешь. Но мне кажется, что не худо, чтоб у нее всегда были и книги и “Колок(ол)”³.

Ну, прощай.

Лиза никак не может дописать Ольге письмо: “Не знаю, что писать”. Дети живут привычкой⁴.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена от 6 или 7 февраля.

² Далее дается план комнат в Hôtel des Alpes.

³ Ср. упоминание о присылке новых книг для англичанки (по-видимому, владелицы “английской лавочки”) в п. 28.

⁴ Ответ Герцена, написанный около 10 февраля, неизвестен.

26

(Монтрё. Около 11 февраля 1866 г.)

Ты слову моему не веришь, ах, Герцен, Герцен¹, что же ты любишь во мне, когда даже откровенности не признаешь, — ты за Лизу боишься, успокойся. Но, друг мой, не буду говорить ничего жесткого, но как же ты мог предложить Лизу не брать на свиданье с другом детства и юношества² — пойми, что это невозможно, пойми, что они настолько же едут для нее, насколько для меня, — а дети — ее сестры и братья!

Не могу им предложить остановиться у тебя — это невозможно, но если нужно будет видиться тебе с Ел(еной), то я устрою, чтоб она приехала в Базель — тогда и ты приедешь.

Дорога очень дорога для них — мы можем жить около Берлина — я чувствую, что они правы, назначая этот город, он самый близкий к Р(оссии).

Мне тяжело писать против твоего желанья, досадно, что тебя нет, переговорыли бы, а то время идет.

Стелла³ был. Я была не одета, не могла его принять, но наскоро оделась и пришла на жел(езную) дорогу, где его нашла. Если он скажет, что я нездорова, не верь, это извиненье — мое здоровье с каждым днем лучше.

Приезд Елены — сюрприз для меня, так вдруг и уже дают адрес в Москву.

Что же делать с Ог(аревым)? Решетку, лампу ставьте-ка дальше от кровати. Стало, припадки опять чаще. Это всегда бывало к весне. Пишу тебе с открытой дверью и без огня. Лиза читает на террасе.

Комнаты возьму, как ты хочешь, внизу, зато одной меньше и без солнца. От столовой только две лестницы вверх — они будут носить только кофей поутру, а два раза надо сходить. Об чае я говорила, им это все равно — ничего не сбавляют, все 14 в день без вина, дров и свечей.

Теперь я устраиваю немного туалет и Лизы, и свой для отеля. Привези мне косынку для головы, но купи сам.

Ну, прощай, пошлю сейчас письма, авось ты завтра напишешь, а то мой ответ их задерживает.

Что же делать с miss Turner? Я не понимаю, зачем вы людей распустили, ведь нужны же они в новом доме. Стелла сообщил, что вы нашли дом⁴. Пиши поскорей, ты долго не отвечал⁵.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, посланное около 10 февраля.

² Так Нат. Ал. называла свою младшую сестру, Е. А. Сатину.

³ Конспиративное имя И. Ф. Савицкого, полковника Генерального штаба, одного из видных деятелей польского восстания 1863 г. После его поражения эмигрировал в Швейцарию; в Женеве в 1865–1866 гг. преподавал естественные науки Тате.

⁴ В эти дни в Женеве решался вопрос, где будут жить Герцен и Огарев после окончания срока найма Château Boissière. В начале апреля (до 5) Герцен с Татой поселились в “крошечной квартире” по адресу: 7, Quai du Mont Blanc — см. XXVIII, 154, 176; Огарев переехал в пригород Женевы Petit Lancy.

⁵ Ответ Герцена, написанный около 12 февраля, неизвестен.

Н.А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА С ДОЧЕРЬЮ ЛИЗОЙ

Фотография Л. Страцака. Брюссель, 1869. На обороте надпись рукой Лизы Герцен: "Pour maman" ("Для мамы")
Музей Герцена, Москва

(Монрё. Около 12 февраля 1866 г.)

Ты как будто боишься приезда Е(лены)¹. – Напрасно, много будет дельного из него, не говоря уже о том, что хорошо свидеться перед смертью тем, которые смело, полные веры в жизнь и в счастье, шли рука об руку, свидеться после последнего сраженья, когда от боли сделался опять бесстрашен². Обнять друг друга и молча отвернуться. Уж и для этого стоило бы видеться.

Елене будет больно, она не догадывается³. Но пусть она обдумает со мной, что для Лизы лучше. Если она заключит, что для Лизы вы все-таки представляете дом, что лучше можете ее воспитать, тогда я согласна, это даже не жертва, это долг. Тогда Лиза может у вас жить одна, а обо мне не стоит и говорить – я прошедшее – буду Лизу навещать, стану жить одна. Я не знаю, что Е(лена) хочет мне предложить (об Р(оссии) речи нет), но она просит не брать никаких решений, не выдавшись с ней. Я

не знаю вообще, что побудило ее сразу решиться ехать. Сегодня ночью кончу перевод "По разным поводам"⁴. Напиши, что еще переводить – мне легче с работой. Что Ог(арев)?

Почти каждый день вижу тебя во сне – читаю от тебя длинные письма и в них то, что бы я хотела. Сегодня ночью ты сердился на меня. Писала ночью, не знаю, р(азберешь)^{85*} ли – прости⁵.

¹ Вероятно, новый отклик на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 10 февраля.

² Возможно, Нат.Ал. вспоминает здесь слова, обращенные самим Герценом к Огареву в "Dédicace" 1851 г. (см. VII, 269).

³ Е.А. Сатиной еще не было известно о супружеских отношениях Герцена и Нат.Ал. и о том, что Лиза – дочь Герцена.

⁴ Вторая из цикла статей "Капризы и раздумье" (II, 73–85). Перевод на французский язык, сделанный Нат.Ал., до нас не дошел.

⁵ Ответ Герцена, написанный около 14 февраля, неизвестен.

28

(Монтрё. Около 13 февраля 1866 г.)

Наскоро отвечаю¹ – нельзя не переехать в Hôtel des Alpes, когда по твоей просьбе Б(акст) им при мне сказал, что я перееду 22 – и я подтвердила, – право, я все делаю по твоему желанию, и все-таки ты недоволен.

Туалета мне пока не надо, я переделала разные вещи и все заново; я, напротив, знаю цену деньгам, и они мне дают плечи.

Стало, 22-го мы будем в отеле – насчет Таты делай, как лучше, я не знаю, когда она придет, и всегда готова ее принять – думаю, что ей самой будет приятнее навесить в Alpes, чем здесь, – спроси ее.

Книги присланы для англичанки?² Ты ничего не пишешь, и почему не класть всегда счет по-франц(узски) – для нее.

Если возможно, я постараюсь, чтоб ты увидел детей³, но опять деньги! Об них-то я и думаю, боясь трат, я не звала их, а напротив, останавливала.

Теперь ты, вероятно, получил мое письмо⁴, я подчиняюсь общему приговору – но, конечно, для меня лично одна возможность выносить жизнь – это труд в школе – деятельный, беспрестанный, утомительный.

Ну, прощай – я бы хотела, чтоб ты приехал 21-го – если даже с Татой, ты можешь прямо ехать в Hôtel des Alpes – мне легче будет переехать при вас. До свиданья.

Дети Сатина	Тата – 16 (лет)
	Леля – 14 1/2
	Коля – 13
	Саша – 11 1/2
(девочка)	Маня – 8
	Миша – 4

Лиза уже написала Мане, что будет с ней жить в одной комнате, вместе учиться, вместе играть, играть на форт(епиано) в 4 руки – она стала учиться еще с большим старанием.

Неужели Б(акст)⁵ еще в Ж(енева)?⁶

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 12 февраля.

² См. п. 25.

³ Очевидно, Герцен выразил желание увидеть детей Е.А. Сатиной.

⁴ Имеется в виду, вероятно, предыд. письмо.

⁵ В.И. Бакст приехал к Герцену поездом из Монтрё в Берлин около 10 февраля и задержался в Женеве на несколько дней.

⁶ Ответ Герцена, отправленный около 14 февраля, неизвестен.

(Монтрё. Около 15 февраля 1866 г.)

В твоём письме многое мне больно¹, но оставим это. Сегодня письмо от Елены² – я думаю, что они будут в апреле. Они уже неделя как в Москве.

Если ты непременно хочешь, то купи мне *алпака*³ по 3 francs – не знаю хорошо, сколько надо, – в лавке будут знать, но более мне ничего не нужно – шляпа у меня есть, но я стану носить ее, только когда ты приедешь. Лиза учится хорошо со мной. Эти дни все шли дожди, а сегодня солнце и немного холодно.

До свиданья. Если Б(акст) у вас еще, попроси его написать мне из Цюриха, я очень нетерпеливо жду известий об Сусловой.

Miss Turner я не возьму, она здесь продолжает ту же двойственную роль. Если хотите, она может у вас остаться, или здесь в англ(ийском) семействе, или, наконец, я найду ей случай – возвратиться в Англию.

Ну, прощай⁴.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 14 февраля.

² Это письмо неизвестно.

³ *Альпака* – род шерстяной материи.

⁴ Герцен приехал в Монтрё 22 февраля, остановился в Hôtel des Alpes и на следующий день перевез туда Нат.Ал. и Лизу. В Женеву он возвратился 5 или 6 марта.

(Монтрё. 11 или 12 марта 1866 г.)¹

“Сор(ока)-вор(овка)” кончена, друг мой, во вторник начала, в суб(боту) кончена², а я не торопилась, но мне с каждым днем тяжелее быть без дела, говорить – вот почему так скоро, не думай, что небрежно, напротив, я с любовью переводила, это касается когда-то дорогих струн.

Пришли скорей весть, что переводить, не оставляй меня без работы, умоляю тебя.

Об Лизе не беспокойся, ей очень хорошо и весело – она совершенно светский человек. Ужасно обрадовались предложенью Таты привезти Линду³.

Напрасно ты удивляешься, что для вздорного порученья я готова была приехать в Ж(еневу). Мать хотела знать, застанет ли дочь в живых – вот порученье, можно ли было отказать по какому бы то ни было поводу? Но чтоб тебе доказать, что я то же могу сделать и для тебя, я приеду⁴, только берешься ли ты сделать, чтоб Лиза не видела Ог(арева) больным – нервами ее я недовольна и не осмелюсь их подвергать никаким опытам – простишь ли ты себе, если у нее сделается падучая болезнь? Я говорю по опыту, я знаю, что значат безвыходные сожаления и возвращенья.

Если б ты знал, что у меня делается внутри, если б ты мог сам это испытать, ты бы не выдержал. Но об этом будет, могла бы томы писать, но не хочу.

Наконец, было письмо от N(ini)⁵. М(аццини) плох. Ты прав, Г(ерцен): еще тебе придется много такой странной радости, радости своей догадливости, я думаю, что дружба N(ini) скоро остынет, ей непонятно и обидно, что она в год не убедила меня. Только умей молчать, ни Тате, ни Ог(ареву) ни слова – это до меня лично касается.

Что ушиб Ог(арева), что говорит Майор? Бывало, делали грудную мазь из простого мыла, камф(орного) спирта – и очень помогало против ломоты, но, может, все это вздор.

Прощай, кажется, еще нет и 12 ч(асов). Ух, как тяжело – а Лиза спит все скверно, и это с П(арижа).

Узнай стороной, в случае, если не нужно брать miss Turner, могут ли ее приютить Черн(ецкие), нет ли комнат в том же доме – я спрашиваю, потому что было бы облегчение не брать ее.

Портфель, конечно, не выписывай, пусть ей служит⁶.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена от 9 или 10 марта.

² Очевидно, именно этот перевод на французский язык был опубликован в издании: "Œuvres de Alexandre Herzen. Récits et nouvelles" P., (1872). Librairie Germer – Baillière, p. 1–30.

³ *Линда* – собака Ольги Герцен.

⁴ Нат. Ал. с Лизой приехали по приглашению Герцена в Женеву около 19 марта. Вернулись в Монтрё 25 марта.

⁵ Письмо Джорджины Саффи неизвестно.

⁶ Ответ Герцена до нас не дошел.

31

(Монтрё. 16 марта 1866 г.). Пятница. Вечер¹

Я знаю, что многое тяжело и в твоей жизни, – что же делать? Почему Ог(арев) не мог бы сделать жертву – положить кого-нибудь в соседней комнате, когда за этим следует для вас обоих тяжелая необходимость жить под двумя крышами.

Жемч(ужникова) я перестала ждать² и радуюсь за него; может, все это к лучшему; может, я вызвала бы более страдания в нем, принимая его слишком серьезно.

Вчера девочки соседнего дома пригласили Лизу обедать и играть, конечно, я отпустила ее, и поэтому мы обедали вечером – мы пошли с miss Turner вдвоем и, во-первых, зашли к часовщику и узнали, что он и покупает, и берет под залог (очевидно, что она ни того, ни другого не хотела, потому что совсем к нему не заходила, несмотря на мой совет). Мы ее не застали, хозяйка нас приняла, она очень хор(ошая) женщина, жаловалась на безрассудство Вод(енияпиной) не только в постоянной покупке ненужных вещей, но и в срочном обещании уплаты. Однако все это только легкомыслие, но недостаток, который мне всего антипатичнее, играет у нее приму, это постоянная ложь. В ее последний визит она солгала мне три раза – делать было нечего – так это все обнаружилось, я со всей учтивостью ей заметила, что она мне то-то и то-то сказала – она была очень бледна: "Может, я ошиблась, может, я сказала, не помню, не знаю". А хозяйка говорит, что ложь – источник всех ее бед. Хозяйка желает, чтоб она давала уроки музыки и франц(узского) яз(ыка), нельзя ли найти ей перевод на франц(узский) язык за деньги? Когда ты приедешь, я тебе покажу ее перевод – вероятно, она его скоро кончит. Я бы не хотела, чтоб она давала уроки муз(ыки) Лизе, мне кажется, надо, напротив, удалиться, насколько возможно. Эта страдальца роскоши и лжи не внушает мне ни тени симпатии, – и к тому еще русская привычка – кто кротко у нее просит уплаты, с тем она дерзка, а кто с ней дерзок, с тем она овечка.

Ну, бог с ней, не хотелось так долго об ней говорить, но я хочу тебе доказать, что если мое участие сильно остыло, то вот причины. Жук(овский)³ вчера был у Утиных, но ко мне не приходил и денег не приносил. В апреле мне надо заплатить за форт(еиано) 84

ноты 9

Уроки муз(ыки) 35 за 2 мес(яца)

128

Merci за книги, а мне хочется прежде перевести "Поврежденного"⁴. Первые страницы – чудо, я их перечитываю и боюсь испортить переводом. Эти дни мне плохо работается, но я скоро слажу с собой. Я почти не сплю и не могу работать ночью, лежу на диване без свечи и смотрю на звезды. Как ночь с своей тишиной выше, симпатичнее дня теперь для меня – и именно темная ночь, в которой звезды так ярки. Мне шире дышится при этом отсутствии жизни кругом; не смейся, я лежу и пристально смотрю на эту величественную картину, и какая-то кротость сходит в мою душу, смирение перед природой, мое ничтожество, одиночество – я бы почти не чувствовала, что жива, если б в сердце не было неистощимой боли по Леле: эта боль – это уголок, куда сжалась моя личная жизнь – иногда она жгучая, отчаянная – ночью, без людей она кротче, спокойно-безвыходнее, безропотнее. При разлуке с Лизой часа на два, я всегда жду (как оно ни нелепо), что мне скажут: "Несчастье случилось" – и я спокойно повторяю про себя... "Ну, что ж делать, надо смириться".

Вот тебе мое внутреннее состояние, зачем я так много говорила о себе? Не знаю – потому что мне больно, потому что иные мне далеки и я не буду с ними так говорить, других, как моя сестра, мне жаль, потому что они меня слишком много любят, слишком много обо мне страдают при всей моей осторожности.

Вчера была Софья, она похудела, говорит, что от скуки без нас если вам понадобится для кухни и дома верная и честная чернорабочая девушка, возьмите ее – она будет очень рада и может сторожить дом. Если вам не нужно, спросите Касат(ки-ных) – она годится и в няньки, и в горничные.

Ну, прощай. Зачем я так строго смотрю на ложь Вод(еняпиной)? Ведь это дурно?

Не знаю, как начать дробь с Лизой. От тапач письмо – папá сдает завод – стало, будут деньги. Michel Tant все с папá, это не даром.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 15 марта.

² В начале марта А.Н. Жемчужников приехал в Женеву, виделся с Герценом, а затем, 17 или 18 марта отправился в Монтрё; с ним Герцен 17 марта передал письмо к дочери Лизе (см. XXVIII, 174).

³ Н.И. Жуковский.

⁴ Очевидно, именно этот перевод, осуществленный Нат.Ал., был опубликован в той же книге, что и “Сорока-воровка” (“Oeuvres d’ Alexandre Herzen. Récits et nouvelles”. P., (1872), p. 133–169).

32

(Монтрё. 27 марта 1866 г.)

От тебя нет письма – берегись простуды: здесь умерла семнадцатилетняя девушка в три дня от воспаления. Мать приехала к похоронам. Я смотрела из окон, как ее опускали в могилу, – видела, как мать вышла из кареты – слышала, как поп говорил речь – потом все разошлись – карета вскачь увезла мать, а я встала рано сегодня и взглянула на это новоселье. Из окна видны венки из белых роз – в первую ночь я видела опять Лелю во сне и была так безумно счастлива, она так шалила, смеялась, играла, так ласкала меня, что я поверила, что мы вместе: “О, Леля, дай мне написать ему, что ты со мной, что ты живая”. Она посмотрела на меня серьезно, я сразу проснулась и вспомнила.

У вас в Ж(еневе) слишком шумно, рассеянно – здесь лучше – если можно, оставь меня здесь – на два или на три дня я приеду перед отъездом в Герм(анию)¹. – Уверяют здесь, что в Герм(ании) холера, газет я не видала.

Ауэрбах² был, – я не могла его принять, Лиза снесла ему газеты, говорит: “У него ужас какие белые зубы, мне хотелось бы иметь такие”, – и прибавляет: “Должно быть, он был хорош в молодости”.

Она учится опять по утрам со мной – потом гуляет, работает или читает по вечерам... Книга об арифметике³ ей очень нравится – нет ли географии Масé?

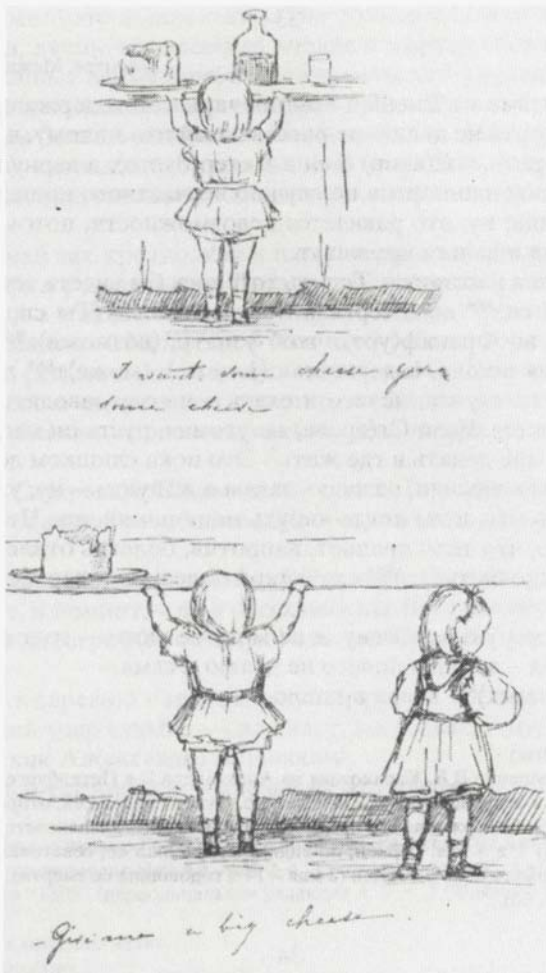
Сейчас книги и письмо от Долгорукова⁴ – нужно ли отвечать? Благодарю его бесконечно за меня и скажи, что буду беречь книги как око свое, а у Жук(овского) еще долго не буду просить, потому надо прежде эти прочесть.

Если Тата приедет завтра⁵, ей надо будет жить два-три дня наверху, возле miss Turner. У меня нет сил расстаться с моим видом, оставь меня здесь.

Ну, прощай; что Ага? Ты прочти ему⁶.

¹ Во время пребывания Нат.Ал. в Женеве 19–25 марта было решено, что намечавшуюся на конец апреля встречу ее с Е.А. Сатиной лучше всего устроить во Франкфурте-на-Майне, куда мог бы в случае необходимости приехать и Герцен (см. XXVIII, 174, и письмо Нат.Ал. к ней от 26 марта – авт. РГАЛИ, ф. 476, оп. 1, ед. хр. 108, л. 75).

² Знакомство Герцена и, очевидно, Нат. Ал. с Ауэрбахом, приехавшим из России, состоялось 1 марта в Монтрё (вероятно, это был Герман Андреевич Ауэрбах – см. ЛЖГ IV, 237). 28 марта Ауэрбах (Герцен называет его иногда “Бах”, “Шауэрбах”) был у него в Женеве и, очевидно, привез ему переданные Нат.Ал. газеты, а затем, возвращаясь в Монтре, захватил какие-то вещи и игрушки для Лизы (см. XXVIII, 175–176). В марте же, видимо, состоялось знакомство с его женой (Юлией Федоровной? – Ср. АО, 64; ЛЖГ IV, 249).

АЛЕКСЕЙ И ЕЛЕНА (ЛЕЛЯ-BOY И ЛЕЛЯ-GIRL) –
ДЕТИ ГЕРЦЕНА И Н.А. ТУЧКОВОЙ-ОГАРЕВОЙ

Из семейного альбома Герценов. Рисунки Таты Герцен (?) (перо). (Борнемут, лето 1864 г.)

Подписи: сверху – “I want some cheese, give me some cheese”

(“Я хочу сыра, дайте мне сыра”), внизу – “Give me a big cheese” (“Дайте мне большой кусок сыра”)

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по книге: Русские пропилеи. Том IV. Москва, 1917

³ Вероятно, книга: J. M а с ё. L'arithmétique du grand'papa. P., 1863 – или одно из последующих ее переизданий.

⁴ Это письмо неизвестно.

⁵ Н.А. Герцен приехала в Монтрё 30 марта и вернулась в Женеву около 25 апреля (см. XXVIII, 176, 179, 180). Ее присутствие, однако, тяготило Нат.Ал. 22 апреля она писала Е.А. Сатиной: “Зачем я не могу одиноко провести время перед отъездом (...) И собой я недовольна, и другими, зачем меня не оставят в покое? (...) Кругом ни души, разве врачи, а Емилия (так Нат.Ал. в письмах, посылавшихся в Россию, называла Герцена) и Огарев приближаются к шестидесяти, что за будущность? – Если б они согласились, я бы ее охотно отпустила с тобой, а сама бы осталась на свободе, ни с кем бы ни жила – только в Ницце. Без школы я с Лизиным воспитанием не слажу (...) да без дела я жизни не вынесу” (РГАЛИ, ф. 476, оп. 1, ед. хр. 108, л. 81–82).

⁶ Ответ Герцена от 28 марта (XXVIII, 175–176).

(Монтрё. Между 25 и 30 апреля 1866 г.)

Вот, наконец, письмо от Елены¹ – оно печального содержания – они были совсем готовы, но пашпорта не дали – не рассказывай это никому, я даже Ж(емчужникову) не хотела говорить, – С(атин) был в Петер(бурге), а вернулся с ничем. Елена говорит, что не выдают пашпортов по случаю несчастного происшествия² – может, через 2, 3 или 4 месяца; ну, это равняется невозможности, потому через 4 мес(яца) нельзя будет ехать, да и деньги проживут.

Ну, с этой мечтой я расстаюсь. Теперь хотелось бы видеть тебя, чтоб решить об воспитанье Лизы. (Я от)^{86*} него серьезно отказываюсь. (Ты спросишь)^{86*}, почему. Нужно ли (ехать)^{86*} во Франкф(урт), чтоб узнать, (возможен)^{86*} эта не немецкая школа (или нем)ецкая школа, содержащая (1 нрзб.), (может)^{86*} ли Фогт объяснить это тебе? В последнем случае, нечего и ехать – школу заводить я потеряла храбрость. Это уж не клеится. Если Ог(арева) не утомит, пусть он напишет свой совет – я вовсе не знаю, что мне делать и где жить³. Это пока слишком долго.

Ну, прощай – очень тяжело, не знаю, зачем я жалуюсь – ну, уж теперь ни на что не буду рассчитывать. Ну, и ты когда-нибудь меня помянешь. Что за мученье я вынесла – и будто легче, что тело крепнет, напротив, болезнь отвлекает.

Я здорова – должно быть (...)^{86*} случайной болезни – я верн(усь)^{86*} к нормальному состоянию (...)^{86*}

Надо для Лизы скорую перемену, я не могу ее учить – головные боли, нервозность, безверие в себя – я более ничего не делаю и сама.

(Письмо)^{86*} С(атиных)^{86*} вчера пришло.

¹ Это письмо неизвестно.

² Имеется в виду покушение Д.В. Каракозова на Александра II в Петербурге 16/4 апреля.

³ Написал ли Огарев в эти дни Нат.Ал. – неизвестно. Ответ Герцена ей, отправленный между 30 апреля и 2 мая, не сохранился. Содержание его предположительно восстанавливается по отклику Нат.Ал. в письме, написанном между 1 и 3 мая. Герцен, по-видимому, утешал ее, советовал переехать в Лозанну, звал к “новому союзу” в память о Н.А. Герцен (2 мая – 14-я годовщина ее смерти), делился опасениями за здоровье Огарева (см. АО, 60).

(Лозанна. 21–22 мая 1866 г.)¹. Понедельник

Мерси за книги и газеты – Толст(ого) тотчас прочла².

Я много думаю об тебе – может, я более с тобой в твоём отсутствии; я недовольна собой больше, чем тобой, почему я не умею сделать, чтоб ты понял, как я тебя люблю и как мысли мои – не один эгоизм. Эгоизм мой – это сбежать из жизни, неудачной и мучительной, на себе узнать тайну ее – вот мое внутреннее, эгоистическое желание, я с ним борюсь, сила этого эгоизма в том, что я не вижу пользу моего существования ни для тебя, ни для Лизы, я вам обоим вредна.

Может, Елена поможет мне понять, что мне делать – я чувствую страшную ответственность, а выхода не нахожу, мне ясно, что многое дурное от сложности нашей жизни – ведь я тебя не виною, – но, видишь, бродя по улицам, встречая часто детей в лохмотьях, невольно шевелится упрек: бедные, об них не думали родные – а разве необдуманность в нравственном мире легче? – Где же Лиза видит человеческое отношение между матерью и отцом, где она видит ту мягкую, гуманную сторону любви и уваженья, которая имеет столько влияния на будущее ребенка? Я чувствую, что моя ноша, моя ответственность тяжеле. Зачем я не имела силы высказаться тебе раз откровенно и выйти из этого мучительного импаса^{87*}? Да, твое присутствие как постороннего никогда не принесет добра ни Лизе, ни мне; в этот год я по-

^{86*} Автограф поврежден. – Ред.

^{87*} тупика (франц. impasse).

няла это еще глубже – это невозможно. Мы только умаляем хорошую сторону нашей привязанности, лучше принесем ее вполне в жертву обстоятельствам – мы оба прошли через страшные испытания, нечего думать, что не сладим, только прошу тебя, обдумай, и если принимаешь серьезно мое предложение, будем же поступать обдуманно и не станем больше возвращаться на прошлое. Мое сердце исполнено любви к тебе и к Л(изе) – но я жива. Зачем ты меня не видишь одну, ты бы понял, сколько покоя нужно для горя, сколько свободы надо, чтоб мелочи не портили вечную печаль.

Прощай, подумай так кротко, как я пишу, сердце наболело.

Ужасный сон был у меня вчера. Лиза поскользнулась и упала с парохода – бросились и не нашли – а я взяла себя за голову и говорю: “Она испугалась, она холодная, как они”³, – и мысль об Ницце и об том, чтоб тебе не показать моего решенья...

Точно нарочно оставила место вчера – вот и письмо Елены⁴ – она не может приехать, едет в деревню и спрашивает, прислать ли деньги или подождать, потому что курс ужасно плох, я напишу прислать, ведь векселя на три месяца, может, немного и поправится.

Что здоровье Ог(арева)? Писем нет – проси Тату прислать жакетку для miss T(urner), если она годится. Тате, боюсь, будет скучно, пришли ее дня на два, для пробы.

Если у вас есть англиц(кие) книги, давайте m-me Chernetsky. Она страстно любит читать, и понимает, и помнит, – я ей рассказывала Beaumarché, она была в восторге.

Тебе прислали литограф(ированную) статью “Ricordo” (ту же)⁵ на мое имя – не стоит пересылать.

С(атины) едут в деревню – может, к лучшему – их бы заподозрили.

Вот и последний удар судьбы – она знает, кого бьет, – ну, теперь за работу – и “point de rêveries!” как Ал(ександр) П полякам⁶.

Надо обдумать и устроиться – отвечай на это письмо⁷.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, посланное вместе с книгами и газетами около 19 мая.

² По-видимому, Герцен послал Нат.Ал. №№ 2–4 “Русского вестника”, в которых была напечатана ч. II романа Л.Н. Толстого “1805” (первоначальная редакция ч. II, т. I “Войны и мира”). Отзыв Герцена см. XIX, 108.

³ Речь об умерших младших детях.

⁴ Это письмо неизвестно.

⁵ Очевидно, Герцен уже раньше получил опубликованную в итальянской газете “Dovere” от 28 апреля статью Маццини “Ricordo” (“Воспоминание”), которая была посвящена памяти К. Вентури, умершего 27 марта (см.: G. M a z z i n i. Scritti editi ed inediti, v. LXXXIII. Imola, 1939, p. 233–238). Она потрясла Герцена, как он писал Маццини в конце мая (XXVIII, 187).

⁶ “Никаких мечтаний!” (франц.) – слова из речи Александра II к депутатам от Варшавы в мае 1856 г., в которой он заявил о решимости продолжать политику отца, Николая I, и пресекать какие бы то ни было попытки поляков добиваться национальной независимости. Эта фраза и ее варианты стали излюбленной формулой политики царизма в публицистике Герцена (см. XIII, 284; XIV, 198, 200–202).

⁷ Ответил ли Герцен на это письмо, неизвестно. 26 мая он приехал на несколько дней в Лозанну к Нат.Ал. и Лизе.

Хозяйка надеется сдать на всю зиму нижний этаж, но наверное не знает; если это удастся, то она всех переведет в мой этаж снизу – стало, для вас будут только две комнаты без виду и, пожалуй, одна комната в третьем этаже. Если это состоится, то не можем ли мы куда-нибудь ехать поблизости? Я хотела предложить (Тата и Лиза, верно, будут довольны) идти пешком по Швейцарии вчетвером и оставаться, где покажется, а в отеле я оставлю только одну комнату за собой.

Елиз(авета) мне отвечала, что едет, деньги miss T(urner) ей дает – miss T(urner), как я предвидела, не говорит, что истратила, говорит, будто не стоит об этом толковать.

Жары спали, можно бы очень хорошо пешком походить. Хозяйке я сказала, что

мне нельзя будет остаться, если нет у них комнат для приезжих друзей², она жалеет, но дела ее плохи – старик поссорился с ней тоже при отъезде – не знаю, кто виноват.

Я думаю, что хозяйка хотела, главное, чтоб я жила прошлый месяц, теперь все-таки попадают люди, ищущие зимние квартиры. Хозяйка очень желает продать, но не менее как за 300 тысяч. Она сама говорит, что это ошибочная спекуляция, что в хороший год отель только полон два месяца осенние, а теперь и того не надеется.

Приезжайте, все-таки, мне не совсем здоровится, может, это от <1 нрзб.>. Здесь одна девочка завладела мной – не знаю, что меня привлекло так к ней, сходства нет³, но ее темные волосы, ее наречие, ее белое платье и своеволие, почти повелительность со мной отдали меня совсем в ее власть.

Как больно и страшно сжимается сердце, когда эта темная головка бежит со всех ног ко мне навстречу, хватается меня за шею с криком, целует и шепчет: “Я вас больше всех люблю, больше мамы”, – и все это по-английски.

Не знаю, что тебе сказать, Г(ерцен), но я внутренне страшно потрясена – в первый раз как я видела этого ребенка, я не отходила от нее, потом она ушла – я сидела у себя, потом не знаю, как я очутилась наверху – девочка сидела с матерью, я спросила братьев ее, может ли она идти ко мне. Мать позволила, но сказала: “Ты, верно, не пойдешь”. Nelly вскочила и с криком бросилась ко мне: “Да, да, я хочу идти с ней”, – и мы играли, как дети, и я украдкой плакала.

Бедная я, Г(ерцен), сейчас приехал ребенок, блажной или больной, в соседнюю комнату, мать не может сладить, – а у меня сердце раздирается, я пошла и успокоила ее.

¹ Возможно, ответ на письмо Герцена от 18 июня (XXVIII, 198).

² В начале июля Нат.Ал. переехала в Hôtel Belvédère.

³ Имеется в виду сходство с покойной Лелей-герл.

36

(28 июля 1866 г.) Canton de Vaud Цуббота
Hôtel Belvédère, Lausanne¹.

Не могу писать к тебе, больно, дурно, что ты не можешь прислать Сашиного письма². После таких испытаний бросаются против меня слова в твое сердце, которых ты не можешь повторить.

Но не будем говорить. Если б Сашина совесть говорила, то она бы ему сказала, что, не исключая моих вин, его характер внес много печального. Я бы тоже готова все забыть, если б видела в нем любовь хоть к другим, – об себе я молчу.

Пришли мне адрес Ольги, я должна ей отвечать, и Лиза ей написала; конечно, ни слова о ее письме к тебе. Я буду очень рада ее видеть, но, может, ты немного слишком серьезно принимаешь ее письмо, все дети любят перемену, особенно те, которые, как Ольга, с девяти лет все разъезжают.

Сейчас получила ответ от Л(угинина). Он на меня дурно подействовал, ему все это кажется бред, который не удастся³. Может, он прав – трудно все это – что же мне делать, если школа не удастся? Когда приедешь, я покажу тебе письмо Л(угинина). Есть умные возражения, отчасти предвиденные мной, но ты знаешь: il n'y a pas de meilleur aveugle que celui qui ne veut pas voir⁴.

Ну, прощай. Темно вокруг и печально на душе. Мне пишут, что папа ездил в М(оскву) по делу наследства, все очень запутанно, он прожил месяц и уехал, оставя дело на чужих руках. Сегодня m-lle Michel пишет, что кругом холера, на днях показалась и в Меце.

Если б я могла слышать твое мнение о школе совсем серьезно, если надо расстаться и с этой мечтой, надо мне взять какое-нибудь решение, нельзя годы жить au jour le jour^{88*}.

^{88*} со дня на день (франц.).

Я уверена в одном, что со временем была бы огромная польза, но как ее вести без людей, без денег, без детей? Теперь долго не достанешь русских детей.

Приезжай, потолкуем и кончим – ожидание тяжелее факта.

От m-me S{affi} нет ответа на 2 письма – не понимаю причину.

От Елены ответа тоже нет, я думаю, я совсем перестану писать⁵.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, отправленное около 25 июля вместе с письмом Ольги, адресованным Нат.Ал. и Лизе. Это письмо до нас не дошло (как и все другие, упоминаемые ниже).

² Письмо А.А. Герцена к отцу, написанное около 10 июля, неизвестно. Он резко возражал в нем против намерения сестры Таты остаться с Нат.Ал. и Лизой и взял на себя “роль критика, судьи” Герцена в его отношениях с Нат.Ал. (см. XXVIII, 209, 210, 218).

³ Нат.Ал., вероятно, предложила В.Ф. Лугинину принять участие в создании школы.

⁴ “Самый слепой из слепых тот, кто не хочет видеть” (*франц.*) – английская поговорка (источником ее является сентенция из книги Э. Бурда “Требник здоровья” – “Braviary of Health”, 1547).

⁵ Ответ Герцена от 1 августа – XXVIII, 210–212.

37

(Лозанна. 20 августа 1866 г.). Понедельник

Вчера я тебе написала глупое письмо, а сегодня я рассудила его не посылать¹. По письму Б{акста}², Суслова не будет. Она могла бы приехать в конце сентября. От Нины письма не было, из России тоже ни строки – а я в тревоге за нашу неосторожность. Хороши мы!

Я все-таки не могу понять ни твоего письма, ни твоего предложенья; что я буду делать с Лизой в прекрасном, но диком месте? – Ты это так написал, а потом зачем ты все говоришь об старом, я тоже надеюсь, что никогда никаких ссор не будет, какие поводы к ссорам, каждый день их будет меньше. Оставим это...

Лучше думай, где мне с Лизой поселиться – время настало решиться. Было много у меня разных, хотя и не светлых, надежд – увидаться с Еленой и с ней договориться обо всем – хотела я жить с m-me S{affi}. Все это оказались несбыточные мечты, и надо на все смотреть хладнокровно, ведь уж в самом деле мою жизнь трудно испортить. Жить с Лизой возле дорогих могил, вот все, что я смею желать, если и тут не встречу помехи. Мне будет легче, глядя на них, ждать своей очереди.

Насчет Ж{еневы} на два дня мне все равно – сюда трудно звать Ог{арева}. Весь дом полон, шумно, обедов особо ни для кого не делают, даже Труб{ецкая} ходит за table d'hôte^{89*}, хотя видно, что ей это очень неприятно. Нельзя ли заехать в Ж{еневу}, когда мы отсюда поедem, это было бы всего лучше.

Ну, прощай, тысячу раз благодарю за Костомарова – это прелесть³. Даже с Лизой перечитывала некоторые места – вот как надо писать историю. – Если у тебя есть что-нибудь очень хорошее – пришли ради моих вечеров – у меня ничего нет. Говорить не с кем и не хочется. А пора ехать отсюда, хозяйка всячески старается – даже F{elden?} присылала спросить, когда я еду, и сказать, что уже много потеряла на моей комнате. Но я хладнокровно все приняла и очень любезно сказала, что если б мне говорено было о сроке или о перемене цены, я бы осталась в Fauscon. Все так, и все-таки противно жить, когда выживают.

¹ Одно письмо Нат.Ал. от воскресенья 19 августа (несохранившийся ответ на неизвестное письмо Герцена от 15 или 16 августа) было получено им 20 августа. Герцен ответил на него в тот же день, в 3 часа, в заключительной части своего написанного утром письма к Лизе и Нат. Ал. (XXVIII, 214–215, 247, где эта часть напечатана как отдельное письмо, с датой “(10 или 11 декабря)”). В публикуемом письме Нат.Ал. говорит о своем втором письме, написанном в тот же день 19 августа – вечером, по получении письма Герцена от 17 или 18 августа (оно неизвестно), в котором он предлагал ей провести зиму в Лугано или на озере Комо, устроить свидание Огарева с Лизой в Лозанне или приехать в Женеву на 2 дня. Это второе письмо не было послано.

² Письмо В.И. Бакста неизвестно.

^{89*} общий обеденный стол (*франц.*).

³ Герцен прислал Нат.Ал., вероятно, № 1–2 “Вестника Европы”, в которых была напечатана первая часть исследования Н.И. Костомарова “Смутное время Московского государства” – “Названный царь Димитрий”.

(Лозанна. 21 или 22 августа 1866 г.)¹

Благодарю тебя за книги, мне же нечего читать – я ими займусь. Здесь тоже все набито – т.е. в отеле. Жду письма от S{affi} с нетерпением, пора ехать отсюда. У Се-сили так усилилась болезнь, что она уже не может играть на фортепиано – Лиза начинает сильно замечать ее болезнь и даже стала передразнивать ее. Я и издали не вижу, зачем мне оставаться в Лозанне, для Лизы ничего, для меня тоже, твои приезды отнимают у тебя время, а Лизе не создадут home^{90*}.

Мы разное смотрим, я чувствую, что даль между нами растет, но я не борюсь против этого, даже и ропота нет, все, может, к лучшему. Я тебе тысячу раз говорила: я прожила почти 2 года au jour le jour – теперь я не могу более продолжать этой жизни, вот почему я не могу провести зиму здесь. Если внутренняя даль тебе так мало заметна, то уж материальная, географическая даль еще менее страшна; только жалю я, что я не довольно самостоятельна для одинокой жизни, которая мне досталась – я в постоянной внутренней тревоге и нерешительности, только даю тебе слово, что если Лиза погибнет по моей ошибке, как они, я не подвергну себя еще раз вечной пытке совести – будет, будет с меня.

Лут(инина) все нет² – и писем нет – это ужасно. Ог(арева) звать сюда нельзя, в Ж(енева) – дорого, стало придется ехать, не простясь с ним, или, если хочешь, придумаю свиданье где-нибудь под Ж(еневой) – мне все равно. – Я не знаю, будет ли Ж(енева) опять на моей дороге, ну, а если я останусь в Лут(ано) или в Комо?

Ну, прощай – реши насчет Ог(арева), потому что все-таки надо ехать на будущей неделе³.

Лиза получила письмо и змею.

Насчет С(аши) ты меня не удивляешь его молчанием – в битвах останавливаются, когда противник лежит тяжело раненный⁴.

¹ Ответ на письмо Герцена к Нат.Ал. и Лизе от 20 августа (XXVIII, 214–215, 247 – см. ЛЖГ IV, 291), которое он послал вместе с “змеиной шкуркой” – подарком Лизе от Ольги, привезенным Сашей в Женеву.

² В.Ф. Лугинин приехал в Лозанну в один из ближайших дней: Герцен, отправившись туда 25 августа, в тот же вечер виделся с ним (см. XXVIII, 216).

³ Огарев намеревался приехать к Нат.Ал. и Лизе вместе с Герценом (см. XXVIII, 215). Очевидно, в связи с нежеланием Нат.Ал. он отказался от поездки в Лозанну. Герцен находился там с 25 по 30 августа, а 31 Нат.Ал. и Лиза приехали в Женеву пароходом.

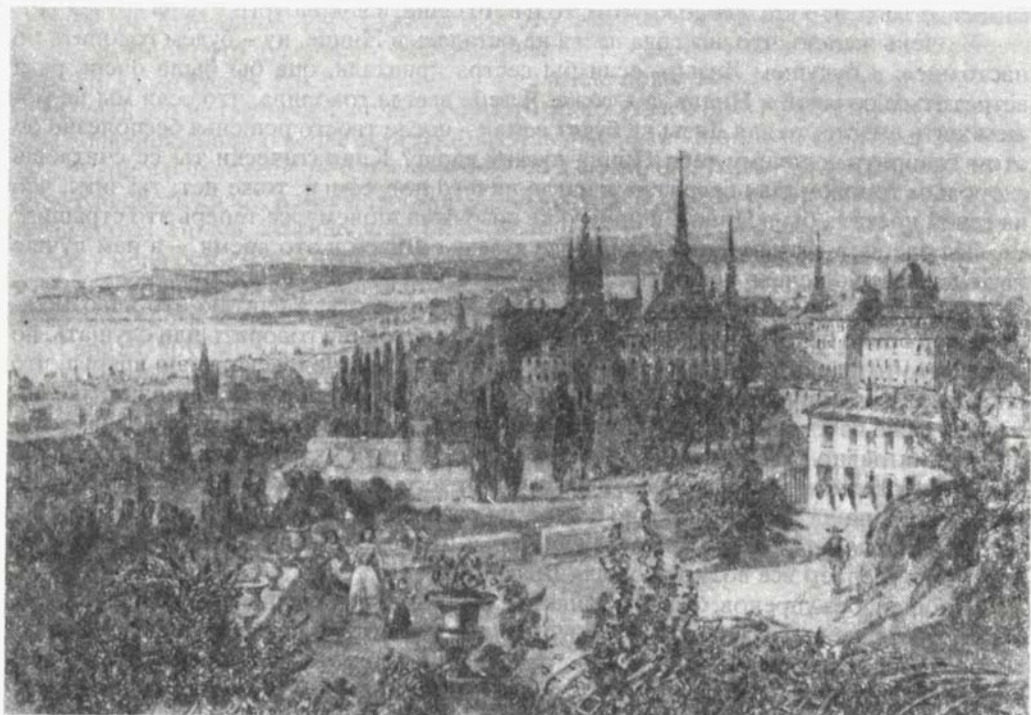
⁴ То, что Саша, приехавший в Женеву из Флоренции 19 или 20 августа, не приписал ни слова в письме Герцена к ней, Нат.Ал. сочла знаком враждебности. В действительности же Саша и Тата приехали 22 августа в Лозанну, чтобы увидеться с ней и Лизой.

(Женева. Между 6 и 20 сентября 1866 г.)¹

Я только сегодня прочла твою записку об Лизе, и мне хочется ответить на нее.

Не называя *изменой* то, что есть лучшего во мне; если б ты мог без моей помощи взрезать сердце мое, ты бы нашел, что я живу в вечной борьбе, в безвыходном горе, порой хочется прижаться к тебе, но я прижимаюсь без полной веры, иногда я за тебя ощущаю такую страшную боль, что мне хотелось бы все оставить, пройти через пропасти, чтоб видеть улыбку на твоём лице. Почему я не остаюсь в этом настроении? Потому что я вижу непреодолимые препятствия, потому что вижу привычку иронии и холода в тебе, потому что не вижу часто, что бы я могла сделать для

^{90*} отчего дома (англ.).

ЛОЗАННА

Гравюра

Из книги: Xavier de Marnier. Voyage en Suisse. Paris. 1862

тебя, потому что ты слишком отдан, занят многим, чтоб моя жертва принималась. Я слишком лично развилась, ты слишком безлично. Ты хочешь быть отцом, я это понимаю, и хотя не столько важно, ты ли будешь ее учить, но важна любовь отца, его участие в жизни. Но как это согласить с нашим отношением, найдем ли мы силу твердо и доблестно стоять друг возле друга, не оскорбляя друг друга и не возвращаясь на прошедшее?

Я сегодня принимаю обет не говорить ни об Огареве, ни об детях, довольно ли тебе молчания? Не будет ли и молчание грозный упрек?..

¹ Датируется условно, по содержанию и тону. Вероятно, написано по возвращении Нат.Ал. в Женеву (31 августа 1866 г. – см. XXVIII, 216, 217) и до отъезда Н.А. и А.А. Герценов во Флоренцию (23 сентября – XXVIII, 221). Нат. Ал. отвечает на “записку об Лизе”, возможно, связанную с днем ее рождения 4 сентября. Именно этой осенью усилилось предубеждение Нат.Ал. против Огарева.

40

(Женева. 7 октября 1866 г.)

№ 7. Quai du Mont Blanc. Воскресенье

Твое письмо¹ меня так поразило, что я не могла прийти в себя, я написала несколько ответов, потом бросила их. Отвечать нечего. Ты думаешь, что хорошо поступаешь, я не возражаю более, я в себе перенесла мучительную боль, теперь я покойна. Обдумывая наше тяжелое положение, зная, что нет холеры в Ницце, и помня, что Ницца все же моя цель, я решилась тебя просить ускорить мой отъезд² – средства для воспитания, образ жизни почти один и тот же, я не вижу, почему Лиза потеряет – я бы хотела пробыть там год, и если для Лизы нет ничего дурного, то и поселиться навсегда; в постоянной жизни будет много хорошего для Лизы, а что ка-

сается до того, что все чуждо кругом, то и в Лозанне, и в Фрибурге у меня друзей нет.

Я очень жалею, что два года назад не осталась в Ницце, ну – будем говорить об настоящем и будущем Лизы – если бы сестра приехала, она бы была очень рада встретиться со мной в Ницце, и я тоже. Я тебе всегда говорила, что если мы не можем жить вместе, то для Лизы не будет семьи – после твоего решения бесполезно об этом говорить – почему тебя Ницца пугает вдруг? Климатически ты ее считаешь здоровым городом, для воспитания нигде ничего нет, семьи тоже нет; ты знал, что я весной поехала бы в Ниццу, и ничего не возражал, почему же теперь это страшит?

Ты едешь в Италию³, все равно, где я буду с Лизой в это время, – а нам лучше быть на месте – нечего объяснять, почему мне дорого быть в Ницце.

Ты хотел, что я говорила с Ог(аревым) – признаюсь, я считаю это невозможным, не только потому, что почти не вижу его в состоянии говорить или слушать, но и потому, что я считаю его уже давно за пристрастного человека, знаю вперед, что он скажет, сама ничего не имею ему сказать, знаю, что он ни в чем не может мне помочь; я даже избегаю говорить с ним, потому что, когда падают жесткие слова между людьми, давно далекими, она падают глубже, и нечем их искупить с обеих сторон.

Мое положение безвыходное, и Ог(арев) ничего для меня не может, ты разрубил узел, теперь наши жизни свободно пойдут по разным дорогам; естественно, что я хочу быть ближе к тому, что мне осталось, т.е. к Лизе и к могилам. Я буду писать к сестре – мы сделаем все возможное для Лизы.

Прощай, без упреков, без возражений, я приняла твое решение и не нарушу его. Пожалуйста, не стесняйся, если удобнее, поместись в отеле по возвращенье – неделя скоро пройдет, я готова, мне теперь равнодушно сплетни, я не знаю, что лучше, сплетни об близости или сплетни об разрыве – выбирай – я буду молчать и на все всячины согласна. Отвечай, укладывать ли мне вещи. Мерчинские не имеют известий это, кажется, все вздор – те путешествуют; может, они здесь не останутся⁴. Говорят, будто в Лоз(анне) страшные нервные горячки – я не получила ответа от Nessler, которой послала 58.50 за уроки музыки⁵.

Если хочешь, я поеду в Morges через день или два после твоего приезда. Мне нужно для детей m-me Besson⁶.

¹ Ответ на письмо Герцена от 2 октября (см. XXVIII, 222–224), написанное перед поездкой в Невшатель и по Северной Швейцарии.

² Герцен с Нат.Ал. и Лизой выехали из Женевы в Ниццу через Канн 17 декабря 1866 г. (XXVIII, 249–251, 258).

³ Герцен поехал из Ниццы во Флоренцию навестить своих старших детей 13 января 1867 г. (XXIX, 15).

⁴ Герцен предлагал Нат.Ал. остаться в Женеве, если выяснится возможность пригласить учителем к Лизе польского эмигранта В. Мерчинского (дважды в письме Герцена обозначен инициалом М., неверно раскрытым как М(ейзенбуг). – XXVIII, 223). Но вопрос о том, проведет ли он зиму в Женеве, решался известиями от его родных.

⁵ 21 октября Герцен писал Тхоржевскому, очевидно, после встречи с преподавательницей музыки Несслер, что она “деньги получила и извиняется, что по небрежности еще не писала” (XXVIII, 232).

⁶ Ответ Герцена от 10 октября неизвестен.

Случайно я узнала, что Felden уехали из Лозанны; стало, одним препятствием меньше, – если ты хочешь, я могу вернуться в Лозанну, но об школах нечего и думать; насчет уроков музыки я не буду брать никакого учителя, скажу, что хочу подождать с год. Но где учителя – в чем польза? Наша жизнь не пойдет лучше, я не сблизюсь с тобой. – С каждым днем я более понимаю, как мало цены ты клал в наше отношение.

Насчет Ольги, я тебя не понимаю – если б она с нами жила, постоянные занятия в школе успокоили бы ее, моя помощь показала бы мою готовность и дружбу, но на короткое время, без занятий, я не жду пользы от свиданья, вдобавок в этом вечном

натяннутом положенье. Ты скажешь, все это мелочи, а я скажу, как в этой статье: пойдй разбери, что духовное и что материальное; я не понимаю близости с человеком, когда, отпуская его, не прощаюсь и не имею права встретить его, как другие, – встретить его человечески; полно говорить об искусах, будем говорить или о серьезном соединенье или о серьезном разводе. Напрасно ты иногда хочешь выдавать меня за черного человека, нет, я чувствую, что я могла бы, умела бы и горячо любить, и твердо нести крест, и молча, с тайным нетерпением ждать моей очереди и жить для оставшихся. Но для этого не надо более свободы в том отношении, в том чувстве, которое у меня осталось, – я чувствую, что могу быть хорошим человеком, я чувствую, что могу многое для тебя, и вместе с тем чувствую при теперешней обстановке всю невозможность; я хуже становлюсь, я хочу быть холодной, далекой, я очень несчастна, Герцен, друг мой, зачем мы встретились?

Неужели ты и один теперь не можешь придумать выхода – жизнь пройдет, время мало – она томит только меня, потому что я о многом невозможном жалею, но часто, думая о тебе, я говорю себе: жизнь пройдет, а он едва знает, как я его люблю. Ты говоришь: “Не скупись”. Нет, я не скуплюсь, но я боюсь прошедшего, и будущего, и настоящего. Храбрость, вера в жизнь утрачены навсегда; но храбрость быть твоей только тогда бы вернулась, когда бы я чувствовала, что твоя рука в моей и что никакая сила не выдернет ее, – был день, в который я думала так, я поняла тебя так, я соединяла мысль о тебе с самой дорогой болью в сердце.

Ну, прощай, не хочу больше писать.

Мерчинский был, но ничего еще не знает. Мне кажется, нечего ждать. Сегодня письмо от Елены² – она очень рекомендует его для Лизы – спрашивает, что я могу ему дать, он бы мог сверх того давать уроки, но для этого всего надо же быть на месте. Жду тебя³, чтоб решить, или надо Лизу отдать в пансион, или надо мне кого-нибудь на помощь⁴.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена из Базеля от 10 октября (см. о нем XXVIII, 226; ср. п. 45).

² Письмо Е.А. Сатиной неизвестно.

³ Герцен вернулся из путешествия по северной Швейцарии 26 или 27 октября.

⁴ Ответ Герцена от 15 октября неизвестен.

Я не писала потому, что нечего было писать. На днях приезжал молодой поляк (сосед наш в *hôtel Montreux*)², помнишь – он поправился, но совершенно потерял голос. Он меня глубоко тронул, был в Ницце, носил цветы детям и привез мне цветок оттуда – за что столько доброты?

Он едет в Италию, ужасно жалел, что не видел тебя, я дала ему записку к Саше³, потому что он будет дней 10 во Флоренции.

Насчет городов не знаю, буду стараться не думать до твоего приезда – мне ничего не хочется.

Ну, прощай, – скажи, если нужно будет 500 ф(ранков) послать на дорогу англичанке к Елене – можешь ли ты мне дать? Я писала, чтобы Сатин выслал лишние 500 ф(ранков) с будущими деньгами – он обещал прислать очень скоро – но если это тебе стесняет слишком, я напишу, чтоб они устроились в Москве.

Нового ничего – завтра затмение, собираемся смотреть. Лиза весела, очень довольна опытами Стеллы⁴ и знакомством маленькой американки. Вчера мы сделали огромную прогулку и совершенно нечаянно были у впадения Арвы и Роны, и не знаю, где были. Я страшно устала, а Лиза ничуть.

От космопоэтов⁵ новая брошюра⁶.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена из Фрибурга от 15 октября.

² Лицо неустановленное. Герцен и Нат. Ал. могли с ним познакомиться в *Hôtel Montreux* в Веве между 17 и 19 сентября 1865 г.

³ “Записка” неизвестна, как и письмо к Сатиным, о котором речь ниже.

⁴ Осенью 1866 г. в Женеве И.Ф. Савицкий (Стелла) преподавал Лизе естествоведение, географию и историю. Ср. п. 49.

⁵ В начале или середине июня в Швейцарии была напечатана прокламация от имени Лондонского комитета некоего Космополэтического общества стражей истинных познаний – с требованием к Герцену отречься как от “вредной ошибки” от статьи “Иркутск и Петербург” (“Колокол”, л. 219 от 1 мая 1866 г.), порицающей “величайший из подвигов” – покушение Д.В. Каракозова на цареубийство. Прокламация вышла, по-видимому, из мистически настроенных кругов польской эмиграции (см. “Лит. наследство”, т. 41–42, с. 26): Уже к 20–21 июня Герцену стало известно о публикации, но он решил не отвечать: “На первую минуту это сердит, но потом смешно” (XXVIII, 199). Вторая прокламация, напечатанная также на французском языке в конце августа или в начале октября, без указания места (очевидно, в Швейцарии) исходила якобы от Московского комитета этого общества и повторяла бредовые обвинения против Герцена в связи с оценкой Каракозова как “сумасшедшего, фанатика”. Текст обеих прокламаций см.: Л XVIII, 383–384, 385–386.

⁶ Ответ Герцена от 19 октября неизвестен.

43

(Женева. 19 октября 1866 г.)

Вот тебе ответ, и *письмо прилагаю*¹. Несмотря на удобства Лозанны, признаюсь, постоянное жительство на одном месте очень важно, особенно если оно возможно в Ницце. Я по всему вижу, что мы никогда не будем вместе жить, – ты считаешь все это внешним и неважным, а я думаю иначе. Стало, я за Ниццу. Я не думаю, чтоб императрица мешала². В Ницце предлагают *пансион*, т.е. школу, – это было бы очень хорошо, а если не удастся, то надо бы завести школу для бедных детей, твое предложение мне не по душе, что это за вечное скитанье.

Об молодой девушке я ничего не могу сказать, для Лизы одной невозможно иметь гувернанту, а если бы я взяла этот пансион, то мне нужны были бы помощницы – не знаешь ли ты адрес Владимировой³ – если дело пойдет на лад, я бы ей предложила давать уроки музыки, франц(узского), русск(ого) и англ(ийского) языка. Та-та говорила, что она желает начать какое-нибудь дело, брат ее разорил. Я написала в Ниццу – хорошо бы быть там, чтоб самим видеть. Это для Лизы было бы счастье, а для меня дело. Я не могу более без дела жить.

Ну, прощай, Лиза идет писать, у нее отвращение к письмам – это не нелюбовь⁴.

Нового ничего – мы меньше видели людей, чем ты, а того, который дал 1200, и я хотела видеть своими глазами⁵.

Я писала к тебе в среду. поутру до кофея, не знаю, отчего так долго ходят письма.

Ты видишь по этому письму, что я покойнее – смиряюсь: малого хочу, работы, но это условие для существования.

Через 2 недели я буду готова, меня задерживают только Josephine u Rosalie, грех их бросить.

Прощай, ты тоже очень покоен, я рада твоему письму, оно многое уясняет.

Ели увидишь Беллу с Nelly, скажи им, что я им очень кланяюсь, очень их люблю (Белла – нянюшка). Кажется, Ог(арев) стал меньше пить – Тхор(жевский) ничего не знал о припадке⁶.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена от 18 октября из Лозанны. Послан вместе с каким-то полученным для него в Женеве письмом.

² Т.е. присутствие в Ницце императрицы Марии Александровны, жены Александра II.

³ С Екатериной Владимировой, приехавшей из России с братом и семьей сестры – Устиновыми, Та-та Герцен познакомилась и подружилась во Флоренции в начале 1864 г. Встречи и переписка продолжались и в последующие годы.

⁴ Письмо Лизы к Герцену от 19 октября, посланное вместе с наст. письмом, неизвестно. Герцен ответил 21 октября (см. XXVIII, 230).

⁵ Очевидно, Герцен 18 октября писал о своем желании увидеть русского, “который прислал в фонд 1200 фр. и обещался присылать ежегодно по 1000” (лицо неустановленное; см. письмо Герцена к сыну от 19 октября – XXVIII, 228).

⁶ Ответ Герцена от 21 октября неизвестен.

(Женева. 21 октября 1866 г.). Воскресенье¹

Насчет Лозанны ты говоришь только о квартире. Климат тот же, что здесь, Ог(арев) все равно не будет навещать Лизу, ты будешь в Италии – я буду без дела, в ожидании, что зима пройдет, – а там будет лето, летом как же ехать в Ниццу?

Мне хочется в Ниццу по многому: чтоб устроиться – взять этот пансион или завести школу для бедных детей. Ты не говоришь ни слова о пансионе, за дом плотится 2000 фр. в год – дамам, т.е. прежним собственницам, надо заплатить 4000 фр., и 4000 они рассрочат – мебель платится этими же деньгами и становится моей собственностью. В доме 20 воспитанниц по 800 фр. в год – 20 приходящих по 25 фр. в месяц – что ты думаешь, если б ехать теперь можно бы лучше увидеть, возможно ли это – а нет, то я бы тотчас завела приют для детей. Как это устроить, можно видеть только на месте.

Жаль, что ты так занят, я иногда думаю, как бы нужно о многом говорить. Мне сдается, что все личное кончилось для меня (в) 1864 году, и это великая ошибка с моей стороны, это желанье возвратиться на твои решения. Я буду смотреть за собой – я тебе причиняю боль, без всякого результата, прости меня, и оставим это навсегда.

Как Jos(éphine) и Ros(alie)² будут помещены, я буду готова – мне сдается, что мы уже не встретимся больше все вместе, т.е. Ог(арев), ты и я, – оставим все личное, которое ничего, кроме боли, не дало, и будем тихо рассуждать об моем будущем деле, об моем откровенном выходе, из личной жизни и позднем входе в общественную жизнь – поздно, а все-таки не хочется умереть, не сделавши чего-нибудь для бедных детей.

Прощай, дай руку дружески, умоляю тебя – забудь мои письма и не возвращайся на невозможное.

Лиза и Тхоржевский очень весело играют в воланы. Я надеюсь быть готовой ближе двух недель.

Мерчин(ского) родственники совсем не будут в Ж(еневе). Он поехал к ним в Цюрих, где они проведут зиму.³

Кажется, мне удастся поместить в ученье и старшую дочь m-me Besson, но платить будут другие дамы.

“Avenir”, вероятно, Лиза послала – справься. Долг(орук) послал тебе “Голос” с последн(ими) пригов(орами) – говорят, все уменьшено⁴. Я не видала. Заметил ты, как злится Катков, что Худякова не повесят, – а в начале статьи говорит комически: “Самые виновные удерживали Карак(озова) от его намеренья”⁵.

Уроками Стел(лы) я не очень довольна – Лиза мала для него. Он заставляет ее зубрить геогр(афические) имена, тогда как я говорила ему, что рассказывать ей об народах и странах я считала бы гораздо полезнее – но не стоит много хлопотать – скоро все кончится.

Процесс вы проиграли – адвокат даже не дал знать, когда дело слушалось. Патек и Стелла знали – Стелла какую-то странную роль играет, не очень откровенную⁶. Насчет В.И⁷. я думаю, что ты и прав, и нет, талант большой, вызванный родом жизни, а посади его сюда, ничего не будет делать, только говорить и скучать⁸.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена от 19 октября

² Дочери цветочницы Бессон, Нат. Ал. и Тхоржевский были озабочены устройством их “в ученье” – “в маленькое заведение близ Морж” (Тучкова-Огарева, 342).

³ С приездом родственников В. Мерчинского в Женеву связывалась возможность привлечь его к воспитанию Лизы.

⁴ В № 266 “Голоса” от 8 октября / 26 сентября напечатан приговор Верховного уголовного суда, вынесенный 24 сентября ст.ст. по делу 34-х “соучастников” Д.В. Каракозова. 16 / 4 октября Александр II смягчил приговор, заменив Н.А. Ишутину смертную казнь бессрочной каторгой и уменьшив сроки каторги другим осужденным (“высочайшее повеление” напечатано в “Голосе”, № 272 от 17/5 октября). Герцен уже 18 октября узнал об изменении приговора царем (см. XXVIII, 227, 228). Очевидно, в письме к Нат. Ал. от 19 октября он просил о присылке газеты с полным текстом подтверждения царя, чтобы внести в корректуру изменения в свою статью “Приговор Верховного уголовного суда” (см. XIX, 145–148, XXVIII, 231).

⁵ В передовой статье “Московских ведомостей”, № 202 от 10 октября / 28 сентября Катков выражал недовольство слишком мягким, по его мнению, приговором верховного уголовного суда И.А. Худякову.

Отповедь Герцена Каткову – статья “Заговора не было!” для л. 229 “Колокола” от 1 ноября (XIX, 144) – написана в эти же дни, 21 или 22 октября (см. XXVIII, 231).

⁶ О каком процессе идет речь и кого Нат. Ал. называет “Патек”, установить не удалось (возможно, – процесс был связан с клеветническими прокламациями “Космопоэтического общества” против Герцена).

⁷ В.И. Бакст.

⁸ Ответ Герцена от 22 октября неизвестен. В этом “серьезном письме – печальном, не злом” он вновь писал о преимуществах Лозанны, где Лиза была бы под его надзором, звал в Лозанну “дни на три для в самом деле окончательного решения” (XXVIII, 231).

45

(Женева. 23 октября 1866 г.)

Если б я себя слушала, я бы, ничего не обдумывая, бросилась бы на твой зов¹ – но я останавливаюсь и думаю, лучше ли это для тебя? Что я тебе принесу? Ту беспредельную, страстную любовь, которую ты знаешь, которой тебе мало. Вспомни, почему я стала далее, мое тягостное безвыходное положение, которое мне мешает быть тем, чем я хочу и могу быть для тебя, что же переменится? В чем может быть наше объяснение? Эта невозможность учредить прочную общую жизнь с тобой и Лизой, она меня торопит в Ниццу, куда меня зовут давно другие чувства.

Если б ты знал, как мне больно и тяжело и страшно решать: поеду так хоть ненадолго увижу на твоём лице покой и свет – не поеду – может, ты дурно поймешь меня – я боюсь ответственности, о которой ты говоришь, я понимаю всю ее важность и чувствую наше бессилие, чтоб сладить с жизнью (!) – наша близость может поднять трудные вопросы. Ты жалеешь и почти упрекаешь меня в том, что я долго ошибалась, а я эту развязку считаю лучшей: где же та жизнь, на которую мы могли бы опереться, смело, твердо глядя друг другу в глаза? Нет, друг мой, я не требовала от тебя легкого сближения, я хотела, чтоб ты решил: можем ли мы человечески жить вместе? Или обстоятельства сильнее нас и мы им принесем в жертву и свою близость, и отчасти Лизу, потому что ребенок в той обстановке, в которой будет расти Лиза – со мной одной, не может быть счастлив вполне.

Другие отношения не мешают – я всегда буду дружески встречаться с твоими детьми, когда мое отношение к тебе будет яснее для меня самой, жить вместе они не хотят, да это и не нужно. Об Ог(ареве) тоже я не буду говорить жестко, считать его пристрастным к твоим детям, но есть очень тяжелое обвинение – много раз он неосторожно, жестоко дотронулся до живых ран. Когда я это забуду, я прощу ему, а теперь говорить с ним мне невозможно. Какие же другие недоразумения между нами? Я не знаю никаких.

Не сердись на меня, если б ты знал, как мне трудно оставаться здесь после твоего письма, как бы хотелось отвернуться от всех дум и крепко прижаться к тебе, и знать, и верить, что я тебе тоже дорога – эта вера слаба во мне, я тебе каюсь – и тут я опять стою в раздумье: как же протяну тебе руку, когда не вполне верю, что ты меня так серьезно любишь, как мне это нужно, чтоб дышать свободно – но это ты должен знать – обдумай спокойно, нечего ждать Елены, я не знаю, может ли она приехать, – верь мне, в этом вопросе никто: только ты да я. Если ты решишь, что лучше нам расстаться (как мне казалось, что ты решил в одном письме), я принимаю, и более говорить не будем ни о чем, кроме об Лизе. А если ты видишь ясно, что можно сладить, – то я приеду с той полной любовью, которой переполнена теперь.

Ты странно говоришь об Ницце, ты ничего против не имеешь, потому что будешь там, когда умрешь – будешь ли там, пока жив? Я только чувствую для Лизы необходимость своего угла. Это не значит, что ты не должен разъезжать. Я тоже страшно устала от этих вечных переселений.

Ну, прощай, прочти спокойно мое письмо – я бы хотела, чтоб мы могли мирно в кроткой и печальной близости дожить наш век, но если это невозможно, у меня найдется твердость – хуже всего эта неизвестность и ожидание без всякого повода к ожиданию. Крепко жму твою руку. Лиза очень занята новой дружбой с американцами².

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена от 22 октября, в котором он звал Нат. Ал. в Лозанну.

² Ответ Герцена от 24 октября неизвестен.

НИЦЦА

Рисунок Н.А. Герцен (матери) (карандаш). Ницца, 1850–1851
Музей Герцена, Москва

46

⟨Женева. 25 октября 1866 г.⟩¹

Мне трудно к тебе писать – ты все бередишь старое – зачем? Я от души к тебе бросилась, но твой ответ сжал мне сердце, теперь и я не надеюсь и не верю в сближение наше – оставим это, друг мой – вероятно, я не заслужила даже того печального счастья, отдыха на твоей груди. Я не могу приехать, потому что смотрю безнадежно и даже по возможности отворачиваюсь от своих дум.

Будем говорить об Лизе – поедem в Ниццу через Colmar, если можно Лизу уговорить остаться там, я была бы очень рада, потому что боюсь, что не слажу, – во всяком случае, это было бы очень полезно для меня. Может, ты прав с пансионом, а может, и нет. Увидим в Ницце. Во всяком случае, в Ж(еневе) я ничего не могла пробовать – а в Ницце могу, потому что дух мой будет покоен, я никуда не буду стремиться, лишь бы жар не был вреден Лизе – во всяком случае, ты поможешь найти дом и устроиться, это последняя моя просьба к тебе.

Позволь не отвечать на многое, я боюсь говорить, не желаю причинять тебе боль, а часто делаешь столько дурного бессознательно.

Мне кажется, что в Ницце, наконец, я отдохну – кто-нибудь придет мне на помощь.

Елена еще не отвечала на мое серьезное письмо², но это все равно, что она может сказать? Тут надо склонить голову, забыть об себе и делать все возможное для других. Прощай.

Нам несут обед из трактира. Мы решились обойтись без кухарки: хорошей не найдешь на короткое время – может, и в самом деле тебе бы лучше остановиться в трактире, потому что ты прихотливее нас, и вот будет для знакомых достаточная

причина – впрочем, я скоро поеду в Morges с детьми Бессон, так что ты можешь устроиться удобнее³.

¹ Нат. Ал. отвечает на неизвестное письмо Герцена от 24 октября.

² Это письмо неизвестно. Очевидно, Нат. Ал. вновь звала Е.А. Сатину к себе, чтобы посоветоваться о будущем устройстве жизни.

³ Герцен вернулся в Женеву 26 или 27 октября.

47

1 fév(rier) 1867. 87. Promenade des Anglais, Nice.
Alpes Maritimes

Мой страх оправдался – Лиза нездорова¹. Ужасное ее сходство с Татой делает, что она скрывает, когда больна, к счастью, я догадалась и дала ей рвотного, на другой день отправилась к доктору с ней – во-первых, у нее лихорадка, железы страшно распухли, и как ты над этим ни смеялся в Лозанне, а надо их прижигать, если они не пройдут, надо их вырезать. Я не могу об этом и думать, Лиза не вынесет операции, хотя она и не опасна. А между тем так их оставить нельзя, они ее задуют.

Сверх того, он говорит, что у нее горло воспалено и что если не взять всех мер, на днях образуется ангина. Я перевела Лизу в большую комнату, ей не велено ни говорить, ни читать; поутру она мне сказала: “зачем дяди нет? Он бы меня так баловал”.

Она очень полюбила географию, и ей очень хотелось иметь маленький глобус, но в Ницце нет!!!

Ты, верно, знаешь, что я переживаю, делая опять над Лизой те же ванны и лекарства. Доктор меня уверял, смеясь, что он слышал о крупе и пр., но что у него таких больных не было, но мне кажется, что я его поразила мучительным ожиданием его приговора. Зачем это люди искали ад на том свете, он на земле.

В субботу доктор будет, напишу, что он скажет.

Вдобавок завтра неделя, что Clémentine ушла потихоньку, мы было взяли другую девочку, но она ушла в тот же день, ей сделалось плохо, мне кажется, что она в чахотке, m-me R(осса)² обещала, я писала к ней два раза, садовница помогает, но все тяжело мне, и некого послать, когда нужно, а я боюсь оставлять Лизу. Ходить за больными Елиз(авета)³ не привыкла.

Прощай⁴.

¹ Отправляясь 13 января из Ниццы во Флоренцию для встречи со старшими детьми, Герцен просил Нат. Ал. регулярно сообщать о здоровье Лизы и занятиях ее в пансионе. В письме от 30 января она высказала опасения в связи с начавшимися в Ницце эпидемиями крупы и дифтерии (см. АО, 44–45).

² Вдова П. Рокка служившего поваром в доме Герцена в Ницце в 1851–1852 гг.

³ Горничная, приехавшая в Ниццу с Тучковой-Огаревой и Лизой.

⁴ Герцен, отвечая на наст. письмо 4 февраля (ответ неизвестен), просил “тотчас телеграфировать” при ухудшении состояния Лизы и, возможно, передал медицинские советы М. Шиффа (см. ХХІХ, 27–29, 775 – № 8).

48

(Nice.) 2 février (1867) 87. Promenade des Anglais

Лизе лучше – доктор был – велел продолжать только прижиганье и иодий, чтоб победить опухоль желез. Я, Герцен, я сама должна два раза в день кисточкой дотрагиваться Лизиною горла, ты понимаешь, что со мной бывает в эти минуты. Авось и это все вынесется как-нибудь.

Лиза опять вернулась к чтению – доктор советывает (!) гимнастику, для здоровья и как отвлечение от занятий – попробую, если погода установится, затем он советывает морские ванны – но еще рано. Он очень благоразумный человек.

Мы все одни, m-me Росса написала мне, что никого не может рекомендовать, де-

вочки приходят на несколько часов и уходят. Здесь всё в каком-то первобытном состоянии. Г(олынский) уехал¹.

Ну, прощай, не беспокойся насчет Лизы, авось все пройдет, — меня беспокоит, что она все забьет, ни минуты не может быть без огня.

Кажется, я не сделаю более неосторожности, но все я боюсь себя. Прощай, друг мой — Лиза уже спит.

Получила два письма разом — но не понимаю упреков — пишу каждую неделю, даже чаще². Лиза напишет в будущий раз³.

¹ О визите А.В. Гольнского, польского журналиста, с 1846 г. эмигранта, старого парижского знакомого Герцена. Нат. Ал. писала ему 30 января, уведомляя, что он отправляется в Италию (АО, 44).

² Речь идет о неизвестных письмах Герцена, написанных около 29 января и 31 января. В первом из них, очевидно, содержались упреки в нерегулярности ее писем (ср. XXIX, 24); во втором сообщалось, что ее письмо от 25 января (АО, 43) "пришло неделю спустя" из-за "дурно написанного" адреса (см. XXIX, 29, 32; п. 55).

³ Ответ Герцена от 6 февраля (XXIX, 28–29).

49

(Ницца. 3 февраля 1867 г.)
Воскресенье. 2 часа пополудни.

Вчера Лизе было лучше, сегодня хуже — я послала за доктором, но он, мне кажется, что он не понимает, в чем дело, — у нее или воспаление, или лихорадка, или корь, сегодня целый день жар и тоска — я насилу ноги двигаю от беспокойства¹.

Прощай.

Завтра напишу.

¹ О впечатлении, которое произвело на Герцена наст. письмо, см. в его письме к Нат. Ал. от 9 февраля (XXIX, 30).

50

(Ницца. 4 февраля 1867 г.)¹

Посылаю тебе письмо Лизы² — вчера было три недели, что ты нас оставил, а ты получил писем шесть — где же моя вина? Адрес я пишу хорошо. Italie. Florence, 41, Via S-ta Мопаса. — За почту я не могу отвечать.

Из Р(оссии) было письмо, которое меня огорчило, хотя все были здоровы³...

Наконец, мы, кажется, покойны, m-me Росса рекомендовала очень добродушную девочку; нам может служить только утешением, что все также страдают. Елизавета(авета) падала духом, теперь все прошло.

Я не понимаю, что ты говоришь о моем характере, насколько можно, я стараюсь быть более добрее, и, право, чужие, окружающие считают меня за добрую женщину, что же я могу еще сделать? Жить вместе — я более об этом не думаю, не потому, что боюсь не ужиться, а потому, что знаю, как меня не любят и как я буду лишняя между ними. Недавно ты писал, что не мог бы жить там долго, что все шумно и молодо⁴, а что же я? — Вообще я не могу понять, как бы я могла сделаться опять членом семьи. Ог(арев) живет особо, что же я? Мы чужие. — Может, я чего-нибудь не понимаю, но уж я замков не строю — мне хотелось встречаться без вражды, ты видишь, как это удалось с Сашей⁵.

Нет, я не в воинственном расположении, я в ожидание твоих окончательных решений. Я свидетельствую, только, что Лизе жизнь со мной вдвоем слишком мрачна, ты скажешь, что много детей так растут или еще хуже. — Да, конечно, — те, которые не знали другой жизни, могут быть счастливы, ну а те, которые круто перешли в нее, они страдают, вовсе не понимая, откуда идет страдание — на них оно отзовется. Я вижу это на Лизе, а помочь не могу. Я должна tanin кисточкой 2 раза в день прижигать железы Лизе — и она принимает иодий сироп — что ты думаешь?⁶

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена от 31 января.

² Это письмо неизвестно.

³ Это письмо (очевидно, от Е.А. Сатиной) неизвестно.

⁴ См. не дошедшее до нас письмо, написанное около 22 января (ответ Нат. Ал. от 25 января – АО, 43).

⁵ В конце августа – сентябре 1866 г. А.А. Герцен часто встречался с Нат. Ал. в Лозанне и Женеве, но это привело лишь к дальнейшему обострению их отношений. Из Ниццы Нат. Ал. по инициативе Герцена около 25 декабря 1866 г. послала его сыну примирительную записку (см. XXIX, 30, 42).

⁶ Ответ Герцена от 9 февраля 1867 г. (XXIX, 30–32).

51

(Ницца.) 8 février 1867) Пятница вечер.

Вчера я уже думала, что Лиза выздоровела – сегодня она встала ничего, но вскоре начала жаловаться, что колет грудь; я думала, что она оцарапалась, но так как вид ее становился все лихорадочнее, я пошла с ней к доктору – он сам нездоров, однако он принял нас, велел поставить на ночь горчичник на спину; говорит, что это простуда; если не поможет, завтра опять ипекакуану.

Опять смотрел горло, говорит, что оно покрыто белыми прыщиками и что долго надо употреблять йод и кисточку с *tapin*. Летом советует уехать на серные ванны или, лучше, серные полоскания для горла – но лето еще далеко, когда-то доживем до него – я живу в сильной тревоге – чую что-то недоброе. Когда я вижу, как Лиза вялая, печальна, расслаблена, я чувствую такой ужас, что передать не могу, – как вернулись от доктора, она легла одетая и спит. Я иду ей читать, лишь бы голос не выдал меня.

Я, Герцен, пишу тебе так, я не зову тебя – кто знает, сколько болезней ожидает Лизу, я должна покоряться – я знаю, что ты скажешь, что есть много людей несчастнее меня; вероятно, есть, всякому своя ноша кажется тяжелее, одна надежда, которая не обманет, это та, что эта жизнь имеет же конец. – Прощай.

Все это время я переводила, но с Лизи(ной) болезни невозможно – неудачно выдумана жизнь, право. Пишу с вечера к доктору, чтоб завтра заехал, горчичник мало помог, ей очень трудно дышать.

Я чувствую ужасную трусость за ответственность.

Бедная Лиза, неужели и ее...

Суббота¹.

Лиза спала довольно хорошо.

¹ Получив это письмо 12 или 13 февраля (см. XXIX, 33), Герцен сразу же ответил, прося телеграфировать в случае ухудшения самочувствия Лизы. Это письмо неизвестно.

52

14 (февраля 1867 г.)
87, Promenade des Anglais.
Pavillon Nice. Alpes Maritimes

Лизе лучше – доктор надеется, что теперь наступает выздоровление – она встала, но из комнаты не выходит – хотелось бы ей писать к вам, но доктор запрещает. Она скучает, погода ужасная.

Прощай, будь здоров.

Более писать не могу, Лиза не дает.

53

(Ницца. Около 19 февраля 1867 г.)¹

Не знаю, что тебе сказать, погода все ужасная, три дня дождь ливнем лил, Лиза не выходит из комнаты, я все средства употребляю, чтоб ее занимать. Прошедшую

ночь я так устала, что перемешала письма, Ог(ареву) послала начатое к тебе, – пожалуйста, пошли ему эту записку² и объясни мою ошибку.

Насчет твоего приезда я не буду более говорить, делай, как хочешь – в твоём желании решиться на что-нибудь я вижу недостаток любви; я убедилась здесь, что Лизе вредно так одиноко жить со мной, что даже мой страх за ее здоровье может наделать много бед, вот почему я прошу тебя не думать более обо мне, а предлагать мне что хочешь для нее одной – я десять лет порчу твою жизнь, теперь не хочу портить еще Лизину с рассвета – предлагай, что думаешь, и будем совещаться, а обо мне не заботься – я крепка все-таки, мне ничего не надо, на моей совести так много, что, когда я буду знать, что ты можешь Лизу видеть, когда хочешь, и что она весела и счастлива, мне будет лучше, где б я ни была.

Ты видишь, мои требования невелики: личных нет, все для Лизы – я не настолько имею эгоизма, чтоб заесть ее жизнь – помоги мне ее устроить, отвечай мне – если ты принимаешь, мы можем видаться и дружески работать. Я так устала морально, что ничего не хочу, мне кажется даже, что нет более любви ни к чему, а только жалость, раскаяние, что, не имея семьи, у меня были дети. – Мне ужасно тяжело – эту тяжесть снимет смерть.

Прощай – думай об Лизе, ее надо спасти, она погибнет со мной, ей мрачно – это не детская жизнь, пощади хоть ее³.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена от 15 или 16 февраля, в котором он в третий раз осведомлялся, необходим ли немедленный приезд в Ниццу его самого или Н.А. Герцен (см. XXIX, 37).

² Письма Нат. Ал. к Герцену и Огареву, писавшиеся около 18 февраля, остаются неизвестными.

³ Ответ Герцена от 21 или 22 февраля неизвестен.

Лиза здоровее, но она меня беспокоит своим серьезным и печальным видом – она скучает. М-те Воне (единственная моя знакомая в Ницце) то же замечает, надо решиться, Герцен; если я единственная причина тому, что Лиза не может жить с тобой, возьми ее и найди кого-нибудь, чтоб меня заменить – я с радостью сделаю эту жертву, если услышу, что и тебе, и Лизе лучше, я не умру, не беспокойся, мое место здесь – я, право, думаю, что мне наказание в том и состоит, чтоб не умирать, а если такое счастье и случится, наконец, неужели ты настолько жесток, что будешь жалеть об нем?

Елена еще писала, очень уговаривает меня вернуться в Р(оссию)². Мне кажется, она слишком мало думает об трудностях окрестить Лизу; о том, что, может, ее по приезду возьмут в казенное заведение; наконец, о том, что Лиза никогда не увидит ни тебя, ни Ог(арева).

Она пишет, что Сер(гей) Ив(анович) умер³. Последние слова его были: “Огарев, Ог(арев)”.

Сестра тоже огорчена этой смертью. Она говорит, что он остался нам верен и заступался за меня, когда слухи достигли Москвы.

Я не имею храбрости писать об этом Ог(ареву) – напиши ему или, лучше, скажи при свиданье.

С(атин) в Москве, стало Т⁴. его увидит. – Бедная Тат(ьяна) Алек(сеевна), чем и где она будет жить?⁵

Насчет Таты что сказать, ей здесь было бы скучно, а Лизе было бы вдвое после ее отъезда⁶. Я жду, чтоб ты вернулся во Флоренцию, чтоб письмо мое не разъехалось с тобой.

Сегодня Лиза повеселее – m-те Воне ходила с ней делать разные покупки, она говорит, что хочет (быть) красивой к твоему приезду. Погода все меняется, почти каждый день дождь – о школе нечего и думать, и так все хворают в Ницце.

Напрасно я ждала письма от тебя, чтоб знать, куда писать, мне не хотелось, чтоб письмо лежало без (тебя) во Флор(енции).

Школа невозможна по многому, расскажу при свиданье. Я довольна твоим письмом *сегодняшним*⁷, я надеюсь, что мы устроим что-нибудь для Лизы. – Прощай, жду тебя.

Когда будешь разговаривать с Шиф(фом), расспроси его об пище, что он считает, лучше кофей с молоком, шоколад, чай, сырое или кипяченое молоко. Наш доктор плоховат, вялый, нерешительный.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена из Венеции, написанное между 18 и 20 февраля и отправленное вместе с письмом к Лизе (см. XXIX, 39).

² 5 февраля / 24 января Е.А. Сатина писала Нат. Ал.: “Я столько тебя звала, столько тебя умоляла воротиться, что теперь прихожу в изнеможение... Я вижу тебя в пропасти, подаю тебе руку, а ты ее отталкиваешь и хватаешься за соломку, подаваемую противной стороной (...). Вспомни наше детство, вспомни нашу юность, вспомни и воротись ко мне. Моя нежность, моя любовь заменят тебе многое” (автограф РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, ед.хр. 259, л. 17–18).

³ С.И. Астраков умер 5 января / 24 декабря 1866 г. от “воспаления легких и соединившейся с этим чахотки” (там же, л. 18об.).

⁴ Вероятно, П.П. Трубецкой. Об отъезде его из Лозанны в Италию Герцен писал сыну 26 августа 1866 г. Очевидно, Трубецкому было дано какое-то поручение к Сатиным (ср. XXIX, 55).

⁵ Т.А. Астракова жила в одном доме с братом своего мужа Сергеем Ивановичем. Дом этот позднее был передан ей во владение остальными братьями. См. выше публикацию И.А. Желваковой.

⁶ Предложение Н.А. Герцен находилось, по-видимому, в неизвестном письме Герцена от 15 или 16 февраля (ср. XXIX, 37, 39).

⁷ Письмо Герцена из Венеции от 21 или 22 февраля, на которое отвечает далее (очевидно, на следующий день – 25 февраля), неизвестно. Он вернулся во Флоренцию 28 февраля. Ответ его от 28 февраля или 1 марта также неизвестен (см. о нем АО, 46–47).

55

(Ницца.) 1 или 2(марта 1867 г.)¹

Извини, что ошибкой написала на простой бумаге. Прощай, кланяюсь всем.

Лиза спит, она не кончила письмо к Ольге, она была в восторге от Ольгиного письма, ужасно рада, что Ольга так слушается ее. Все это время Лиза много говорила забавных вещей, но я почти всегда тотчас их забываю; сегодня поутру она долго мылась и говорит: “J’ai la *noireté* de peau d’Olga, la couleur de chevelure de Tata, le long boucle d’Alexandre, l’envie de commander et de faire de petites taquineries de^{91*} дядя”. Ольга она написала, что здесь очень весело, потому что ей хочется, чтоб Ольга приехала с Татой: “Ah! Si je les tiens ici, je n’aurai plus besoin d’enfant pour jouer”^{92*}.

Цвет лица ее начинает поправляться – все говорят, что она выросла, и на улице она слышит иногда большие комплименты.

У меня хватило бы денег до конца марта, но доктор, лекарства и Лизин туалет мешают. Если ты не скоро приедешь, напиши, что мне делать. Я неохотно пойду с веселом к Авиг(дору). Я знаю, что он напутает.

Пожалуйста, расспроси Шиффа, нет ли другого средства для Лизиного горла – железы очень велики, ей трудно глотать, а иодий и *tapin* с кисточкой она с ужасом и со слезами делает, во время ее болезни мы должны были приостановиться – а доктор говорит, что надо делать это, по крайней мере, месяц или более, потом он будет прижигать *nitrate d’argent*^{93*} несколько раз. Это лечение поддерживает меня в лихорадочном состоянии.

Спроси, что ей есть поутру, доктор против *café au lait*^{94*}, а яйца, чай ей наскучили, шоколад она пьет вечером.

Не ездь морем, оно очень бурно, опять целую ночь дождь лил, буря страшная². Отвечай об Лиз(иним) здоровье³.

^{91*} У меня смуглая кожа, как у Ольги, цвет волос Таты, длинные кудри Александра, склонность командовать и слегка поддразнивать, как у (франц.).

^{92*} “Ах, если я их здесь удержу, мне не понадобится больше ровесник для игр” (франц.).

^{93*} ляписом (франц.).

^{94*} кофе с молоком (франц.).

ОЛЬГА ГЕРЦЕН

Фотография Альнари. Флоренция, 1869. На обороте дарственная надпись: "A Mademoiselle Lise. Hommage de l'original O. Herzen 29.4.(18)69. Florence. Merci pour ta chère petite lettre!" ("Мадемуазель Лизе. Привет от оригинала О. Герцен 29.4.(18)69. Флоренция. Спасибо за твое милое письмо!")

Исторический музей, Москва

¹ Начальные строки автографа (верхний край его поврежден) свидетельствуют, что это второй лист письма, начатого накануне. Первый лист, по-видимому, не сохранился. Год устанавливается по пребыванию Герцена во Флоренции, дни – предположительно – по соотношению с ответом Герцена (неизвестным), который был послан вместе с его запиской к Лизе 4 марта (XXIX, 252, 665), одновременно со 100 фр. (в нем Герцен сообщал о болезни И.С. Тургенева, писал о возможности приезда в мае Таты в Ниццу, прося ответить до 10 марта – см. XXIX, 55, 57). Наст. письмо непосредственно соотносится и с письмом Нат.Ал. от 4 марта (АО, 46–47).

² Герцен выехал из Флоренции 10 марта в Геную, а оттуда, не найдя места в дилижансе, – ночью 11 марта выехал в Ниццу пароходом. 12 марта он приехал в Ниццу.

³ Ответ Герцена, посланный вместе с его запиской к Лизе от 4 марта (XXIX, 252, ср. 665), неизвестен.

(Ницца. 18 или 19 апреля 1867 г.)¹

Один портрет посылаю сегодня Тате, другой в следующем письме, а то толсто². В понед(ельник) или во вторник была у Делбека³, он не знает адреса дамы и просил переждать Святую неделю – опять эти несчастные праздники, гимн(астика) и танцы тоже отложены – учиться Лизе не хочется, я не настаиваю, но ей скучно, очень скучно – вчера я была с ней в Jardin des Plantes^{95*}, она немного играла с детьми, но детей почти нет.

Мари нашла место, в суб(боту) она уходит, а кухар(ка) приходит – обедать мы будем внизу, так что легче будет нам служить, а если б случилось, что и ты, и Тата в одно время были бы у нас, то можно Тате сделать спальную из старой столовой – весь этаж будет ваш – а нам наверху будет все-таки слишком просторно.

Сегодня Елиз(авета) получила письмо из дому, сестра ее лучше и – avis au tecteur^{96*} – она мне сказала, что женщина, которую они очень уважали, имела ребенка от молодого человека, с которым живет с тех пор, что муж умер, – и она добавила: “Ни я, ни мои родные никогда не поклонимся ей”. Эти буржуазные, застарелые мнения о святости брака не мы переменим, а может, в таких самолюбивых натурах, как Елиз(авета), эти мнения спасают ее от разврата, а они-то одни и составляют ее нравственность и честность.

Мы проходили около Basso, его не было, но я видела, что работают, выделявая рамку⁴ – об цветах подумаю, на кладбище такой беспорядок и разбой, что надо посадить растения, которые совсем не требуют поливки.

Ну, прощай, статья Луи Бланс об войне мне понравилась⁵, наконец хоть вожаки понимают и делят народ от правительства, но сколько в этой статье французской ненависти против Англии⁶.

¹ Письмо адресовано в Женеву, куда Герцен уехал 14 апреля; отправлено, вероятно, со следующим далее письмом.

² Фотографические снимки с Лизы, о которых пишет Нат.Ал., неизвестны.

³ Ницкий знакомый Герцена еще с 1851 г. (см. о нем XXIX, 167). 16 апреля Нат.Ал. писала, что зайдет к Делбеку завтра, чтоб узнать адрес учительницы музыки для Лизы (АО, 41).

⁴ Речь идет о мемориальной доске на могиле близнецов (выполнялась в мастерской мраморщика С. Бассо), которая была установлена 2 мая.

⁵ В “Былом и думах”, говоря о “шаге вперед” во взглядах Блана, о “целом перевороте”, обличившемся “при начале последней войны”, т.е. австро-пруско-французской войны 1866 г., Герцен указывал на «энергические, полные меткости и истины статьи Луи Блана, помещаемые в “Le Temps”» (XI, 48). Очевидно, одна из них, рекомендованная им, и обсуждается в письме.

⁶ Ответ Герцена на это и след. письма, отправленный около 23 апреля, неизвестен.

(Ницца, 19 или 20 апреля 1867 г.)¹

Лиза пошла на рынок покупать цветы – глаза ее опять начинают желтеть; если не будет лучше – я пойду к Скофие².

Соседка молодая, на которую я надеялась для Таты, уезжает через две недели. Мы уже перенесли столовую вниз, это гораздо лучше, жаль, что тебя нет, теперь мы можем поместить, если нужно, Тхор(жевского), тебя, Тату и даже еще кого-нибудь – поставили бы вы вещи к Черн(ецкому) и приехали бы сюда – не правда ли, пан?

Посылаю тебе свое старое письмо, твое одно получила – с твоего отъезда ниоткуда писем не было. Прощай, погода опять испортилась, холодно и поворачивает на дожди. Я нетерпеливо желаю поставить памятник, беспорядок на кладбище и торг,

^{95*} Ботаническом саду (франц.).

^{96*} внимание, читатель (франц.).

а поливать, действительно, трудно – вода в огромных резервуарах, а пролезать надо в маленькую дыру – толстый привратник не может – и должен нанимать солдат, вот как запутано. “Колокол” получила³, письма нет. Прощай⁴.

¹ Ответ на первое (неизвестное) письмо Герцена из Женевы – от 15 или 16 апреля (в “Списке несохранившихся и ненайденных писем Герцена” в т. XXIX, 776, № 21, оно датировалось “между 13 и 20 апреля”).

² Ниццкий врач, наблюдавший за здоровьем Лизы.

³ Лист 239 “Колокола” от 15 апреля.

⁴ Ответ Герцена на это письмо и п. 61, отправленный около 23 апреля, неизвестен.

58

(Ницца.) 21 (апреля 1867 г.), воскресенье¹

Лиза выдумала не учиться Святую неделю, как все дети; так как она учится очень неохотно, я приняла с радостью ее предложение – зато мы много читали с ней. Пишу тебе сегодня, может, ты еще не отдал часы, я бы предпочла сделать золотую крышку, по крайней мере, починки было бы меньше – здешний часовщик взял 10 ф(ранков) за Лизины часы.

Может, ты прав, что в моем письме просвечивает грусть – я чувствую ее, я вся ей пропитана – но ведь за это ты не можешь сердиться? Что ты говоришь об Альзасе, я принимаю с радостью – надо и можно еще поправить Лизино воспитание, я думаю лучше в таком случае не посылать письма к m-lle Proghet²; может, в Альзасе найдется женщина еще ближе к нашим понятиям и симпатичнее ее.

Перечитывая твоё письмо к Лизе – я вижу, что тебя грусть давит, а не то, что в письме тебя поражает, вот мне и жаль, что я написала об ней.

От Лизы:

Бумага очень хороша – я напишу Ольге. Скажи папе-Ага, чтоб мне прислал *photographie magique*³ – пригласи к нам Ага и Тхорж(евского).

Прощай.

Мари ушла, кухарка (правда, немного сумасшедшая, но тихая) работает. Лиза совсем теперь не занимается горничными. Мари так плакала, уходя, что меня тронула, теперь у нас тишина, только море слышно, вчера целый день был проливной дождь – сегодня праздник – мне еще тяжелее. Лиза играет часто в саду, то с одной Мари, то с другой. Уроки рисования начнутся только после Святой – танцы начинаются послезавтра, но 6 мая, кажется, кончаются, будет слишком жарко – Лиза продолжает ванны через день – от умыванья холодной морской водой ее болезнь (пятна) совсем прошла – фрукты она ест и даже вчера ела ягоды лесные.

Ну, прощай – берегись во всех отношениях, если тебя не будет, еще нужнее будет жить для Лизы и еще противнее. Кланяйся Ог(ареву) и всем. Лиза на днях напишет, сегодня не хочется...

Ни от кого писем нет.

Когда увидишь m-me Besson или m-me Chernetsky, можешь ей передать, чтоб дети ее писали ко мне через нее, потому что m-me Besson живет во Франции, а когда они пишут ко мне из Швейц(арии), конечно, без штемпеля, то я должна платить 1 ф(ранк) за письмо⁴.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена к Нат.Ал. и Лизе, написанное около 18 апреля (“второе” в его нумерации – см. XXIX, 83, 776, № 22, с датой “между 13 и 20”).

² Письмо к *Прогер*, содержательнице учебного пансиона близ Женевы, Герцен, вероятно, написал около 17 апреля, отправка же его была отложена (текст неизвестен).

³ “*Волшебного фотографа*” (франц.) – так называлась игрушка.

⁴ Ответ Герцена от 25–26 апреля на это и след. письма см. XXIX, 86–87.

(Ницца.) 22 avril (1867), lundi^{97*}

Сажусь сейчас тебе отвечать¹, нет, Герцен, не говори с этой барышней об Лизе, во-первых, русские очень редко способны на ту твердую деятельность и правильность, которые мне необходимы для Лизы, вдобавок эта девушка бог знает через какую жизнь прошла. Я об ней много слышала от Воденяпиной, которой она поверила свою историю – нет, Герцен, помогать ей чем хочешь, но не воспитанием Лизы².

Братья Жемчуж(никовы) ничуть не виноваты – мать увезла ее крошечную, а может, она родилась за границей – воспитывала ее под чужим именем и только года три (назад) сказала ей, что она ее мать, зато девушка, кажется, всем рассказала. Ты понимаешь, как бы я была рада найти русскую, но мне кажется, что надо ждать более верного случая. Если можно, я готова ехать с тобой³; если война помешает, надо будет придумать что-нибудь другое. Говорил ли ты с Ог(аревым) и с Тхор(жевским) об книжной лавке? Не оставляй меня без работы – мне слишком больно жить.

Ну, прощай – дай тоже твою руку – лишь бы время прошло без особых несчастий. – Лизе эти дни весело, она играет с детьми Фау в саду – вчера играла на гулянье несколько часов, а я сидела и смотрела на детей.

От Таты не было еще ответа, добрая m-me Bohne (!) написала мне длинное письмо⁴, она привыкла к нам, и в каждой строке видна большая симпатия к Лизе.

Говорят, что выставка удивительная⁵. – Старая тетка m-me Fay выразилась так: “On nous (disait?), madame, que l'exposition c'est quelque chose d'épatant”^{98*}. – Ну, вот и я тебя заставляю улыбнуться – прощай.

Лиза очень рада бумаге, но она теперь, как сумасшедшая, бежит по саду.

Не лучше ли тебе написать Сусловый? На это я даю *carte blanche*^{99*} 6.

¹ Ответ на письмо Герцена от 20 апреля (см. XXIX, 82–83).

² 20 апреля Герцен писал Нат. Ал. о русской девушке, “незаконнорожденной сестре” А.А. Жемчужникова, которая могла бы занять место Лизиной гувернантки и учить ее русскому языку; он спрашивал согласия на переговоры с нею. В следующем письме от 26 апреля Нат. Ал. вновь просила “оставить мысль об этой девушке” (АО, 45).

³ Около 18 апреля в неизвестном письме Герцен предлагал Нат. Ал. съездить вместе с ним в Эльзас, чтоб устроить Лизу в страсбургский пансион или найти там для нее гувернантку.

⁴ Это письмо Нат. Ал. и ответ Н.А. Герцен неизвестны, так же как и письмо г-жи Бон.

⁵ Всемирная выставка в Париже, открывшаяся в конце мая.

⁶ Получив наст. письмо, Герцен ознакомил с ним Огарева (см. отклик его в письме к Герцену от 25 апреля – Ог. II, 523). Ответ Герцена от 25–26 апреля на это и предыдущее письмо Нат. Ал. см. в XXIX, 86–87.

(Ницца. 4 мая 1867 г.)¹

Я не знаю, чем ты недоволен, я не могу тебя понять – хочется узнать то будущее, которое от нас зависит; может, это даже не каприз [может, это необходимо].

2 мая, ты уже знаешь, что мы поставили доску² – Лиза и Елиз(авета) очень много помогали – m-me Росса, и дочь, и внуки тоже весь день были – столько было участия и доброты, что я и внутренне не упрекнула их, что не оставили меня ни минуты одной, а хотелось – не могу я думать и плакать при людях. Basso я недовольна очень, он уж чересчур небрежен и *grand seigneur*^{100*} – сам не зашел, памятник положили почти совсем лежа, решетка очень нехороша, вдвое выше того, что мы говорили, слишком широка и длинна, надо было вырубать стену и вырезать весь жераниум^{101*}, чтоб ее поставить, а спереди сделали какие-то подставки, все имеет вид, как будто

^{97*} понедельник (франц.).

^{98*} “Нам (говорили?), мадам, что выставка – это нечто *сногшибательное*” (франц.).

^{99*} свободу действий (франц.).

^{100*} большой барин (франц.).

^{101*} герань (франц. *géranium*).

это как-нибудь и ненадолго поставлено, надпись *concession*^{102*}, и пр. написана черной краской, это в глаза бросается. Если хочешь, пришли мне записку насчет решетки, может, он ее переменит³. Сначала работники отказались ставить решетку и просили чтоб вырубili сторону, обращенную к стене, но Basso отвечал, что все вздор, что надо ее поставить. Зачем он берет такие для него ничтожные работы и исполняет их так скверно? Я хотела ему написать учтивую записку, но чувствовала, что слишком сердита.

Лиза здорова пока и довольно весела – сегодня взяла первый урок музыки там, где я ноты брала, ее учит слепой и его сын при мне – а то учителей нет, кроме m-lle Malag, а я боялась, что она будет слишком дорога. Завтра в 9 часов Jеппу дает ей урок рисования и ваянья, он мне нравится – тихий такой.

У Делбека была опять два раза, все не знают адреса, я им оставила свой адрес, который они хотели передать этой госпоже. – Уроки Jеппу почти не в счет, потому что он только может по воскресеньям.

Ну, прощай – жму твою руку и жду письма. Тате я написала, что лучше, если она приедет в конце мая, а то время, может, слишком мало⁴. От(арев), верно, получил мою записку и письмо⁵. Я, пользуясь, что С(атин) в Москве, написала об деньгах Мельг(унова) и велела сказать Т(атьяне) А(лексеевне), что Якушкина лгунья⁶, бедный Сер(гей) Ив(анович), и он думал это.

Кухарка в самом деле сумасшедшая, иногда пугает меня, рыдает, всех подозревает и говорит в виде комплимента: “Vous n’avez pas l’air d’une Russe, vous étiez trop comme il faut”^{103*}.

Докт(ор) был, я скорей за пивом, за чаем, а он за шляпу!!! Привез записки его сиятельства⁷. А я боюсь, что он сделается inodore^{104*}, потому что так роскошничает умом в примечаниях, что выдохнется (5 мая).

Сейчас Лиза взяла первый урок у Женни – у посторонних она учится довольно хорошо.

Только что получила твое письмо⁸. Нет, нет, ты меня не понимаешь – тут нет ничего воинственного, мне, право, нужно знать, что ты думаешь, – мне нужно бы тебя видеть, но это невозможно. Приезд Таты не мешает тебе – мы ей устроим спальню в бывшей столовой – или тебе, и весь этаж будет ваш – нужно бы дружески посоветоваться вместе.

Ну, прощай, дай мне свою руку, не хотела бы я тебя мучить, но нужно знать, что делать, что возможно и что нет – Лиза говорит, чтоб ты Тате написал поскорей приехать⁹.

¹ Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 30 апреля.

² Об установлении памятной доски на могиле близнецов Нат.Ал., очевидно, писала в не дошедшем до нас письме от 3 мая.

³ 8 мая Герцен послал Нат.Ал. “записку” к С. Бассо (неизвестна – см. XXIX, 90, 777). 10 мая она ответила: “Письмо Бассо я не передам, кое-как устроили решетку; со временем зелень покроет ее недостатки” (АО, 50).

⁴ Письмо Нат.Ал. к Н.А. Герцен, написанное около 3 мая, неизвестно (см. в письме к Герцену от 29 апреля о предполагаемом приезде Таты – АО, 46).

⁵ Нат.Ал. переслала через Герцена Огареву вместе со своей запиской апрельское письмо Т.А. Астраковой, адресованное ей и ему (оба письма неизвестны) с описанием последних минут С.И. Астракова. Астракова писала также, что Якушкина (по-видимому, Е.Г., жена Е.И. Якушкина, сына декабриста) передала ей холодный отзыв Герцена о С.И. Астракове, но что она не верит, чтобы Герцен мог так о нем отзываться.

⁶ Это письмо Нат.Ал. к Н.М. Сатину неизвестно. 8 мая Герцен писал ей, возмущенный сплетней: “Благодарю тебя сильно за то, что ты вступилась за меня (...) Слова холодного о Сер.Ив. никогда, ни в каком случае – не переходило моих губ” (XXIX, 90). В письме Нат.Ал. к Сатину содержалась также, очевидно, просьба напомнить В.П. Титову, душеприказчику умершего Н.А. Мельгунова, о долге Мельгунова Герцену. Об этом Герцен писал также 20 апреля В.П. Титову и К.К. Павловой (см. XXIX, 83; XIX, 266–267, 278–279, 470–471).

⁷ 5 мая Нат.Ал. посетил доктор Бернацкий, каннский знакомый Герцена и Нат.Ал. (см. XXVIII, 52, 60, 62), который привез “Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow” (Genève, 1867, t. 1). См. отзыв Герцена о книге – XIX, 218–220.

^{102*} приобретенное место погребения (франц.).

^{103*} “Вы непохожи на русскую, у вас очень порядочный вид” (франц.).

^{104*} совсем лишенным запаха (франц.).

⁸ Далее Нат.Ал. отвечает на полученное 5 мая письмо Герцена от 1 или 2 мая (неизвестно).

⁹ Ответ Герцена от 8 мая см. в XXIX, 90, 102 (с редакторской датой "17–18 мая"); см. также АО, 49–50.

61

(Ницца. 11 мая 1867 г.). Samedì^{105*}

Сегодня я тебе пишу по странному поводу – мне показалось, что у Елиз(аветы) на столе лежало письмо к тебе или к Ог(ареву) – так если я не ошиблась, лучше вас предупредить. Я тогда тебе говорила, что она поняла, что, оставляя ей адрес, ты ей таситно^{106*} позволяешь жаловаться. Ты был прав относительно Мари, она сделала много зла Елиз(авете), – и уничтожила почти все причины держаться за нее. Иногда мне необходимо послать ее с Лизой на гулянье, чтоб иной раз сходить одной на кладбище – я сначала не понимала, почему она просила меня не заходить за ними, оказалось, что Мари познакомила ее с каким-то *commis voyageur*^{107*} – ты понимаешь, что это до меня не касается, и советов моих, конечно, она не примет, но, с другой стороны, ты понимаешь, что я была очень недовольна, что и при Лизе свиданья – Лиза гораздо проворнее все схватывает – и поэтому ей такая обстановка вовсе не годится. Что же делать, я стала реже ходить и раньше возвращаться с кладбища.

Вчера Мари зашла к нам, и вдруг Елиз(авета) исчезла с ней без шляпы и вернулась в десятом часу, когда Лиза была уже в постели; сегодня я ей сделала слегка замечанье, сказавши, что надо меня предупреждать; я, действительно, очень устала – каждый день хожу с Лизой. Что со мной, я не знаю еще, но долго я не прослужу так, я это чувствую. Два раза Лиза берет уроки музыки около гулянья, три раза резьбы на дереве и воскресенье поутру у Жеппу; теперь надо начать купанье, я не буду купаться, но с Елиз(аветой) нечего и думать ее посылать.

Насчет Елиз(аветы), если она писала тебе или Ог(ареву), я бы хотела только, чтоб вы сказали, что уверены, что я буду к ней снисходительна и справедлива и что так как я одна ее выписывала, вы ей советуете со мной спокойно переговорить и уверены, что я все обдумаю к лучшему; тогда все еще может сладиться. Я думала уже, не оставить ли Елиз(авету) у m-me Рокка, пока мы ездим¹, это будет дешевле, а она, я думаю, будет очень рада; а потом увидим, что делать: если Лиза поступит в пансион, конечно, ее не нужно; если мы поедем в Р(оссию), я бы взяла ее для Елены, ей она может быть полезна, а нам с Лизой зачем? – Но есть еще у меня одна *aggrè-rep-sée*^{108*}, по которой, может, я не могу ни взять ее с собой, ни здесь при себе оставить – но это еще увидится; а пока я нездорова, и сама не могу понять, что со мной. Может, это вздорное письмо, и Елиз(авета), понявши, что сама виновата, не пошлет своего письма, ну, а если пошлет, надо немного *ensemble*^{109*} хоть для виду.

Ну, прощай, Лиза очень довольна уроками резьбы – это ее очень забавляет и после она может дома продолжать.

Лиза вас обоих целует – прощай еще раз; завтра мы собираемся в лес с Лизой вместо гулянья.

Лицо мое ужасно исхудало, и каждые две недели я так *сильно* больна, что должна бы постоянно лежать – а я постоянно на ногах – служба, жизнь как просолдатская служба. "День да ночь, сутки прочь, к смерти ближе", – говорят солдаты. В одинадцатом часу я засыпаю, а там проснешься и слышишь час, два, три. Опять забудешься, а там вечно в 5 1/2 на ногах.

Я говорю об моем лице потому, что это замечание посторонних обратило мое внимание.

¹ Нат.Ал. собиралась летом поехать вместе с Герценом в Эльзас.

^{105*} Суббота (франц.).

^{106*} молчаливо (от франц. *tacit*).

^{107*} коммивояжером (франц.).

^{108*} задняя мысль (франц.).

^{109*} единства (франц.).

(Ницца. 13 мая 1867 г.). Понед(ельник)¹

Мне очень совестно, что я встревожила вас таким вздорным письмом, как последнее²; я думаю, все это мне показалось и теперь все пришло в порядок. Я сказала Елиз(авете), что если во время путешествия она не будет нам нужна, мы можем оставить ее у m-me Рокка – она пришла в восторг от этой возможности. Ей 25 лет, и, конечно, она вправе располагать собой. Как горничной я по-старому ей довольна и не хотела бы с ней расставаться, но для Лизы теперь она вовсе не годится – аминь.

На днях мы снимали ковры; конечно, было довольно сквозного ветру, не знаю, простудилась ли Лиза, но вот два дня лицо ее все распухло, иногда нам кажется, что это укус, – вчера она пролежала в постели все воскресенье, ночью я сидела возле нее, сон ее был ужасно беспокоен, она и говорила, и металась, и опять страшное желание плакать – от слабости ли это, не знаю, несколько раз она смеялась, а кончили смех ужасным рыданием – если сегодня лучше не будет, пойдем к Scoffier. На днях я хотела, чтоб она начала купанье, но, кроме опухоли, погода очень изменилась в два последние дни, буря была и гораздо холоднее.

Мы кончили “M-lle Lili”³ и принялись дочитывать “Les Anglais au Pôle Nord”⁴, немного сухо, но Лиза понимает. В субботу мы вдвоем с Лизой посадили последние растения на могиле, теперь только нужно бы часто поливать до зимы, а на будущий год само собой будет расти.

Ferret⁵ сделал карточки Елиз(аветы) очень плохо и, кажется, не захочет их переделывать, а она этих не хочет. Он немного избалован.

Кажется, я писала тебе, что Лиза очень любит вырезать на дереве, она взяла только два урока, и сделала на (...) ^{110*} листе плюща. Музыка тоже теперь идет изрядно – танцы закрыты вот уже неделя. Каждый день после обеда, когда жар спадет, Лиза ходит в Jardin des Plantes^{111*} и играет до ночи, возвращается поужинать и спать.

Кажется, я сказала тебе все, что до нас касается, ах нет! Забыла одну вещь, m-lle Outerleau написала мне письмо, в котором спрашивает, не хочу ли я взять пансион; я скажу, что думала, что они оставили эту мысль и что, не списавшись с вами, не могу дать ответа. Ну, что ты думаешь? Я думаю, что это невозможно, и католические попы настроят родных против женщины не католической веры, а положение наше неоткровенное. Мне кажется, что такие вещи легче вновь заводить и считать на более или менее симпатизирующих людей новым воззрением⁶.

Ну, прощай, покажи Тхор(жевскому) письмо этой дамы и скажи, что это то заведение, которое он нашел в газетах.

Ну, а если б рискнуть, может, родные, видя порядок, свободу и счастливые лица детей, поставят на: –

Не понимаю, почему Л(угинин) не спросит письменно, это будет только тяжело обоим⁷.

Насчет Шарлотты, я думаю, Саша сделал страшную ошибку⁸; по-моему, или нужно было сделать, как Фогт, или взять ребенка одного, или должно помогать его воспитанию в Англии – но то, что он сделал, – против здравого смысла – ей это дает надежды, которых он не осуществляет, ребенка ставит в ложное положение – а если Саша женится, будет еще труднее.

Ну, прощай:

Письмо Out(erleau) у Лизы в комнате, а она спит еще. Я думала, что Елиз(авета) писала, потому что видела пакет с подписью, похожей на адрес Огарева, но я не хотела даже взглянуть и предпочла вам написать – будь же покоен, что бы ни было, она не думает, чтоб я могла ее отпустить до моего отъезда из Н(иццы), но теперь она не думает об этом – только я повторяю, что она так занята своими любовными историями – что я не имею доверия к ней – каждый вечер она уходит из сада, ничего не сказавши мне – часто у нее ключ, так что то того, то другого нет.

^{110*} В автографе нарисована веточка плюща с тремя листками. – *Ред.*

^{111*} Ботанический сад (*франц.*).

¹ Ответ на письмо Герцена от 9–10 мая (XXIX, 92).

² См. предыд. письмо.

³ В письме от 6 мая Герцен осведомлялся, получила ли Лиза “арифметику Лили”, очевидно, посланную им. Речь идет об альбоме с рисунками датского художника Л. Фрелиха и надписями П.-Ж. Этцеля (псевдоним *Сталь*): “L’arithmétique de m-lle Lili”. Р., 1866.

⁴ Под этим названием вышла в Париже в 1866 г. часть 1-я романа Ж. Верна “Путешествия и приключения капитана Гаттераса”; полностью роман опубликован впервые в 1867 г.

⁵ Ницкий фотограф; делал фотографические портреты Герцена.

⁶ С пансионом Утерло и его хозяйкой Герцен познакомился еще в конце декабря 1866 г., намереваясь устроить туда Лизу (см. XXVIII, 259). Сохранился записанный им адрес: “Pensionat d’Outerleau, 54, Rue de France, à côté de l’Hôtel Helvétique” (РГАЛИ, ф. 129, оп. 1, ед.хр. 14, л. 2).

⁷ 10 мая, сообщая Нат.Ал., что получил от В.Ф. Лугинина “длинное, печальное письмо и что он опять просит решительного ответа (...) хочет сам спросить еще раз” руки Таты, Герцен добавлял: “Мне его жаль – видно, что дело не поверхностного чувства. Я думаю, что нет ни одного шанса” (XXIX, 92).

⁸ 6 мая Герцен известил Нат.Ал. о предстоящем приезде в Женеву Ш. Гётсон, бывшей подруги А.А. Герцена, матери его сына Александра (Тутса); ее и ребенка пригласил Огарев с согласия А.А. Герцена (см. XXIX, 89).

63

(Ницца. 17 мая 1867 г.). Vendredi^{112*}

Если б ты знал, сколько я писем написала к тебе и изорвала, хоть это было бы доказательство, как мне не хочется тебя мучить¹.

Откровенно я жалею, что вы останавливаете “Колокол” да еще на такое долгое время – пока вы оба живы, этого не должно бы быть, “Кол(окол)” шел хорошо и в твоём отсутствии; если эта жертва делается для нас, я от нее отказываюсь – и потому ты все меня не понимаешь; это не решает вопросов. Через четыре месяца опять поднимется вопрос: что делать? В последнее время, видя, что m-lle Outerleau в самом деле готова передать пансион, мне очень захотелось его взять, я в этом видела спасенье, выход для Лизы, раз решенья для ее воспитания (нет). Пойду сегодня поговорить с m-lle Out(erleau), но это с моей стороны сумасшествие, в моем положении это немислимо. А насчет гувернанты многое очень трудно – поговорим, когда ты приедешь.

На днях против моей воли я сделала два знакомства, одно – это семейство маленькой Мари (которая нам не нравится). Они очень любезны и так настаивали, что грубо бы отвернуться от них, но они слишком религиозны, чтоб это знакомство было прочно или даже приятно, другое – это семейство двоюродного брата Гарибальди. Ты помнишь маленькую смуглую девочку, с которой Лиза часто играла? – Отец очень живой и добродушный человек, она ничего – они нас звали к себе, чтоб с ними посмотреть окрестности по ту сторону порта. – Они говорят, что там и купанья лучше (песок), и славные прогулки. Но худшие жары это июль и август – на это время можно мне вдвоем с Лизой ехать куда-нибудь в горы, а Елиз(авету) и вещи оставить у m-me Р(окка). М-me Гариб(альди) очень молодая и, я думаю, малообразованна, но она мне симпатична тем, что прошла через те же страдания, и хотя у нее двое детей и муж, а следы остались глубокие.

Дня два, три (назад) явилась к нам незнакомая женщина², лицо ее очень болезненное и умное, она спросила, правда ли, что зимой Лиза ходила в школу и что я ищу гувернанту, – я сказала, что последнее несправедливо. Она сказала, что знает Долг(орукова). Я думала женевского, оказалось – одесского. Через минуту, придя в себя, я спросила: “Но как же князь Долг(оруков) мог дать вам эти подробности? – Мы незнакомы”. Она улыбнулась: “Я слышала это не от него”. Ей почему-то хотелось с нами познакомиться, а Долг(оруков) был только предлог. “Я амери(ка)нка, а вы русские”, – и она мне протянула руку. Она приезжала с приятельницей, которая в это время, будто бы, смотрела квартиры. Она сделала на всех странное впечатление. Но хуже, чем на всех, дама подействовала на Rosalie, она мне объясняла долго, что у

^{112*} Пятница (франц.).

этой дамы в коляске дверь с металлической пуговицей pour attraper les gens^{113*}, и, соединяя это обстоятельство с тем, что столяр выкрасил дверь в красную краску, она принесет страшные бедствия для женщин, для нас и в особенности для себя.

Уж вот три дня, как она не ходит (за Лизой?)^{114*}, совсем опустилась. Как мне ее ни жаль, но на другую квартиру переводить ее не хочется, я очень нервна против воли, и она иногда пугает меня.

Скажи Ог(ареву), что я в Montreux сблизилась с Пог(одиной) и уже написала ей об Т(атьяне) А(лексеевне) и послала письмо тетеньке³.

Пожалуйста, Герцен, не выдавай меня никому насчет моей болезни, кто знает, что может еще случиться. Но окружающие скоро заметят, если уже не заметили⁴.

Не покупай Лизе ничего, вместо подарков надо ей купить инструмент, чтоб продолжать резьбу на дереве дома потом⁵.

¹ Ответ на письмо Герцена от 12 мая (см. XXIX, 95–96).

² Кто именно имеется в виду, не установлено.

³ 8 мая Огарев в письме к Нат.Ал. осведомлялся: “К какой Погодиной ты хочешь писать и о чем? Разве ты ее знаешь? Разве твои слова для нее что-нибудь значат?” (XXIX, 91). С.С.И. Погодиной Нат.Ал. познакомилась в Монтрё, после встреч Герцена с ее мужем М.П. Погодиным 20–23 сентября 1865 г. В неизвестном письме Нат.Ал. просила Погодину помочь Т.А. Астраковой, оказавшейся после смерти С.И. Астракова в бедственном положении, найти работу. Оно переслано через М.А. Тучкову, тетку Нат.Ал., и было вручено Астраковой адресатке, однако Погодины не оказали ей содействия (см. письмо Астраковой к Е.А. и Н.М. Сатиным от конца мая, завершенное 29 мая ст.ст. – автограф РГАЛИ, ф. 476, оп. 1, ед.хр. 17, лл. 2, 5).

⁴ Намек на беременность. Этим сообщением Герцен был “глубоко потрясен”, призывал Нат.Ал. “воскреснуть рождением” (XXIX, 103). Однако она ошиблась в своих предположениях.

⁵ Ответ Герцена от 20–21 мая см. в XXIX, 103–104.

64

(Ницца. 1 июня 1867 г.). Суб(бота)

Твой ответ – одни упреки¹, упреки за то, что человек, не зная, что делать, спрашивает, что ты предлагаешь, на что Ог(арев) согласен², я ничего не поняла и прошу тебя поскорей ясно написать.

Насчет Прогер, пожалуйста, не делай более шага, дай мне подумать, не могу ли я иметь кого-нибудь более близкого, – очень тяжело теперь начать дело с посторонней женщиной, и еще раз повторяю, если я должна продолжать жить, как теперь, лучше молчать, чем все раскрывать постороннему лицу, – при свиданье я тебе объясню, что это не облегчает, а, наоборот, делает еще тяжелее положение. Гариб(альди) сказал раз Тате: “Как видно, что вы родственники, как Лиза похожа на вас”. Я чувствовала, что у меня сердце дрогнуло и лицо изменилось, Тата отвечала: “Все говорят, что я очень похожа на отца”. Если б Тата не знала ничего, эта минута лучше сошла бы с рук – я говорю это относительно Прогер.

Тата очень довольна своей жизнью во Флор(енции). Ей хорошо, я считаю, что было бы грешно отрывать ее от ее среды, если она охотно приехала, то надо понять, что весь этот кружок рассыпается и что ей до осени все равно где прожить. Какой же круг я могла бы ей образовать – и где? Для этого надо быть где-нибудь на месте, а где я буду, кто это знает?

К m-me Saffi я не буду писать, она меня оставила – ясно, что после нашего разговора она должна была писать – она мне прислала только раз коротенькую записку – а потом ни строки в шесть месяцев – но я не жалею, что говорила с ней, это был долг, она слишком близко подошла ко мне, чтоб я могла молчать.

Пиши же ради всего, что тебе дорого, время идет – 25-го я должна оставить этот дом – после лучше оставить вещи и ехать на горы – нельзя жить возле Гариб(альди)³. – В июле будет все слишком заметно.

^{113*} Чтоб удивлять людей (франц.).

^{114*} Читается предположительно: чернила расплылись. – Ред.

Насчет пансиона, я ни шагу не сделала с тех пор, (как у)знала свое положение, дамы эти⁴ сами прислали мне письмо, тогда я пошла к ним и говорила, ничего не обещаю. Они сказали, что пришлют мне условия, и не прислали, должно быть, устроили дело с другой. Я верю, что Прогер может вести школу без меня, но что ей за помощь будет женщина в моем положении? Конечно, узнавши все подробности, никто детей не будет помещать.

Пиши же, пиши, ты меня измучил молчанием – время быстро подвигается, мне надо обдумать и решить, что делать, пожалуйста, не дли – очень жаль, что ты до июля не можешь приехать⁵, но, впрочем, и это не важно. – Пойду, может, к Scoffier и расспрошу его, где он советует провести лето и осень, а там – да, мне бы хотелось все обдумать, решить и отдохнуть от этих вопросов.

Ну, прощай, дай твою руку.

А напрасно вы остановите “Кол(о)кол”: он хорошо шел и в твоём отсутствии.

Перечти мое письмо, т.е. мое первое письмо⁶, и тебе будет больно самому, как жестко ты отвечал на него⁷.

Рукой Н.А. Герцен:

1 июня 1867.

Писать буду особо⁸, теперь могу только поцеловать тебя и Огарева. Бедный Лугинин, как мне его жаль! Но серьезно его не понимаю, я ожидала наверное, что он приедет сюда, так как не успел ехать во Флоренцию. А выходит, что он ничего не делает. Какая слабость!⁹

Твоя Тата Г.

¹ Ответ на письмо Герцена от 29–30 мая (см. XXIX, 108–110).

² В письме от 29–30 мая Герцен откликнулся на письмо Нат.Ал. от 25 мая (АО, 60–61, с редакторской датой 1868) и совместное письмо Нат.Ал. и Н.А. Герцен, приехавшей к ней из Флоренции, от 27 мая (см. его в наст. книге).

³ Герцен советовал Нат.Ал. “нанять дом возле Гарибальди”, т.е. семейства двоюродного брата Дж. Гарибальди (см. XXIX, 109).

⁴ *Дамы эти* – Утерло, владелицы пансиона в Ницце.

⁵ 29 мая Герцен писал Нат.Ал.: “Время это очень важное для меня и О(гарева)”, имея в виду, с одной стороны, резкий разрыв с “партией” А.А. Серно-Соловьевича, с другой – усиление общественного интереса к “Колоколу”, связанное с публикацией в л. 240 от 1 мая “Ответа И.С. Аксакову”. «Остановка “Кол(о)кола” будет запросом на to be or not to be “быть или не быть” (англ.)». Она меня может задержать до 1 июля – надобно узнать первый отзыв» (на объявление о приостановке газеты в л. 244–245 от 1 июля; приостановка обосновывалась здесь же, в передовой статье Герцена “1857–1867” (см. XIX, 286–287, 330–331, 486–488, 515).

⁶ Письмо от 25 мая (см. АО, 60–61).

⁷ Н.А. Герцен написала отцу 4 июня (см. ниже).

⁸ Очевидно, 30 мая Герцен послал также отдельное письмо к Н.А. Герцен (неизвестно), в котором сообщал о получении из Парижа известия от В.Ф. Лугинина, что тот не может приехать в Ниццу, и, намереваясь отправиться в Россию, просит его о свидании. 3 июня, отвечая на приписку дочери, Герцен писал: “Лугинин для меня загадка – но он очень несчастен (...) Его странная пассия меня не меньше дивит, и я вполне согласен с тем, что ты писала. А жаль его. Чистый человек и chevaleresque (рыцарственный (франц.)) – XXIX, 112; см. также 116.

⁹ Ответное письмо Герцена к Нат.Ал. от 3 июня неизвестно; в “Списке несохранившихся и найденных писем Герцена” (XXIX, 773, № 34) оно ошибочно датировано 4 июня и объединено с письмом Герцена из Монрё от этого дня. Оно отправлено из Женевы вместе с ответом его Н.А. Герцен, который так же не мог быть написан ранее 3 июня (XXIX, 112–113, с редакторской датой: 2–3 июня).

Опять сажусь писать к тебе – в конце моего письма опять жесткие слова, но мне хочется тебе объяснить, что откровение – единственная сила против предрассудков; тот, кто прячется, боится их – но я писала второпях, занятая, пораженная судьбой Шарл(отты) и ее ребенка². Я ничего не могу делать, мне страшно за нее – пришли поскорей ребенка, если это, в самом деле, так. Пусть после Саша его возьмет, а может, он этого не сделает, может, видя, как мое сердце болит за него, лишенного ла-

ски, любви матери, может, он многое забудет и станет моим другом. Моя любовь к Леле, наша разлука объяснили мне лучше отношение матери к ребенку – пожалуй, улыбаясь и не верь, но ты сам увидишь.

А если Ог(арев) понял, как тяжело с неравными жить, я готова за ним ходить – если он захочет опять с тобой жить – а Мери делать бы пенсию – но, может, я говорю жесткие вещи, прости: это желанье вас видеть всех соединенных. Через несколько лет, может, и Мейз(енбуг) с Ольгой захотят войти в нашу колонию. Пока пиши поскорей, меня мучат твои строки об Шарл(отте). Как можно так оставить ребенка – привези или пришли его поскорей. Пиши, не мучь меня. Бедный Ог(арев), понимаю, что должно быть с ним, когда здесь мне так тяжело. Пиши же.

Деньги получены³ – merci. Если ты хочешь прислать вещи, можно поместить их у дочери m-me Росс⁴.

¹Письмо датировано в автографе 4 июня, а рядом помета: “Я ошиблась” – очевидно, более поздний сигнал об ошибочности поставленной даты. Оно написано 5 июня вечером и отправлено 6 июня, получено в Женеве 8 июня: Герцен цитирует его в письме к Огареву от этого дня (XXIX, 123–124, напечатано с редакторской датой 14–15 июня).

²Письмо служит вторым откликом на полученное в этот день сообщение Герцена в неизвестном письме от 3 июня об исчезновении Ш. Гётсон (31 мая она, как впоследствии выяснилось, – утопилась). Первый ответ Нат.Ал., с советом привезти к ней осиротевшего Тутса, см. в АО, 50–51. В конце его она вновь требовала не скрывать их отношений.

³3 июня Герцен послал Нат.Ал. и Тате 600 фр. (см. XXIX, 113).

⁴Ответ Герцена от 8 июня неизвестен.

66

(Ницца.) 9 июня (1867 г.)¹

На твое хорошее письмо из Montreux² я отвечала таким же³, отдаваясь тебе безусловно; оно было в моем кармане, но я ждала, чтоб изменить, если что нужно; вечером пришло твое холодное, даже враждебное письмо. Я не пошлю тебе своего ответа, он тебе не нужен. Ты упрекаешь, что я тогда не взяла ребенка, разве это одно и то же? Тогда я потеряла всякое доверие к себе, ребенка надо было взять от матери, которая плакала недели, когда ей говорили об этом, теперь, напротив, он один – впрочем, после твоего ответа я никогда не возобновлю этого разговора.

По твоему вопросу об деньгах я вижу, что ты не получил одного письма, писанного в тот же день⁴ – разорви его, когда оно придет.

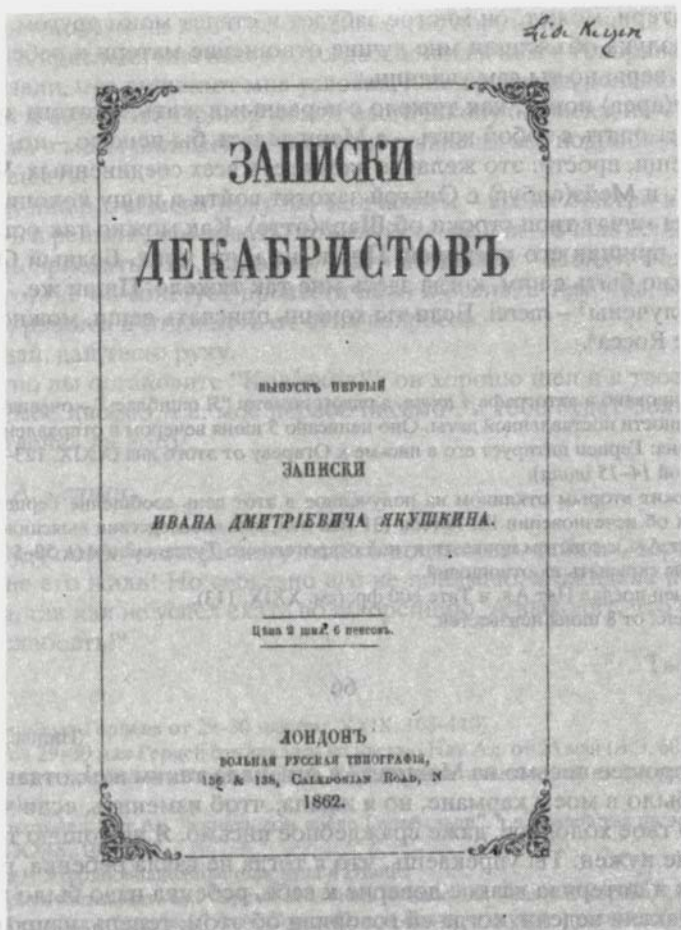
Доверие мое к тебе, которое твое письмо из Montreux было воскресило, побледнело опять, снова мне кажется, что мы только тяжелый долг для тебя, и страстно хочется уладить, чтоб он не давил так тебя. Говори с Прогер об воспитанье, об пансионе, позволит ли ей здоровье принять главную часть на себя и какие условия ее⁵. В сущности, мы ее очень мало знаем, надо во всем договориться, не знает ли она хорошей музыкантши, которая могла бы помогать нам как sous-maîtresse^{115*}. Думает ли она, что мы управимся втроем? Завтра я опять пойду к этим дамам, они не прислали мне условий. – Герцен, я лучше принесу все жертвы, но останусь в Н(ицце).

Что мне Генуя, опять новое место, где все чуждо, здесь моя могила, помнишь, когда ты уехал, я сказала Лизе: “Ну, вот мы и одни, Лиза”, а она отвечала: “Пойдем на кладбище”⁶. Нет, нам не надо оставлять Ниццу – все же тут что-то родное привязывает.

Не сравнивай Лиз(ино) положенье с твоим, ты знал отца и мать с первой минуты, более я ничего не желала – но теперь, может быть, все еще уладится. Только, решившись на пансион, нельзя идти назад, пансион – наш развод, но он лучше для тебя, чем Россия, ты Лизу не совсем потеряешь, а для меня всякое решение лучше вечного колебания.

Может, тогда ты перестанешь бояться за Лизу – я не сержусь за это, я сама бо-

^{115*} младшая воспитательница (франц.).

ЭКЗЕМПЛЯР ПЕРВОГО ВЫПУСКА "ЗАПИСОК ДЕКАБРИСТОВ"
(ЛОНДОН, 1862), ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ЛИЗЕ ГЕРЦЕН

Обложка с владельческой надписью: "Lise Herzen"

Музей Герцена, Москва

юсь за нее. Ну, прощай, я тебе прощаю, что ты то вытаскиваешь меня на берег, то сталкиваешь. Это все без умысла заставляя страдать обреченную на страданье: Ты меня строго, жестоко судишь, но ты мало знаешь мое сердце, мало знаешь, что в нем боли и нерушимой муки.

Напиши мне, что вы решили насчет Ал(ександра) ПП⁷, где он будет жить.

Теперь не будем больше шутить нашими надеждами, нашими страданиями, приступим практически к делу Лиз(ино)го воспитания, сделаем нужные жертвы. Совесть хоть немного тогда успокоится. Еще, кажется, не поздно, чтоб все уладить. Если хочешь, пришли мне адрес m-lle Прогер – если дело пансиона пойдет на лад, я буду с ней переписываться – но я *требую*, чтоб она ничего не знала⁸.

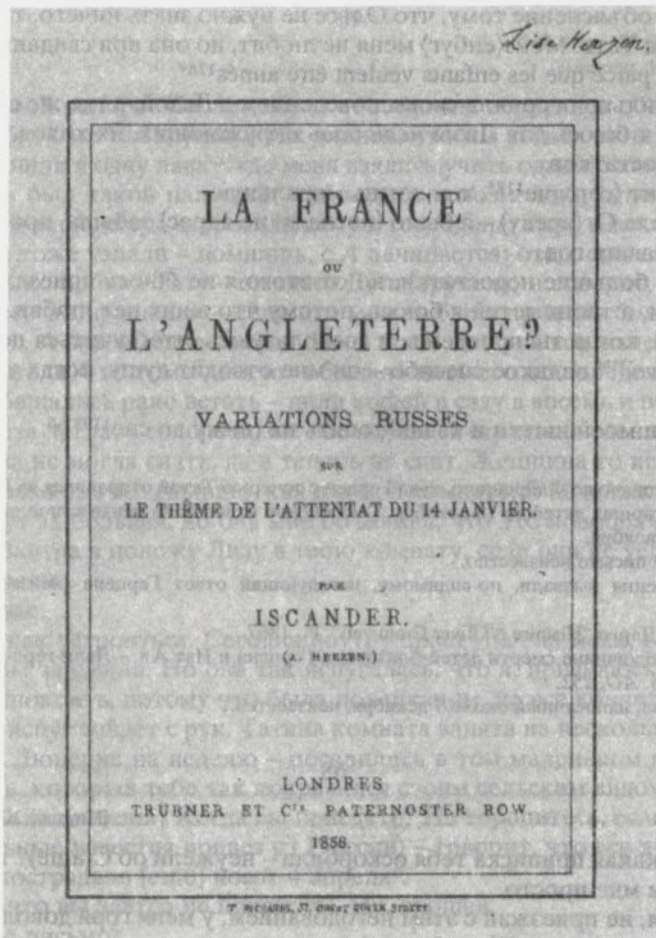
⁷ Ответ на неизвестное письмо Герцена из Женевы от 7 июня, в котором он, откликаясь на первое письмо Нат.Ал. от 5 июня (АО, 50–51), выражал сомнение в том, что она сможет воспитывать Тутса.

⁸ Неизвестное письмо Герцена от 4 июня – очевидно, с призывом к миру, семейному успокоению.

³ Этот ответ Нат.Ал. от 8 июня, которого Герцен ждал со "странным нетерпением" (XXIX, 120, 122–123), неизвестен: очевидно, он был ею уничтожен после 9 июня.

⁴ Имеется в виду предыд. письмо.

⁵ Герцен побывал у Прогер между 22 и 24 июня и написал Нат.Ал. тогда же о своих впечатлениях от ее пансиона (письмо неизвестно).

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРЕВОД СТАТЬИ ГЕРЦЕНА
 “ФРАНЦИЯ ИЛИ АНГЛИЯ?”
 (ЛОНДОН, 1858). ЭКЗЕМПЛЯР, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ЛИЗЕ ГЕРЦЕН
 Обложка с владельческой надписью: “Lise Herzen”
 Музей Герцена, Москва

⁶См. письмо Нат. Ал. к Герцену от 16 апреля (АО, 40) (с датой 3 сентября 1866 или 1867 г.).

⁷Шутливое прозвище Тутса, сына А. А. Герцена и Ш. Гетсон (третьего Александра в семье).

⁸Герцен ответил на наст. письмо 11 июня (см. XXIX, 120–121), назвав его “невыразимо дурной запиской”.

(Ницца. Около 4 декабря 1867 г.)¹

Вот тебе письмо к Тате², Ольге не знаю, что писать, — это трудно, не выдавшись так давно. Лиза занимается очень охотно — и довольно мила и умна. Я рада, что ты остаешься дольше во Флоренции — все же тебе лучше, вы хоть друг друга там не боитесь. Я не могу звать ни Ольгу, ни Мейз(енбуг). Во-первых, я их боюсь, потом, что же переменялось в нашем положении? Оно все так же натянуто, а я помню ее сцены и ее слова, что она не может жить с нами под одной крышей с этой неистинной внутри.

Я не могу с тобой согласиться, я убеждена, что Саша и Тата не любят Лизу³. Холодное отношение к ребенку идет только из нелюбви, следи за Татой, и ты увидишь, как она умеет быть любящей с посторонними детьми. Что Тата и Саша не любят Ли-

зу – вот лучшее объяснение тому, что Ольге не нужно знать ничего, ты можешь прочесть эти строки Тате. Мейз(енбуг) меня не любит, но она при свиданье была бы Лизе дороже всех, *parce que les enfants veulent être aimés*^{116*}.

Тата меня сильно огорчила своим поведением с Лизой, а где же сцены, которых все боятся? Да, я боюсь для Лизы *нелюбовь* окружающих, их холод, потому что он не лечит от недостатков.

⟨Он⟩^{117*} губит ⟨сер⟩дце^{118*}, т.е. жизнь моральную.

Лиза написала Ог(ареву) – я было ⟨послала, но адрес⟩ забыла, прости, но ведь немудрено, не писавши год.

Лиза имеет большие недостатки, но от этого я не боюсь приезда Сатиных, они бы мне помогли, а твоих детей я боюсь, потому что в них нет любви.

Ну, прощай, когда ты приедешь, я воспользуюсь, чтоб учиться по вечерам с тобой – за “Cromwell”¹⁴ великое спасибо – он мне отводит душу, когда уж слишком тяжело.

Настали дни моей пытки и казни⁵, опять их ⟨вижу во сне^{119*}⟩⁶.

¹Письмо адресовано во Флоренцию, куда Герцен с дочерью Татой отправился из Ниццы 17 ноября и где задержался у старших детей до 15 декабря. Оно служит ответом на неизвестное письмо Герцена, написанное около 30 ноября.

²Упомянутое письмо неизвестно.

³Эти утверждения вызвали, по-видимому, негодующий ответ Герцена (неизвестен) – см. след. письмо.

⁴Книга Ж.-М. Дарро “Histoire d’Oliver Cromwell”. Р., 1867.

⁵Речь идет о годовщине смерти детей-близнецов Герцена и Нат.Ал. – Лели-гёрл и Лели-боя (4 и 11 декабря 1864 г.). Ср. АО, 252.

⁶Ответ Герцена, написанный около 7 декабря, неизвестен.

⟨Ницца.⟩ 10 дек⟨абря 1867 г.⟩¹

Я не знаю, какая приписка тебя оскорбила – неужели об С(аше)? Но что же против тебя? Пиши мне просто.

Прошу тебя, не приезжай с этим негодованием, у меня горя довольно. Если б ты слышал сегодня, как m-me Г(арибальди) говорила о перемене во мне с твоего отъезда – это правда, без тебя нет силы против стремленья вон из жизни, хотя разумно *я хочу жить, должна жить*, но инстинктом я рвусь к смерти – но зачем я это говорю, нет, нет, в этом письме ни слова об моем здоровье.

Что же я сделала против тебя? Неужели это, что не имею доверия в серьезность С(аши)? Подумай об его пустой жизни, и ты увидишь, что много правды с моей стороны. Но что же ты, пиши – не спеши отсюда, тебе здесь все-таки лучше – и верь мне: пусть будет тебе хорошо, где бы ни было.

Прощай.

Кланяйся всем – если часы не нужны Ольге, привези их назад. Ог(арева) рож-д(енье) 6 дек⟨абря⟩ и ближе к другому страшному дню², Тата все забыла.

¹Ответ на неизвестное письмо Герцена, написанное около 7 декабря.

²Очевидно, Тата в неизвестном письме напоминала Нат.Ал. о близости дня рождения Огарева и годовщины смерти Лёли-боя – 11 декабря. Нат.Ал. же отмечает, что этот день ближе к дню смерти Лели-гёрл – 4 декабря.

^{116*} потому что дети хотят быть любимыми (франц.).

^{117*} Край листа оборван. – Ред.

^{118*} Читается предположительно: чернила расплылись. – Ред.

^{119*} Читается предположительно: чернила расплылись. – Ред.

(Люцерн. 10–)12 (июля 1868 г.)¹

Вот тебе мой рапорт. После твоего отъезда мы вернулись обедать. Лиза была голодна, но обед был так хорош и так длинен, что мы устали есть. Играли на бильярде, потом пошли в одну лавку, где меня взяли учиться одной работе – мы долго засились, день был такой палящий, что ходить невозможно было, – мы медленно возвращались домой, когда встретили даму и господина, лицо знакомое, а имя не помню – они нас тоже узнали – помнишь, с А начинается: отец, сын и мать жили в Ве-ве². Она очень полюбила Тату – он знает Долг(орукова) и говорит, что поедет к нему после твоего возвращения – если это может быть приятно больному, но ты об нем не говори... А захождение солнца было такое, что мы все жалели, что тебя нет.

Они не читали 4-го тома³, и я им обещала дать его до понедельника. Он хотел зайти, и мы обещались рано встать – пили кофей в саду в восемь и пошли наверх, но, только что Лиза легла, в салоне возле нас началась страшная сцена и продолжалась до десяти. Лиза не могла спать, да и теперь не спит. Женщина то истерически рыдала, то охала громко, и все слышно, как в одной комнате. Я вышла к горничной спросить ее, что тут за больная, но она мне объявила, что это новобрачные – что за дикая жизнь. – Завтра я положу Лизу в твою комнату, если они не уедут. Они остаются еще две недели.

Воскресенье.

Не знаю, как устроиться. Сегодня поутру шкаф упал на меня, и, если б не Лиза, меня совсем бы задавило. Но она так испугалась, что я, признаюсь, боюсь за нее, и не могла ее успокоить, потому что была под шкапом, но все кончилось благополучно, если Лизе испуг сойдет с рук. Татина комната занята на несколько дней. Ауэрбахи остались в Люцерне на неделю – поселились в том маленьком пансионе над нашим, помнишь, который тебе так понравился своим сельским видом.

Что же ты не пишешь? Когда вы приедете? Не торопитесь, если это нужно. Ауэрб(ах) печальные известия привез из Р(оссии) – говорит, что все дурно идет. Европеусы очень пострадали [еще] после 4 апреля⁴.

Я думаю, что вы завтра не приедете⁵. Ну, прощай.

Вот и твое письмо⁶.

В Belle-Vue едут дети голландского короля – весь первый этаж уже взят ими. Не знаю, что делать, горничная тоже очень боится шкапа, который стоит все так же шатко. Не могу добиться, чтоб его или крепко поставили, или вынесли.

Долг(орукова) мне жаль – но этими опасениями выражается целость его характера и всей его жизни. Я ему не желаю долго так томиться, под конец эта подозрительность может распространиться и на Фогта и, может, на Тхор(жевского).

Рукой Лизы:

Je t'embrasse. Ta L i s e^{120*}

¹ Письмо написано во время путешествия Нат. Ал. с Герценом и Лизой по Швейцарии (выехали из Ниццы 2 июня; прибыли в Люцерн 4 июля; здесь к ним должна была присоединиться Н. А. Герцен). Оно адресовано в Берн, куда Герцен выехал из Люцерна 10 июля для свидания с умирающим кн. П. В. Долгоруковым – по его просьбе. Письмо начато ночью 10 июля, помета же "12" сделана в день его завершения – в воскресенье.

² О знакомстве с Ауэрбахом см. выше.

³ Имеется в виду т. IV отдельного издания "Былого и дум" ("Отделение первое" его вышло в Женеве, в типографии Л. Чернецкого, 5 или 6 ноября 1866 г.; "Отделение второе" – около 6 февраля 1867 г.; одновременно том вышел отдельной книгой – см. ЛЖГ IV, 318, 352.

⁴ Петрашевец А. И. Европеус, один из руководителей либеральной оппозиции тверского дворянства (при подготовке крестьянской реформы), приезжал к Герцену в Англию в 1859 г. вместе с женой Эмилией Вильямовной, переводчицей (см. Тучкова-Огарева, 150–151 и сообщение И. В. Пороха "У Герцена и Огарева" в конце наст. кн.). В конце сентября 1861 г. она вновь посетила Герцена, а по возвращении в Россию была выслана в Тверскую губ., в имение мужа, за провоз герценовских изданий. О новом аресте "Ев-

^{120*} Целую тебя. Твоя Л и з а (франц.).

ропеуса с женой и его брата" (П.И.) в связи с покушением Д.В. Каракозова на Александра II Герцен узнал из письма неизвестного корреспондента, которое включил в свою статью "Из Петербурга" ("Колокол", л. 221 от 1 июня 1866 г. – XIX, 84). По постановлению Следственной комиссии под председательством гр. М.Н. Муравьева, Европеусы были высланы под надзор полиции в Вятскую губ., но в марте 1867 г. получили право свободного проживания).

⁵Герцен встретился с дочерью Татой в Берне 10 июля, и вместе с ней вернулся 13 июля в Люцерн; остановились они в Hôtel Belle-Vue, где жила Нат.Ал. с Лизой (см. XXIX, 407, 409; письмо Н.А. Герцен к М.К. Рейхель от 14 июля см. ниже).

⁶Это письмо от 11 июля неизвестно. Очевидно, оно было близко по содержанию к его письму Огареву от этого дня, где описывалась трагедия угасания кн. П.В. Долгорукова, его болезненное недоверие к сыну В.П. Долгорукову (см. XXIX, 406–407).

70

(Лион. Около 31 октября 1868 г.)¹

Я писала к тебе длинное письмо из Виши, но не имела храбрости отдать тебе², я боюсь тебя сердить и огорчать, а, может, более сержу молчанием – взгляни на меня – на моем лице ты не уловишь дурного чувства, но твои колебания, трудность понять окончательно друг друга – заставили меня много думать и прийти к решению изменить форму нашего отношения. Я очень виновата, что давно не сделала этого, – нам было бы легче – я ничего не прошу, ни на что не жалуюсь – ничего не желаю.

Если когда-нибудь в тебе шевельнется серьезное чувство жалости ко мне, то ты сам протянешь мне руку на то, чтоб найти мне работу – она бы смягчила тупую боль, которая тебе не видна, но которая неразрывна с моим существованием.

Прошу тебя об одном: прими мое решение, не вызывай новых объяснений – зачем? Мне многого стоило, но я не жалею.

¹Письмо написано вскоре после отъезда Герцена с семьей из Виши в Лион 22 октября 1868 г. и до отъезда Нат.Ал. с Татой и Лизой в Марсель 2 ноября. Видимо, оно послужило толчком к объяснениям между нею и Герценом перед ее отъездом – 1 или 2 ноября.

²Это письмо не сохранилось.

71

(Ницца.) 24 ноября 1868

Мне хотелось еще вчера писать к тебе – твои последние слова в последнем письме меня глубоко тронули¹ – если б я могла сделать что-нибудь для твоего спокойствия, конечно, мне бы легче было. Может, в нашей новой жизни найдутся новые, хорошие стороны, которые позволят мне иначе тебе доказать все мое желание видеть тебя в светлом расположении. Тата сегодня получила длинные письма от Ольги и Мал(ъвиды)².

Здесь мы начинаем усердно хлопотать об учителях. Фортепьяно нельзя взять до твоего приезда, да и не знаю, брать ли, если неверно, что будут на нем играть. Я хочу взять свою записную книгу и добросовестно рассмотреть, какая разница между жизнью в отеле и жизнью дома. Здесь очень хорошо, пища простая, но сытная – поутру в восемь часов нам дают плохой – увы, – кофей с отличным маслом и хлебом. В 11 завтрак – несколько блюд мяса, а в 5 обед – мы сидим в конце стола; около нас старик-француз с женой, очень комические лица, возле Таты застенчивый и большой юноша из Женевы, возле меня игроки из немцев, с которыми я ни слова не говорю – русские на противоположном конце стола – едва видно; наши имена, конечно, давно на доске, но кто может угадать, что это именно мы, мы говорим за столом по-французски и по-англицки, в салоне мы не были – я думаю, этого и не следует. Словом, в этой толпе мы совершенно одиноки и свободны, и ничего неприятного не может случиться, если продолжать ту же жизнь. На доске стоят имена: Будберг, Барклай де Толли, но эти господа, вероятно, обедают в своих комнатах. Хозяева очень услужливы и сговорчивы – может, еще уступят, если узнают, что мы остаемся на всю зиму, – комнаты наши очень теплы: топить не придется, – поутру немного шумно в

сенях, тем лучше, раньше встаем. Тебе, я надеюсь, понравится, – приезжай же в светлом расположении и верь, что мне очень хочется, чтоб тебе было хорошо, – но если тебе нужно ехать в Париж, то лучше бы ехать из Жен(евы) через Париж, – чем через месяц или два опять ехать; лучше теперь отодвинуть наше свиданье. Тхор(жевский) пишет, что у m-me Chemetsky начинается gonagre^{121*}, посоветуй ей мазать иодиновой тинктурой и носить платок, потому что оно долго будет желто.

Что Ог(арев), ты мало о нем говоришь в последних письмах³.

У меня еще 150 фр., но не хватит заплатить за неделю в отеле и на наши издержки, поэтому я думаю отложить платеж до твоего приезда. Записка к Ав(игдору) у меня, но без крайности не хочется брать у него денег. Стало, с Елиз(аветой) 22 фр. в день – свечи 3 берем у хозяйки, остальные покупаем. Рокки нам очень обрадовались, дети Гариб(альди) тоже – привези Нине книжку – она будет рада, потому что очень любит тебя.

Я очень боюсь за мои вещи, говорят, что моль была страшная здесь летом. Лиза начинает охотно шить для кукол, я очень этому рада. Елиз(авета) начинает все приводить в порядок. Она нам рассказывает целые легенды об своей жизни у Rother's – пышная жизнь без денег – однако ей заплатили, потому что она собиравлась идти к консулу.

Лиза тебя целует. Ну, прощай, приезжай, если можешь. Сегодня и вчера дождь.

Рукой Лизы:

Je t'écirai demain. L i s e^{122*}

¹Отклик на неизвестное письмо Герцена из Женевы от 20 ноября.

²Эти письма до нас не дошли.

³В ответном письме от 26 ноября Герцен писал: "Очень рад, что ты спрашиваешь об Огар(еве). Физически ему недурно. Даже и ум его свободнее – но жизнь мне не нравится. Я утомляюсь у него – и эта бедность. Я опять купил салфетки и всякую дрянь..." (XXIX, 134 – начало письма не сохранилось; ошибочно присоединено публикаторами к письму от 25 июня 1867 г.).

Опять пишу, хотя, собственно, ничего нет особенного. Письмо мое лежало на Лизиней тетради и пристало – я отодрала, но бумага осталась на конверте, и я боюсь, чтоб ты не подумал, что кто-нибудь распечатал.

Лиза познакомилась с дочерью хозяина – теперь ей менее скучно – мы все занятия расписали, от десяти до двух, а после обеда прогулки, игры с девочкой и чтение. Вчера она ездила на осле и была очень довольна; сегодня я [ходила] взяла ванну – но после что-то голова болела, а может, это от тяжести в воздухе – погода все еще не совсем установилась.

Я писала тебе, что мы можем приехать одни, но я забыла, что белый сундук мне нужен, чтоб уложить книги. Жаль, если ты не приедешь², здесь окрестности так хороши, что стоит походить. Одна из главных прогулок – это в монастырь des Chartreux. У них для мужчин постели и splendidный^{123*} отель, но женщин не пускают, оттуда, говорят, вид прекрасный.

Ну, прощай, Толстого я кончила, не могла прежде успокоиться, ты не сердись – это чтение так кстати пришлось к моему расположению³. Крепко жму твою и Ага руку.

Лиза тебя ждет с нетерпением – и она привыкла к тебе, и хотя ей не хочется показать, что скучно со мной, но она говорит, что "чего-то без тебя недостает", – и ест меньше – ей нужны твой смех и удивление, чтоб поощрять ее. Но здесь, право, очень

^{121*} ломота в колене (франц.).

^{122*} Я тебе напишу завтра. Л и з а (франц.).

^{123*} роскошный (от франц. splendide).

хорошо – так тихо и лесом пахнет – я чувствую, что я необыкновенно добра и грустна – а ты, верно, смеешься, читая эти строки. Ну, прощай, или, гораздо лучше, до свиданья. Попроси Тхоржевского, если будут ко мне письма после тебя – присылать их на твоё имя. Спроси у него, до какого месяца заключен пансион за детей Besson – я буду ему сама посылать. Ну, будет. Ах, нет, постой, об Толст(ом) много буду говорить – местами он глубоко понимает жизнь, но я хотела только сказать вздор – подробностей об Тучков(ых) он не говорит, мог не знать, это ничего, но об Ив(ане) Алек(сеевиче) Яковлеве как-то нехорошо помянул, об письме к Алек(сандру) I, и говорит, что Алек(сандр) I не принял его. Разве это правда? Мне помнилось напротив⁴.

Окончательно прощай.

Так всякого дела много, что я не жалуюсь, даже порой время недостает, а все же хочется, чтоб ты был и чтоб его еще меньше хватало. – К тебе писем не было.

Иностранцы начинают приезжать.

¹Письмо послано из курортного городка Экс-ле-Бена (Франция, в 4 часах от Женевы), куда Герцен привез Нат.Ал. и Лизу из Ниццы 8 мая. Это второе письмо Нат.Ал. после отъезда 10 мая Герцена в Женеву. Первое, написанное 12-го – “в среду” – в ответ на письмо Герцена от 11 мая (XXX, 108–109), неизвестно.

²В ответном письме от 15 мая Герцен писал: “Я непременно приеду сам, и для того, чтоб все уладить здесь, останусь до *понедельника*” (Герцен приехал в Экс-ле-Бен за Нат.Ал. и Лизой 17 мая – XXX, 111, 114).

³Том V “Войны и мира”, вышедший из печати 16/4 марта.

⁴См. об этом эпизоде подробно в работе А.Г. Тартаковского “Переписка И.А. Яковлева с А.И. Михайловским-Данилевским” (кн. 1-я наст. тома).

КАРОЛИНЕ МИШЕЛЬ

Публикация М. Меро^{124*}

Каролина *Мишель* – француженка-гувернантка Н.А. Тучковой и ее старшей сестры Елены – “весьма образованная и начитанная особа”, “достойная личность”, по характеристике ее ученицы. Она провела в доме Тучковых восемь лет и была “не только наставницею, но и другом, и осталась им до конца своей жизни” (*Тучкова-Огарева*, 40).

В 1847–1848 гг. Мишель сопровождала Тучковых за границу и вместе с ними возвратилась в Россию. В начале 1860-х годов она обосновалась в Меце, в монастыре, носившем название Сиротский приют, или, точнее, *Приют сироток* (Maison des orphelines).

Наталья Алексеевна в юности страстно любила Мишель и навсегда сохранила эту привязанность. Герцен же и Огарев испытывали к ней обостренно недоброжелательное чувство. Имя Мишель нередко встречается в переписке Герцена, Огарева и их знакомых. Упоминания о ней читатель найдет и в письмах Тучковой-Огаревой, публикуемых выше.

Настоящее письмо написано было после совместного пребывания Натальи Алексеевны в Борнемуте с Герценом, Огаревым, Мейзенбуг и детьми Герцена летом 1864 г. Давний конфликт между нею и Мейзенбуг разгорелся тогда с новой силой. Из переписки Герцена можно получить представление о беспредельно накаленной атмосфере, которая установилась между членами его семьи, Тучковой-Огаревой и воспитательницей Ольги. “Ссоры (...) – писал он, – продолжают, как следует. Кроме Таты – виноваты все (...) Мальвида поочередно с Nat(alie) сходят с ума” (XXVII, 512, 514).

Откровенно недоброжелательные отзывы Тучковой-Огаревой о детях Герцена (особенно об Ольге) в публикуемом письме отчасти объясняются тем, что она нередко испытывала к ним почти враждебное чувство. Известно также, что в этих конфликтах Герцен почти постоянно принимал сторону своих детей, ревниво защищая их, и, по словам Натальи Алексеевны, эта ревность страшно мешала ее расположению к ним. Но и сам Герцен порою судил о своих детях чрезмерно сурово. В уже цитированном выше письме он отмечал, что, “кроме Таты, виноваты все”. Даже в самой Тате находил он жесткие стороны, оскорблявшие Мейзенбуг. Что касается Ольги, то Герцен не раз выражал сожаление о том, что она, “мало занимается” – впрочем, подобные упреки он нередко адресовал Саше и Тате.

^{124*} Перевел с французского Л.Р. Ланский.